

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ И. Г.
ПЕТРОВСКОГО»

На правах рукописи

Ромашенко Валерия Александровна

**СИСТЕМА ЦЕНЗУРНЫХ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЙ
В ОТНОШЕНИИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В КОНТЕКСТЕ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
КОНЦА 1878 – 1881 гг.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор
Блохин Валерий Федорович

Брянск 2016

ПЛАН

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ОСОБЕННОСТИ ЦЕНЗУРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ. 1865–1882 г.	23
1.1. «Временные правила о печати» 6 апреля 1865 г. как ключевой элемент цензурной реформы времени правления Александра II.	23
1.2. Цензурные предостережения как средство контроля над российской периодической печатью	38
1.3. Управление цензурным ведомством Российской империи в условиях политического кризиса второй половины 1870-х гг.	53
ГЛАВА II. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЦЕНЗУРНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ НАЧАВШЕГОСЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В СТРАНЕ	65
2.1. Основные черты государственной цензурной политики 1879 года	65
2.2. История газеты «Русская правда» (1878–1880 г.) как специфическое отражение цензурной политики в отношении независимой печати	83
2.3. Особенности цензурных предостережений, объявленных периодической печати в 1879 г.	100
ГЛАВА III. ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ» И ВОССТАНОВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-РЕПРЕССИВНОЙ СИСТЕМЫ В ОТНОШЕНИИ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ В 1880 – 1881 ГОДАХ	140
3.1. Цензурная политика в условиях «политической оттепели» начала 1880-х гг.	140
3.2. Реализация системы цензурных предостережений в 1880 году	157
3.3. Цензурные предостережения на новом витке восстановления административно-репрессивной системы в 1881 г.	179
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	214
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	224

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. История российской государственности и ее институтов, организация на различных исторических этапах системы управления в Российской империи, остаются одними из ключевых проблем отечественной исторической науки, а многообразие составляющих этой системы сохраняет и по настоящий день обширное поле деятельности для историков.

Частью государственной политической системы дореволюционной России выступал институт цензуры, контролировавший сферу отражения и формирования через печать общественного мнения. История функционирования этой системы представляется актуальной темой, поскольку она помогает изучить организацию механизма управления страной на различных этапах ее деятельности.

После длительного обсуждения и проволочек 6 апреля 1865 г. были утверждены «Временные правила о печати», явившиеся одним из важных элементов преобразований 1860-х – 1870-х гг. в стране. Закон предусматривал переход от предварительной цензуры к карательной, с судебной ответственностью периодических изданий за нарушение законов. Однако следует констатировать, что, отдавая предпочтение административным методам воздействия на печать, власть создала цензурную систему, предусматривавшую предостережения, запрещение розничной продажи изданий, публикацию частных объявлений, временные приостановки и полное прекращение печатания тех или иных газет и журналов. Ключевым нововведением нового закона являлось внедрение системы предостережений за «вредное направление».

Примечательно, что до отмены такой практики отношений с прессой, состоявшейся 24 ноября 1905 г., более двухсот восьмидесяти раз российские периодические издания уличались во «вредном направлении» с указанием статей, послуживших для этого поводом. Досадным для цензурного ведомства аспектом было то, что административное наказание настигало газетный и

журнальный материал после того как с ним уже ознакомился читатель, привлекая к нему дополнительное внимание. Публике помимо ее воли присваивалась роль своеобразного арбитра между административными органами и средствами печати. Сегодня знакомство со статьями, повлекшими цензурные взыскания, открывает для исследователя возможность вникнуть в суть проблем внутренней и внешней политики с позиции их современников.

Примечательно, что до сегодняшнего дня практически не было исследований, в которых комплексно рассматривалось бы содержание статей, подвергнувшихся предостережениям на том или ином этапе функционирования цензурного режима.

Через мотивацию цензурных наказаний, обрушившихся на газеты и журналы, можно детально воспроизвести внутренний механизм процесса формирования правительственной позиции по самым различным вопросам, актуальным для того времени, а также изучить особенности истории самой периодической печати, характер тогдашних отношений с властными структурами.

Исторический угол зрения на функции газетно-журнальных публицистических текстов тесно связан с выявлением замысла автора, с определения его общественной позиции, которая обычно выражается почти или полностью открыто, потому что в центре изложения находятся факты реальной жизни. Поскольку взыскания получали издания различной политической направленности: от радикальных до крайне консервативных и даже субсидируемых самим правительством, то предоставляется возможным рассмотреть реакцию различных общественных сил на те или иные события российской истории.

Объектом исследования является государственная политика Российской империи в отношении периодической печати второй половины XIX в.

Предмет исследования – система цензурных предостережений за вредное направление и содержание статей в газетах и журналах, получивших такие взыскания в конце 1870-х гг. – начале 1880-х гг.

Хронологические рамки исследования охватывают отрезок времени с конца 1878 до начала 1882 г. В советской историографии этот период выделялся в самостоятельный на основе идеологических тенденций, характерных для российской журналистики этого времени. Действительно, следует признать, что русско-турецкая война, а затем наступивший после нее кризисный 1879 год заложили контуры новых отношений между российским правительством и периодической печатью.

Отказываясь от оценок, определённых политической конъюнктурой, следует отметить, что данный временной отрезок включил в себя острый политический кризис и сопровождавшие его репрессивно-административные меры воздействия на печать, «политическую оттепель», с рядом уступок отечественной печати, новый виток административного воздействия на российскую прессу. Однако отношения между государством и периодической печатью, несмотря на такое разнообразие ситуаций, продолжали развиваться практически в неизменном правовом поле, определенном цензурным законодательством. Таким образом, в условиях рассматриваемого периода представляется возможным рассмотреть различные модели взаимодействия государства и прессы, выяснить степень воздействия на печать административного усмотрения.

Степень научной разработанности проблемы.

Изучение истории и практики цензуры активно велось еще в XIX в. при активном контроле со стороны цензурного ведомства, но, несмотря на это, большинство исследований конца XIX – начала XX вв., оценивали роль цензуры чаще всего негативно.

Некоторая активизация исследований произошла во второй половине 1890-х гг., что было связано с новыми надеждами, порожденными очередной сменой царствования в России. Так, в 1898 г. в Берлине была опубликована работа «Самодержавие и печать в России», переизданная в 1906 г. в Петер-

бурге¹. Ценным для нашего исследования является помещенный ее автором, историком литературы С. А. Венгеровым, список административных распоряжений («Мартирологий русской периодической печати»), ограничивавших проблемы, по которым могла высказываться российская пресса.

В начале XX в. интерес к истории цензуры получил дополнительный импульс, поскольку вновь появилась надежда на изменение цензурного законодательства. К интересующей нас проблеме прямое отношение имеют работы писателя, общественного деятеля, адвоката К. К. Арсеньева, который еще в 1871 г. утверждал, что в переходные эпохи печать не имеет такого значения, «которое она могла приобрести среди всеобщей безгласности и неподвижности, как единственное проявление общественной мысли – и не имеет еще *того* значения, которое принадлежит ей в обществе, живущем полной жизнью»².

В 1903 г. была опубликована статья К. К. Арсеньева «Русская печать на рубеже третьего столетия своего существования», а также его книга «Законодательство о печати»³. Автор, подробно характеризуя особенности принимаемых в период с 1855 по 1903 г. цензурных законов, показал их влияние на функционирование отечественной прессы⁴. К. К. Арсеньев выделил ряд этапов, на которые условно разделял правительственную политику в отношении печати, обозначив интересующий нас временной отрезок по февраль 1880 г. как «Первый период реакции и застоя», а с марта 1880 г. по октябрь 1895 г. как «Попытка движения, новая реакция и новый застой»⁵.

¹ Самодержавие и печать в России / под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Б-ка «Светоча», 1906. 37 с.

² Арсеньев К. Политический процесс 1869–1871 г. // Вестник Европы. 1871. Ноябрь. С. 285.

³ Арсеньев К. К. Русская печать на рубеже третьего столетия своего существования // Право. 1903. № 1. 1 января; 1903. № 2. 5 января.

⁴ Арсеньев К. К. Законодательство о печати. Великие реформы 60-х гг. в их прошлом и настоящем. СПб., 1903. 264 с.

⁵ Арсеньев К. К. Законодательство о печати. Великие реформы 60-х гг. в их прошлом и настоящем. СПб., 1903. С. 2.

В своей книге он также представил собственную версию причин усиления цензурного давления на печать в конце 1870-х гг.: «Усиленная строгость по отношению к печати, вызванная политическими преступлениями 1878 и 1879 гг., зависела не столько от того, что в печати был найден один из корней зла, сколько от систематического обострения репрессии во всех областях государственной жизни»¹. Рассуждая о свободе печати К. К. Арсеньев отмечал, что она, «как и всякая другая, имеет свои неудобства, допускает злоупотребления; чтобы отнестись к ней с доверием и без страха, необходимо убеждение в том, что хорошими ее сторонами не только уравновешиваются, но далеко перевешиваются дурные»².

Непосредственное отношение к избранной нами теме исследования имеют труды В. Богучарского³. Его небольшая статья в энциклопедическом словаре явилась одной из первых попыток сведения воедино цензурных взысканий с 1862 г., когда стали действовать «Временные правила для цензуры», утвержденные 12 мая 1862 г. и появился официальный печатный орган Министерства внутренних дел «Северная почта», в котором об этих наказаниях сообщалось. Большая часть взысканий, объявленных до момента выхода тома словаря в свет (1903 г.), была по годам приведена в этой статье и в главе книги этого же автора, посвященной истории русской журналистики XIX в. Материалы, собранные В. Богучарским до сих пор не утратили своего значения.

С проблемами цензурных взысканий связан также сборник статей, подготовленный двумя авторами: публицистом, сотрудником и редактором газеты «Русские ведомости» В. А. Розенбергом и публицистом, историком В. Е. Якушкиным⁴. Статьи, собранные в этой книге в разное время были напечатаны в «Русских ведомостях», в журнале «Русское богатство». В приложении к

¹ Арсеньев К. К. Законодательство о печати. С. 101.

² Там же. С. 123-124.

³ *Богучарский В. Я.* Цензурные взыскания // Энциклопедический словарь: изд. Брокгауза и Ефрона. СПб., 1903. Т. 38. С. 1-8; *Его же.* Очерки из истории русской журналистики XIX века // Из прошлого русского общества. СПб., 1904. С. 281-406.

⁴ Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. М., 1905. 251 с.

изданию был помещен список газет и журналов, навлекших на себя административные наказания с 1 сентября 1865 г. по 15 декабря 1904 г. (с. 193-226). Здесь же был помещен «Свод мотивов, по которым объявлялись за то же время предостережения изданиям» (с. 227-250).

В первые годы начавшегося XX в. были опубликованы работы Н. А. Энгельгардта, М. К. Лемке, Г. А. Джаншиева, А. Д. Градовского, Н. Я. Новомбергского¹. Общим для этих авторов было то, что они оценивали цензурное законодательство с точки зрения развития самой печати и нарастающего давления на правительство общественного мнения.

В условиях, когда власть оказалась в очевидном кризисе, начался очередной этап борьбы за снятие ограничений с периодической печати. Историки, юристы, публицисты, писатели выдвигали свои аргументы в пользу отмены цензурных ограничений. Настроения, связанные с возможными переменами приводили к тому, что даже представители консервативной печати высказывались за реформы в этой сфере и критиковали цензурное законодательство.

В советский период вплоть до 1960-х гг. тема царской цензуры раскрывалась главным образом в небольших по объему статьях, в отличие от дореволюционных объемных публикаций. Характерно, что отбор материала ограничивался чаще всего историей карательных действий в отношении изданий революционно-демократического направления.

В 1960-е – в начале 1970-х гг. стали появляться значительные по объему монографические исследования. Причем, несмотря на ограничения идео-

¹ *Энгельгардт Н.* Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб.: Издание А. С. Суворина, 1894. 389 с.; *Лемке М. К.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб., 1904. 532 с.; *Его же.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. 427 с.; *Его же.* Распоряжения Комитета министров об уничтожении произведений печати за 1872–1904 гг. // Вестник права. 1905. № 4. С. 119-134; *Градовский А.* О свободе русской печати. Посмертное изд. / Под ред. А. А. Шахматова. СПб., 1905. 168 с.; *Джаншиев Гр.* Цензурная реформа // Эпоха великих реформ. Изд. 10-е. СПб., 1907. С. 337-382; *Новомбергский Н.* Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России. Лекции, читанные в Русской высшей школе общественных наук в Париже. СПб., 1906. 308 с.

логического свойства, по истории правительственной политики в области печати появились не только качественные работы, но и обобщающие¹. Среди них для нашего исследования наибольший интерес представляет монография П. А. Зайончковского. В ней впервые в научный оборот были введен значительный пласт архивных источников, на основе которых автор проанализировал, в частности, деятельность Особого совещания 1880 г. под председательством П. А. Валуева по пересмотру цензурного устава.

Автор рассматривал период истории России 1878–1882 гг. через призму «кризиса верхов», однако при этом максимально объективно, насколько это было доступно в условиях идеологического диктата, исключавшего признание возможности эволюционного пути развития, стремился оценить происходившие события. Так, например, П. А. Зайончковский отмечал, что расстановка сил внутри Совещания сложилась в пользу предложений М. Т. Лорис-Меликова. «Эти предложения, устранявшие административные органы от вмешательства в дела печати, бесспорно имели положительное значение и были встречены общественностью доброжелательно»².

Для анализа исследуемых проблем представляют интерес статьи Б. И. Есина об ограничении розничных продаж периодических изданий³, статья и диссертация А. П. Афанасьева, в которых речь шла о правительственной политике в отношении столичных либеральных газет в 1878–1882 гг. Здесь же была приведена статистика административных взысканий⁴. В моно-

¹ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 – 1880-х годов. М., 1964. 512 с.; Бережной А. Ф. Царская цензура и борьба большевиков за свободу печати (1895–1914). Л., 1967. 288 с.; Оржиховский И. В. Администрация и печать между двумя революционными ситуациями (1866–1878 гг.): лекции по спецкурсу. Горький, 1973. 93 с.; Герасимова Ю. И. Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850 – начала 1860-х гг. М., 1974. 208 с.

² Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 – 1880-х годов. С. 263.

³ Есин Б. И. Материалы к истории газетного дела в России // Вестник Московского университета. Серия Журналистика. 1967. № 4. С. 84-86; *Его же*. Запрещение розничной продажи газет как средство ограничения свободы печати: На материалах русских газет второй половины XIX в. // Вестник Московского университета. Серия Журналистика. 1967. № 6. С. 70-71.

⁴ Афанасьев А. П. Из истории цензурной политики самодержавия в конце 70-х – начале 80-х годов XIX века // Вопросы истории СССР. М., 1972. С. 203-223; *Его же*. Сто-

графии Б. П. Балужева¹ подробно рассматривается политика Главного управления по делам печати и Министерства внутренних дел в сфере взаимодействия с печатью в 1880-е гг. К сожалению, автору не всегда удавалось отойти от устоявшихся в советской исторической науке классовых подходов в оценке тех или иных органов печати.

Правительственной политике в области цензуры в 1860–1870-е гг. посвящена книга В. Г. Чернуха. В своей монографии она впервые в советской историографии подошла по-новому к оценке взаимоотношения периодической печати и царской администрации, показав, что они не сводились только к преследованиям².

Изменения в стране, произошедшие в 1990-е гг. сказались на состоянии изучения проблем истории цензуры. Появились новые авторы и новые направления исследования, регулярно проводились научные конференции, выходили сборники трудов, в центре внимания которых находились проблемы истории цензуры, публиковались документы и справочные материалы. Цензура стала предметом изучения в высших учебных заведениях³.

Появились работы, непосредственно связанные с интересующей нас проблемой. Истории официозов был посвящены два раздела в монографии В. Г. Чернуха, а также статьи Н. П. Емельянова и М. А. Силаева⁴, А. В. Луночкин составил таблицу административных взысканий, полученных газетой «Го-

личные либеральные газеты в России на рубеже 70–80-х годов XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.

¹ Балужев Б. П. Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика. М., 1971. 315 с.

² См. Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати, 60–70-е годы XIX века. Л., 1988. 208 с; *Ее же*. Главное управление по делам печати в 1865–1881 гг. // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века. Сб. науч. тр. СПб., 1992. Вып. 6. С. 20-40.

³ Жирков Г. В. История цензуры в России XIX века: учеб. пособие. СПб., 2000. 220 с.; *Его же*. История цензуры в России XIX–XX вв.: учеб. пособие. М., 2001. 368 с.

⁴ См.: Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати, 60–70-е годы XIX века. С. 83-123; Емельянов Н. Из истории русских официозов 1879–1880 гг. // Вопросы журналистики. Л., 1960. Вып. 2. Кн. 2. С. 78-80; Силаев М. А. Правительственный официоз газета «Берег» (1880 г.) // Труды Государственного исторического музея. М., 1976. Вып. 46. С. 214-237.

лос»¹. Истории отдельных петербургских газет, с указанием причин взысканий, посвящена монография Е. С. Сониной². Особенности использования определения «вредного направления» Главным управлением по делам печати и специфике отношений с печатью в короткий период «политической оттепели» начала 1880-х гг. посвящены статьи В. Ф. Блохина³. Изучению практики применения закона 1872 г. в отношении к «бесцензурной» книге посвящены работы С. В. Кумачевой⁴.

Наибольший интерес для настоящего исследования представляет справочное издание Н. Г. Патрушевой, специально посвященное цензурным взысканиям⁵. Источниками для его составления стали правительственные издания – газеты «Северная почта» за 1865–1868 гг. и «Правительственный вестник» за 1869–1905 гг., в которых размещались определения причин взысканий, а также официальные ведомственные сборники: «Указатель по делам печати» и журнал «Книжный вестник».

Значительный объем публикаций по общим вопросам истории цензуры, создает серьезную теоретическую основу для изучения особенностей административных взысканий, налагавшихся на российскую прессу в период с 1865 по 1905 г. Государственная цензурная политика в отношении печати,

¹ Луночкин А. В. От сотрудничества к конфронтации: газета «Голос» и цензура (1863–1883) // Цензура в России: история и современность. Сб. научн. Трудов. СПб.: РНБ. Вып. 1. 2001. С. 77-94.

² Сониная Е. С. Петербургская универсальная газета конца XIX века. СПб., 2004. 357 с.

³ Блохин В. Ф. О вреде «Вредного направления» (начальный этап реализации новой государственной модели управления печатью в 60-е гг. XIX в. // Вестник молодых учёных. Серия: Исторические науки. 2007. № 4. С. 109-115; Его же. Российская периодическая печать в период «политической оттепели» начала 1880-х гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 2. С. 14-20.

⁴ Кумачева С. В. Система административного преследования «бесцензурной» печати в России (1872-1882 гг.): автореф. ... канд. ист. наук. М., 2008; Ее же. Цензура «бесцензурной» печати в пореформенной России // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2010. Выпуск № 2. С. 21-30. .

⁵ Патрушева Н. Г. Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865 – 1905 гг. Система административных взысканий. Справочное издание. СПб.: Нестор-История, 2011. 412 с.

изменения ее концепции, находится в центре большинства исследований, построенных на основе привлечения обширного фактического материала.

История цензуры имеет и свои библиографические исследования, освещавшие различные периоды ее истории. Следует отметить особый вклад в решение этой проблемы научного сотрудника Российской национальной библиотеки, д. и. н. Н. Г. Патрушевой¹.

Однако при общих успехах исследования проблем государственной политики в отношении периодической печати во второй половине XIX в. в общей картине этого противостояния и взаимодействия еще по-прежнему существуют заметные пробелы, есть малоизученные темы и сюжеты. На наш взгляд, недостаточно, а в отдельных случаях, как это было с газетой «Русская правда», практически вообще не уделялось внимание отдельным органам печати, не сформирована общая картина отношения правительственных структур к содержанию газетных и журнальных публикаций по ключевым вопросам внутренней и внешней политики.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют материалы газет, получившие цензурные взыскания. Однако смысл публицистического текста не сводится к простому подстрекательству читателей к каким-то действиям. В нем на первом месте авторский взгляд на те, или иные события, или на жизнь в целом, которым он хочет поделиться с читателем. Практика цензурных взысканий показывает, что в оценке цензурой тех или иных публицистических статей чаще речь шла о пресловутых междустрочных авторских контекстах, настроениях, чем о желании подтолкнуть потребителя газетно-

¹ Патрушева Н. Г. Изучение истории цензуры второй половины XIX – начала XX века в 1960 – 1990-е гг.: библиогр. обзор // Новое лит. обозрение. 1998. № 30. С. 425-438; *Ее же*. Исследования по истории дореволюционной цензуры в России, опубликованные в 1999–2009 гг.: библиогр. обзор // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. СПб., 2011. Вып. 5. С. 358-376; Цензура в России (конец XVIII – начало XX века): авторефераты диссертаций, 1947–2004 гг. / сост. Н. Г. Патрушева // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. СПб., 2006. Вып. 3. С. 288-295; Список публикаций документов по истории цензуры в России конца XVIII – начала XX века: материалы к указ. отечеств. лит. / сост. Н. А. Гринченко и Н. Г. Патрушева // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. СПб., 2008. Вып. 4. С. 318-360.

журнальной продукции к каким-то шагам или поступкам. Исследователь таких статей погружается в атмосферу происходивших далеких событий, получает возможность рассмотрения известных исторических фактов через необычный ракурс публицистических первопубликаций, являвшихся в то время одними из немногих, а иногда и единственными источниками информации для населения. Представляется возможным расширить представление о путях формирования общественного мнения, оценить способы воздействия публицистики на массовое сознание.

Наконец, цензурные взыскания дают возможность определить степень эффективности применяемых цензурных законов, выяснить возможности взаимоотношения печати, цензуры и общества в условиях политического кризиса конца 1870-х гг. и стабилизации административно-командной системы начала 1880-х гг.

Необходимость изучения некоторых из обозначенных проблем определяет цель и задачи данной работы.

Целью исследования является изучение содержания предостережений за «вредное направление» периодической печати как отражение государственной цензурной политики 1878 – 1881 гг., уточнение места такого рода взысканий в системе административного воздействия на периодическую печать, обоснование методов использования такого рода воздействия на прессу для проведения в жизнь политики правительства, выявление возможностей использования содержания статей, вызвавших цензурное взыскание, для расширения представлений о направлении государственной внутренней и внешней политики Российской империи в рассматриваемый период.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

- рассмотреть правовые основы административно-цензурной системы в России (1865–1882 г.) в контексте государственной системы управления;
- обосновать роль цензурных предостережений в системе контроля над российской периодической печатью;

– уточнить функцию ограничений розничной торговли и печатания частных объявлений в административно-цензурной системе второй половины XIX в.

– выявить статус начальников Главного управления по делам печати означенного периода в структуре аппарата системы контроля «бесцензурной» печати, показать их социальный облик;

– раскрыть специфику взаимосвязей Главного управления по делам печати, Министерства внутренних дел в административно-цензурной системе России;

– выявить основные черты государственной цензурной политики в 1878 – 1881 гг.

– представить статистику цензурных предостережений этого периода, показать их специфическое отражение на функционировании независимой печати.

Теоретико-методологические основы исследования. Важной составляющей теоретико-методологической основы настоящего исследования стал подход одного из виднейших представителей европейской теоретической школы исследований массовой коммуникации почетного профессора факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова Дениса Мак-Куэйла, выделявшего следующие основные принципы структуры и функционирования средств массовой информации: *свобода, разнообразие, качество информации, социальный и культурный порядок, солидарность и согласие.*

Первый принцип, связанный со свободой печати, являлся наиболее проблемным для России во второй половине XIX в.. Под «разнообразием» Д. Мак-Куэйл подразумевал необходимость отражения в средствах информации различных социальных, экономических и культурных реальностей общества, существовавших в нем различных интересов и мнений, возможность доступа в СМИ представителей социальных и культурных меньшинств, существующих в государстве.

«Качество информации» по Д. Мак-Куэйлу связывается с возможностью полностью обеспечивать людей объективной, в смысле точности, откровенности, правды о реальности, надежности, разделения фактов и мнений информацией о текущих событиях в обществе и мире. Она должна отражать альтернативные точки зрения.

Под «социальным порядком и солидарностью» автор представлял ответственность средств массовой коммуникации за подрыв состояния законности и порядка посредством поощрения преступлений и социальных беспорядков, а в условиях войны или угрозы терроризма свобода деятельности средств коммуникации должна ограничиваться соображениями национальных интересов. В вопросах морали, приличий и вкуса они должны принимать во внимание господствующие в обществе нормы.

Наконец, под «культурным порядком» автор подразумевал необходимость отражения в средствах информации языка и современной культуры тех людей, которых эти средства обслуживают, причем Д. Мак-Куэйл отмечал, что этот принцип скорее может быть введен в практику как желательный, но не обязательный¹. Вокруг этих важнейших принципов формировались отношения российской правительственной цензурной политики и средств печати в рассматриваемый период.

Методологической основой работы является также совокупность традиционных методов исторических исследований. Сравнительный анализ и системный подход позволили рассматривать цензурные взыскания в качестве части общей системы государственной политики в отношении печати соответствующего временного периода, помогли определить место и роль этого явления в цензурной практике того времени, в формировании общественного мнения. Решению общих задач исследования в значительной мере способствовали

¹ Мак-Куэйл Д. Массовая коммуникация и общественный интерес: к вопросу о социальной теории структуры и функционирования медиа // Назаров М. М. PR – Связь с общественностью. Хрестоматия. М., 2002. С. 241-242.

принцип объективности и принцип историзма, основанный на освещении событий и явлений в их последовательности и взаимообусловленности.

Статистический метод имеет своим предметом количественные показатели, которые рассматриваются как исторический факт, а их статистическая обработка дает основание для выводов о качестве процесса. Использование статистического метода обеспечило обработку и анализ количественных данных, связанных с проблемой цензурных взысканий второй половины XIX в.

Совокупное использование обозначенных методов позволило разносторонне рассмотреть объект и предмет исследования, сделать обоснованные выводы.

Источниковая база исследования отличается многообразием и состоит как из архивных, так и из опубликованных материалов.

Весь массив документов можно условно подразделить на несколько групп, совпадающих с классификацией, определенной в отечественном источниковедении.

К первой группе отнесены основные законодательные акты. С 1828 г. в Российской империи действовал Устав о цензуре, на основе которого функционировали цензурные учреждения. Однако уже к середине XIX в. он перестал отвечать по многим своим параметрам изменившейся ситуации в стране, а новый документ такого масштаба так и не был принят, несмотря на неоднократные попытки его разработки. Дополняли, изменяли, а зачастую и перечеркивали его содержание различные «временные правила», которые включались в Свод законов Российской империи и в сам цензурный Устав.

Законодательные акты о цензуре в хронологической последовательности в ряду с другими законодательными актами публиковались в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗ). Интересующий нас период отражен во втором собрании законов с 1825 по 1881 г.

Наряду с Уставом и «временными правилами» существовали документы в виде циркуляров, созданные на основе предоставленного Министерству внутренних дел права законодательной инициативы. Входящее в состав ми-

нистерства с 1863 г. Главное управление по делам печати, также регулярно обращалось к владельцам периодических изданий, выдавало инструкции цензорам в виде распоряжений с целью налаживания их эффективной работы. Эти документы отражали основные тенденции в государственной цензурной политике¹.

Своеобразными источниками, отражающими практическую деятельность Министерства внутренних дел в сфере печати, являются Всеподданнейшие отчеты и доклады. Коллекция докладов министра внутренних дел по Главному управлению по делам печати хранятся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) (Ф. 776. Оп. 1). Министр докладывал царю о всех предостережениях и приостановках, выданных газетам и журналам. Зачастую на полях этих документов Александр II и Александр III оставляли свои резолюции, отражавшие их отношение к роли прессы в освещении тех или иных проблем российской действительности.

К следующей группе источников следует отнести делопроизводственную документацию Главного управления по делам печати, которая сосредоточена в основном в РГИА. Официальная документация текущего делопроизводства содержит сведения о практической деятельности цензурного ведомства. Для нас интерес представляют предписания, доклады, записки, рапорты, донесения. Например, «Докладная записка цензора С.-Петербургского цензурного комитета ст. сов. Н. Соколова о циркулярных распоряжениях по Главному управлению по делам печати с 1-го сентября 1865 по 1 января 1900 года», хранящаяся в РГИА², а также напечатанная в виде брошюры.

¹ *Варадинов Н. В.* Сборник узаконений и распоряжений правительства по делам печати. СПб., 1878. 348 с.; Сборник циркуляров и распоряжений по делам печати, объявленных инспекторами типографий содержателям заведений печати г. С.-Петербурга с 1882 по 1897 г. / сост. *И. П. Карамышев.* СПб., 1897. 62 с. *Мсерианц З. М.* Законы о печати: настольная справочная кн. для авт., пер., изд. и содержателей типографий и литографий, фототипий, металлографий, заведений, производящих и продающих принадлежности тиснения, кн. магазинов, лавок, киосков, бесплат. нар. читален, б-к и кабинетов для чтения, а также для торгующих произведениями печати в разнос, фотографщиков, содержателей театров, драм. писателей и лиц судеб. ведомства. 8-е изд., вновь доп. М., 1899. 281 с.

² РГИА. Ф. 777. Оп. 5. Ед. хр. 205. Л. 1-48 об.

В Государственной общественно-политической библиотеке (г. Москва) сохранилась машинописная (под грифом «секретно») «Справка о деятельности Совета Главного управления по делам печати за 1879 г.», которая представляет собой годовой отчет центрального цензурного учреждения России.

Однако наиболее важными материалами по интересующей нас проблеме являются объемные по содержанию журналы заседаний Совета Главного управления по делам печати, в которых фиксировались обсуждения докладов цензоров о нарушениях цензурных правил в периодической печати, определялись мотивы наказаний (РГИА. Ф. 776. Оп. 2).

Особая роль в настоящем исследовании отведена материалам дореволюционной периодической печати и главным образом тем из них, которые получили предостережения за «вредное направление». Другая часть публикаций содержала сведения об общественной реакции на цензурные действия официальных правительственных органов.

В работе были использованы периодические издания, хранящиеся в газетном и журнальном фондах Российской государственной библиотеки г. Москвы, Российской национальной библиотеки и Библиотеки Российской академии наук в Санкт-Петербурге. Статьи из журналов: «Русская мысль», «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Слово», «Заветы». Газетные статьи были привлечены из следующих изданий: «Голос», «С-Петербургские ведомости», «Неделя», «Новое время», «Русская правда», «Биржевая газета», «Биржевые ведомости», «Русский мир», «Церковно-общественный вестник», «Молва», «Русский курьер», «Современные известия», «Страна», «Земство», «Новая газета», «Судебный вестник», «Правительственный вестник», «Северная почта», «Гражданин», «Право».

В диссертации использованы документы, отражающие позиции министров внутренних дел А. Е. Тимашева, Л. С. Макова, М. Т. Лорис-Меликова, Н. П. Игнатьева, а также начальников Главного управления по делам печати В. В. Григорьева (РГИА. Ф. 853), Н. С. Абазы, П. П. Вяземского.

Известную роль в период пребывания на посту министра внутренних дел и в 1880 г. играл П. А. Валуев, личные и служебные документы которого хранятся в отдельном фонде Российского государственного исторического архива (Ф. 908). Письма разных лиц, адресованные К. П. Победоносцеву, его записки и собственные письма также хранятся в Российском государственном историческом архиве (Ф. 1574. Оп. 2). С этими государственными чиновниками связана цензурная политика рассматриваемого периода.

На примере деятельности А. Е. Тимашева демонстрируется практика обсуждения предложенных проектов законов в нарушение действующего законодательства через Комитет министров без участия Государственного совета¹.

Ценный материал для анализа побудительных мотивов в деятельности лиц, от которых зависела цензурная практика означенного периода, содержится в мемуарах, дневниковых записях, в эпистолярном наследии непосредственных участников событий². Известно, что мемуары отличаются субъек-

¹ О дополнении и изменении некоторых из действующих узаконений о печати // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 47. (1872). Часть 1. № 50958. С. 815-817.

² Дневник П. А. Валуева министра внутренних дел. В двух томах. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1961. Т. II. 1865–1876. 588 с.; *Головнин А. В.* Записки для немногих / Отв. Сост. и науч. Ред. д. и. н. Б. Д. Гальперина. СПб.: Издательство «Нестор-История»; СПбИИ РАН, 2004. 576 с.; Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. С приложением портрета и факсимиле. Составил Н. И. Веселовский (Издание Императорского Русского Археологического общества). СПб., 1887. 306 с.; *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы 1848–1896. М.: Новости, 1991. 460 с.; *Бельгард А. В.* Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста Е. Н. Андреевой; коммент. Г. М. Пономаревой, Т. К. Шор, Н. Г. Патрушевой. М.: Новое лит. обозрение, 2009. 688 с. *Никитенко А. В.* Записки и дневник: В 3 т. М.: «Захаров», 2005. Т. 3. 592 с.; Письма К. П. Победоносцева к Е. М. Феоктистову / Вступительная статья Б. Горева. Публикация и комментарии И. Айзенштока // Литературное наследство. М.: Жур.-газ. объединение, 1935. Т. 22/24. С. 497-561; *Кони А. Ф.* Граф М. Т. Лорис-Меликов // Собрание сочинений: В 8 т. М.: Юридическая лит.-ра, 1968. Т. 5. С. 184-216; Исповедь графа Лорис-Меликова. Сообщил С. Шпицер // Каторга и ссылка. 1925. № 2 (15). С. 119-124; Письмо Н. С. Абазы – М. Т. Лорис-Меликову // РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 37 об.; *Шереметев С. Д.* Князь Павел Петрович Вяземский. Воспоминание 1868–1888. СПб., 1888. 16 с.; Князь Павел Петрович Вяземский / П. Петров. СПб.: Тип. И. Габермана, 1881. 16 с.; *Шляпкин И.* Воспоминания // Сборник в память князя Павла Петровича Вяземского. СПб.: типография И. Н. Скороходова, 1902. С. 40-48; Письмо К. П. Победоносцева к П. П. Вяземскому (начальнику Глав-

тивностью, не всегда точны в своих сведениях, поскольку написаны гораздо позже происходивших событий, но зато они могут помочь представить самого автора, мотивы его поступков, отношение к проблемам, связанным со служебной деятельностью.

Особенности цензурной политики становятся более рельефными благодаря документам личного происхождения представителей литературной и публицистической среды¹. В этих материалах присутствуют ценные сведения о работе цензурных комитетов, рассказы о конкретных событиях, связанных в том числе и с цензурными взысканиями.

Таким образом, источниковая база исследования предоставляет возможность для обстоятельного освещения различных аспектов рассматриваемой проблемы.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые предметом специального изучения стал весь комплекс газетных и журнальных материалов, подвергнутых цензурным взысканиям в виде предостережений и приостановок в переломный период в истории России. Такого рода административные наказания, выдаваемые столичным периодическим изданиям на основании закона 6 апреля 1865 г., являлись на протяжении сорока лет специфическим способом сдерживания печати от обсуждения нежелательных для правительства вопросов. Таким образом, в работе не только осуществлена попытка выделить историю административного преследования прессы в

ного управления по делам печати) о статье в газ. «Современные известия» и о желательности усиления цензурных строгостей к газетам // РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Ед. хр. 245.

¹ *Гайдебуров П. А.* Из прошлого «Недели». (Несколько личных воспоминаний) // Книжки «Недели». 1893. № 3. С. 5-30; *Егоров Анатолий (Каспаров)*. Страницы из прожитого (1881–1906 гг.). Одесса, 1913. 318 с.; *Кони А. Ф.* Из записок судебного деятеля // Собрание сочинений в восьми томах. М.: Издательство «Юридическая литература», 1966. Том 1. 568 с.; *Русанов Н. С.* На родине. 1859–1882 / Предисл.: Иван Теодорович. М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. 351 с.; М. Е. Салтыков в письмах к Гр. Зах. Елисееву // Заветы. 1914. № 4. Апрель. С. 22-48; М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 1-5. СПб, 1912. Т. 2. 561 с.; *Гиляровский В. А.* Москва газетная: Дружья и встречи. Мн.: Наука и техника, 1989. 384 с.; *Градовский Г. К.* К истории русской печати // Цензура в России в конце XIX – начале XX века. Сборник воспоминаний / Сост., вступ. ст., примеч. и указ. Н. Г. Патрушевой; Ред. М. А. Бенина. СПб.: Рос. нац. б-ка., Дмитрий Буланин, 2003. С. 103-124.

качестве предмета специального исследования, выяснить степень эффективности применяемых цензурных законов, но и определить ключевые болезненные проблемы внутренней и внешней политики, остававшиеся чаще всего за пределами официального публичного дискурса.

Положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

1. Цели и задачи цензуры оставались неизменными на протяжении всего изучаемого периода и носили в основном охранительный характер. Не только активное участие министра внутренних дел в вопросах, связанных с проблемами печати, но и самого императора, свидетельствуют об особом месте цензуры в системе государственного управления, отражая одновременно особенности государственного управления Российской империей.

2. Российское законодательство определяло структуру цензурного ведомства, его подчиненность Министерству внутренних дел. При этом повышенная или умеренная роль начальников Главного управления по делам печати предопределялась задачами цензуры на конкретных этапах политического развития страны.

3. Введение системы административных предостережений не уничтожило прежнюю практику конфиденциальных отношений во взаимодействии власти и печати, но они приобрели новые черты, определяемые особенностями ситуации в стране.

4. Практика предостережений за «вредное направление» выдаваемых в исследуемый период, показала, что они уже перестали выступать в качестве гарантированного способа сдерживания печати. Редакции газет заявляли в это время о готовности подчиняться порядку, связанному с выдачей предостережений, поскольку он являлся относительно гласной мерой, в отличие от конфиденциальных внушений и скрытых угроз.

5. В условиях разразившегося системного кризиса конца 1870-х гг. правительство ориентировалось на консолидацию всех консервативных сил вокруг самодержавной формы правления, но опасалось усиления общественного недовольства в случае прямого закрытия изданий.

6. Содержание статей периодических изданий, получивших предостережения за «вредное направление», демонстрируют, что в период с конца 1878 г и до конца 1881 г. со стороны властных структур проявились как тенденции к отказу от уступок, так и к поиску возможного политического компромисса.

7. Российская печать в рассматриваемый период уделяла чрезмерное внимание вопросам внешнеполитическим в ущерб обсуждению неприятных и чреватых цензурными взысканиями внутриполитических проблем. Особого внимания со стороны цензуры удостоивались вопросы, связанные с возможным изменением государственного строя.

Практическое значение исследования заключается в возможности использования материалов диссертации в дальнейших научных исследованиях, применяя задействованную методику к другим периодам действия цензурных предостережений. Полученные в работе результаты могут использоваться при подготовке и проведении спецкурсов и спецсеминаров в высших учебных заведениях, при разработке факультативных курсов

Апробация результатов исследования. Основные идеи и положения диссертации были рассмотрены и одобрены на заседании кафедры отечественной истории факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского. Ряд положений диссертации нашли отражение в научных статьях автора, размещенных в журналах, рекомендованных ВАК РФ, в выступлении на межвузовской научной конференции «Печать и цензура в истории России», Брянск, 14 марта 2016 г.

Структура работы подчинена решению поставленных научных задач и достижению цели исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, разбитых на девять параграфов, заключения, списка источников и литературы.

ГЛАВА I. ОСОБЕННОСТИ ЦЕНЗУРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ 1865–1882 г.

1.1. «Временные правила о печати» 6 апреля 1865 г. как ключевой элемент цензурной реформы времени правления Александра II

В 1865 г. после длительного обсуждения и проволочек были утверждены «Временные правила о печати», просуществовавшие, несмотря на заявленную «временность», почти 40 лет¹. Система административных взысканий, вводимых в новом законе, была заимствована у Франции времен Наполеона III. Принятые там декреты 17 февраля (известен под названием «Органический декрет») и 23 февраля 1852 г. регулировали положение печати до 1868 г.

Одна из первых статей, посвященных анализу отмененного, наконец, в 1905 г. законодательно утвержденному положению, с иронией отмечала: «Не мы первые взялись за пересадку цензурных порядков второй империи на родную почву. Раньше были сделаны такие же попытки в некоторых западноевропейских государствах, например, в Пруссии, в Австрии. Общим для всех этих государств было то, что в них «по существующим условиям невозможно было восстановить цензуру предварительную, но вместе с тем являлось желание *приблизиться* к ней как можно более»².

Примечательно, что даже на родине этого закона во Франции, утвержденные в 1852 г. положения, просуществовали не полных шестнадцать лет. Иная судьба ждала цензурное изобретение второй империи в России. Этот законодательный шаг, направленный на ужесточение контроля за печатью, со-

¹ О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 40. (1865). Часть 1. № 41990. С. 397-406.

² *Розенберг Вл.* В мире случайностей // Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1905. С. 119.

провождавшийся единовременным закрытием 11 неугодных Наполеону III ежедневных газет, «у нас был сделан и официально истолковывался в качестве переходной меры к освобождению печати от цензурной опеки»: «Желая дать отечественной печати возможные *облегчения и удобства* (курсив мой. – В. Р.), – говорилось в высочайшем указе 6 апреля 1865 г., – мы признали за благо сделать в действующих цензурных постановлениях, при настоящем переходном положении судебной у нас части и впредь до дальнейших указаний опыта, нижеследующие перемены и дополнения»¹.

Из французского цензурного законодательства были заимствованы все ключевые положения. Органический декрет, прежде всего, отменял свободу основания периодических органов печати. Как и во второй империи, где требовалось разрешение правительства (министра полиции) для начала издания газеты или журнала и для назначения ответственного или главного редактора, в России по новому закону для основания периодического издания требовалось специальное разрешение министра внутренних дел. Проситель должен был обязательно указать название, программу издания, сроки выпуска и подписную цену. Необходимо было также заявить издателя и ответственного редактора, их место жительства, сообщить, где точно издание будет печататься, приложить согласие типографа и заявление ответственного редактора. Любое изменение программы, названия, подписной цены, места издания требовало специального разрешения².

На основе французского законодательства устанавливалась сумма залога для издания ежедневной газеты. Россия еще в большей степени преуспела в использовании этой финансовой меры для ограничения возможностей появления новых органов печати, которые претендовали в соответствии с законом от 6 апреля 1865 г. на право выхода в свет без предварительной цензуры.

¹ О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2. Т. 40 (1865). Часть 1. № 41988. С. 396.

² О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях // ПСЗ. Собр. 2. Т. 40. (1865). Часть 1. № 41990. С. 398.

Была введена система залогов от 2,5 до 5 тысяч рублей (за ежедневную газету)¹. Такую значительную по тем временам сумму издатель должен был внести в казну. Залоговая система формально являлась гарантией уплаты штрафа издателем в случае наложения денежного взыскания на его журнал или газету. В случае назначения штрафных санкций деньги изымались, а хозяин периодического издания должен был в определенный срок восполнить общую сумму².

Однако на самом деле назначение залога служила, в первую очередь, ограничению в учреждении новых изданий, поскольку по действующим тогда в России законам максимальная сумма штрафа за проступки в печати составляла 500 рублей, а внести столько денег в виде залога могли только состоятельные люди.

Так, за отсутствие имени издателя, ответственного редактора и типографии, а также подписной цены полагался штраф «не свыше 25 рублей за каждый номер, книжку или выпуск»³. Сумма не могла стать значительной из-за того, что таких экземпляров накопилось бы много, поскольку были определены жесткие сроки представления изданий в цензурные комитеты (одновременно с началом печати). За непредоставление экземпляров в срок предусматривался штраф «не свыше ста рублей»⁴. «За непомещение в повременном издании: ежедневном – через три дня, а еженедельном или месячном – в следующем номере, судебного определения или административного предостережения», а также опровержений или исправлений, предусматривался штраф в 25 рублей за периодическое издание, выходявшее чаще раза в месяц и 100 рублей – раз в месяц или реже⁵.

Более суровые наказания были определены в разделе IV «О суде в делах печати». Здесь взыскания предусматривались за напечатанные «оскорби-

¹ О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях // ПСЗ. Собр. 2. Т. 40. (1865). Часть 1. № 41990. С. 399.

² Там же.

³ Там же. С. 400.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

тельные и направленные к колебанию общественного доверия отзывы о действующих в империи законах или о постановлениях и распоряжениях правительственных и судебных установлений», возвания в печати, «возбуждающие вражду одной части населения государства против другой, или одного сословия против другого», «прямое оспаривание или порицание в печатных изданиях начал собственности и семейного союза». Не позволялось без специального разрешения обнародовать постановления дворянских, городских и земских собраний, сведений о «частном или должностном лице», наносящих вред их чести достоинству или «доброму имени», злословие, брань «без указания определенного позорящего обстоятельства»¹.

За все эти проступки предусматривался штраф от 300 до 500 рублей, но не выше этих сумм. В случае же совокупности преступлений, наказания не складывались (не присоединялись друг к другу). Сколько бы нарушений не совершил редактор журнала или газеты, максимальный штраф не превысил бы те самые 500 рублей².

Закон о печати 1865 г. уже в первые годы своего существования претерпел некоторые видоизменения в сторону усиления административного воздействия на печать взамен судебных преследований. Так, цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета Н. Соколов привел в своей докладной записке Распоряжение от 11 Марта 1867 г. за № 1028 по С.-Петербургскому цензурному комитету. В ней Совет Главного управления по делам печати «полагал необходимым дополнить конфиденциальную инструкцию, данную Министром Внутренних Дел Цензурным Комитетам, правилом о том, чтобы статьи, принадлежащие к отделу развращающей литературы, отнюдь не были смягчаемы или маскируемы цензорскими поправками, но были запрещаемы в

¹ О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях // ПСЗ. Собр. 2. Т. 40. (1865). Часть 1. № 41990. С. 404-405.

² *Арсеньев К. К.* Законодательство о печати. Великие реформы 60-х гг. в их прошлом и настоящем. С. 52-53.

полном своем составе»¹.

В конце 1860-х – начале 1880-х гг. в России был принят ряд дополнительных положений, направленных на ограничение действовавших «Временных правил о печати». Здесь также был учтен опыт французского законодательства, предусматривавшего передачу всех правонарушений, совершаемых при помощи печати, от суда присяжных ведению судов исправительной полиции, уничтожив тем самым одну из основных гарантий независимости прессы.

В августе 1866 г. Петербургский окружной суд вынес оправдательный приговор по делу Ю. Г. Жуковского и А. Н. Пыпина, преданных суду за статью в «Современнике» под названием «Вопрос молодого поколения» (первый был автором статьи, а второй – редактором журнала). Главное управление по делам печати в июне 1866 г. обвинило обоих «в оскорблении, нанесенном означенною статьею чести и достоинству всего дворянского землевладельческого сословия»². После оправдания обвиняемых в первой инстанции «по отсутствию в вышеупомянутой статье обстоятельств, могущих повредить чести и достоинству дворянского сословия», в октябре 1866 г. решение суда было отменено Петербургской судебной палатой, которая вновь оправдала Пыпина и Жуковского по основным обвинениям, но присудила их к трехнедельному аресту на гауптвахте и к денежному взысканию в 300 рублей, поскольку они были признаны виновными «в помещении в периодическом издании статьи, заключающей в себе противную благопристойности брань относительно лиц дворянского сословия»³.

После этого и других оправдательных приговоров по делам, возбужденным Главным управлением по делам печати против авторов и издателей, российское правительство также изъяло дела этого рода из ведения судебных

¹ Докладная записка цензора С.-Петербургского Цензурного комитета ст. сов. Н. Соколова о циркулярных распоряжениях по Главному управлению по делам печати с 1-го сентября 1865 по 1 января 1900 года. СПб., 1900. С. 3.

² Сборник постановлений и распоряжений по делам печати с 5 апреля 1865 г. по 1 августа 1868 г. СПб., 1868. С. 151.

³ Судебный вестник. 1866. № 55. 6 октября.

палат. По закону от 7 июня 1872 г. они были переданы на рассмотрение одного из высших органов государственного аппарата империи – Комитета министров, который получил право запрещать издание без судебного преследования¹. Тем самым практически сводились на нет льготы, о которых объявлялось столичной печати законом 1865 г.

Наконец, ключевым нововведением Органического декрета было внедрение системы предостережений. Речь шла именно о нововведении, поскольку первоначальная попытка собрать воедино уже существовавшие цензурные законы натолкнулась на резонный аргумент, сводившийся к тому, что эти ограничения, существуя в прошлом, уже показали себя не вполне состоятельными: печать сумела к ним приспособиться, да и у власти возникли новые задачи и цели.

Представляют интерес рассуждения по этому поводу известного публициста и литературного критика Д. И. Писарев, который посвятил специальную статью положению печати во Франции и проблемам свободы слова: «...правительство желает обуздывать, а не наказывать. Ему важно, чтобы мысль не распространялась в обществе, а не то, чтобы мыслитель посидел в тюрьме или заплатил штраф. Процесс, тюрьма, штраф – всё это лишняя огласка, всё это нарушает дремоту общества, которую правительство старается поддержать во что бы то ни стало. Поэтому карательная система не удовлетворяет требованиям французского правительства. Возвратиться к предупредительной системе оно как-то совестится; вероятно, ему памятно то впечатление, которое постоянно производило на французское общество учреждение предупредительной цензуры; памятно и то обстоятельство, что Людовик-Филипп, вступая на престол, торжественно обещал нации, что цензура никогда не будет восстановлена»².

¹ О дополнении и изменении некоторых из действующих узаконений о печати // ПСЗ. Собр. 2. Т. 47. (1872). Часть 1. № 50958. С. 815-817.

² *Писарев Д. И.* Очерки из истории печати во Франции // Писарев Д. И. Полное собрание сочинений: В 6 т. СПб., 1894. Т. 2. Столб. 490.

Петербургская газета «Голос», вскоре после вступления аналога французского закона в России, отметила еще одну немаловажную его черту: «...литературная собственность оказывается изъятою из общего права. Во всех странах, по всем законам никто не может быть лишен собственности без суда: никто не может отнять у вас вашего дома, вашего поля, вашей коммерческой конторы или лавки, а между тем, во Франции, правительство имеет право безнаказанно и бесконтрольно уничтожить ваш журнал, т. е. источник ваших доходов, средство к вашему существованию...»¹.

Принципиальным новшеством Органического декрета было то, что при формальной возможности говорить о чем угодно, издания становились сами себе цензорами, поскольку опасались предостережений, т. к. третье из них влекло за собой почти неминуемую приостановку. В будущей российской практике неоднократно были случаи, когда та или иная газета и журнал буквально из-за пустяковых придировок получали за короткий промежуток времени два предупреждения от министра внутренних дел и затем годами, опасаясь приостановки, по всякому поводу проявляли осторожность. Редакторы и издатели сами сдерживали смелость своих журналистов. При этом выданные предупреждения не имели срока давности.

По закону 6 апреля 1865 г. правом выхода без предварительной цензуры пользовались печатавшиеся в Санкт-Петербурге и Москве газеты и журналы, издатели которых получают соответствующее разрешение, все оригинальные сочинения объемом не менее 10 печатных листов на русском, и не менее 20 на иностранных языках. Освобождались от предварительной цензуры и все издания правительственные, академий, университетов и научных обществ, публиковавшиеся на древних классических языках. В случае отклонения от требований закона, освобождаемые от предварительной цензуры издания подвергались судебному преследованию. Периодическая печать за «вредное направление» подлежала административным взысканиям по особым правилам.

¹ Голос. 1865. № 279. 9 октября.

В журнале заседаний Совета Главного управления 9 сентября 1865 г. было отмечено, что административные взыскания необходимо налагать в тех случаях, когда «не предвидится успеха в судебном направлении дела, по неопределительности и неуловимости нарушения закона» и когда наказание должно последовать немедленно¹. Однако чиновники цензурного ведомства проявили недостаточное понимание разницы между тем, в чем они видели определенную, специфически ими понимаемую опасность высказанных в печати мыслей и идей и теми действиями, которые судебный процесс, установленный новыми Судебными уставами 1864 г., мог бы признать «незаконными». Требования уголовного преследования представителей печати были обречены на неудачу из-за недостаточности оснований.

Характерно, что действие закона распространялось только на Санкт-Петербург и Москву, поскольку в провинции было достаточно своих собственных возможностей для контроля за местной печатью. Обвиненные во «вредном направлении» издания не имели возможности собственного оправдания перед вынесением им административного взыскания, лишены они были и права его последующего обжалования. Статья 145 «Устава о цензуре и печати» гласила: «Повременное издание, подвергшееся предостережению, обязано напечатать его в главе первого, имеющего после того выйти в свет номера, без всяких изменений или возражений»².

Первыми периодическими изданиями, воспользовавшимися новым законом, который начал действовать с 1 сентября 1865 г., были «С-Петербургские ведомости» В. Ф. Корша и «Голос» А. А. Краевского, которые, по всей видимости, усматривали для себя положительные начала в цензурных изменениях. Подтверждением служит передовая статья «С-Петербургских ведомостей» от 4 сентября 1865 г. утверждавшая, что «крепо-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 73 об.-74.

² Блохин В. Ф. О вреде «Вредного направления» (начальный этап реализации новой государственной модели управления печатью в 60-е гг. XIX в. С. 110.

стная зависимость наша от цензуры, от личной воли и личного усмотрения постороннего лица кончилась»¹.

«Голос» в своей передовой статье также был полон оптимизма: «Нам нечего скрывать чувства радости... радость наша не выразится шумно, не скажется фейерверчными шумами, именно потому, что эта радость искренняя, глубокая, – писал А. А. Краевский. – Мы приступаем к более свободной деятельности не с тем детским восторгом, какой ощущает школьник, выходя из училища, с намерением забыть уроки, разорвать связь с только что прошедшим... Мы не скажем даже, что для нашей прессы настает новая эра, эра возрождения...»². В тот же день министр внутренних дел П.А. Валуев сделал примечательную запись в своем дневнике: «Замечателен лакейский тон»³.

Газета «Голос» позднее отмечала, что в то время почти все бесцензурные номера газет начинались «благодарностью правительству за данное печати облегчение», но одновременно с этим в них стали появляться рассуждения «о таких вещах, о которых прежде и упоминать считалось неудобным»⁴. Именно по этому первое предостережение газете «С-Петербургские ведомости» было выдано уже 20 сентября 1865 г. за полемическую статью в № 243, адресованную правительственной «Северной почте». Публикация в газете вызвала всеобщее внимание тем, что по ней можно было хотя бы частично судить о том, что понимается властью под загадочным определением «вредное направление».

В феврале 1868 г. министр внутренних дел П. А. Валуев подготовил записку «О положении дел печати»⁵. К этому времени прессе уже было выдано около 30 предостережений. В представленном вниманию Александра II документе министр сетовал на новый цензурный закон, принятый в 1865 г.:

¹ С-Петербургские ведомости. 1865. № 229. 4 сентября.

² Голос. 1865. № 244. 4 сентября.

³ Дневник П. А. Валуева министра внутренних дел. В двух томах. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1961. Т. II. 1865–1876. С. 66.

⁴ Голос. 1865. № 300. 30 октября.

⁵ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 72-93 об.

«...характер закона как будто изменил свой вид и принял свойства узаконения льготного, расширяющего права печати, между тем как прямой повод к его изданию и прямая цель его составления заключалась в необходимости вооружить правительственную власть теми предохранительными, оборонительными и репрессивными средствами, которых она уже не находила в прежних цензурных узаконениях»¹. П. А. Валуев также утверждал, что прессу устраивала ответственность по суду, так как она научилась объясняться с читателями при помощи «оговорок или недоговорок», а суд «не имеет права догадываться»².

К моменту написания записки уже появились законодательные новшества, вызванные практикой реализации «Временных правил»: 17 октября 1866 г. редакциям периодических изданий, подвергшимся приостановке, запрещалось издавать и выдавать подписчикам отдельные сочинения, переводы или сборники от имени этой же редакции. Поводом к принятию закона послужила попытка редакции «Русского слова» во время приостановки журнала бесплатно выдать подписчикам сборник «Луч», в двух томах которого содержался материал четырех номеров журнала³. Закон от 13 июня 1867 г. устанавливал, что постановления, отчеты и прения в дворянских, земских и городских собраниях, а также выступления их участников могли быть опубликованы в печати только с разрешения губернского начальства⁴.

При министре внутренних дел А. Е. Тимашеве (с марта 1868 по конец ноября 1878 г.) политика Главного управления по делам печати носила значительно более жесткий характер в сравнении с «валуевскими» временами. Тогда же исчезли подробные объяснения причин, по которым были выданы предостережения, тем более не объяснялось, что такое «вредное направление». Согласно воспоминаниям известного публициста и редактора

¹ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 75.

² Там же.

³ Кузнецов Ф. Ф. Журнал «Русское слово». М., 1965. С. 384-385.

⁴ О порядке печатания постановлений, отчетов о заседаниях, а также суждений, прений и речей, состоявшихся в земских, дворянских и городских общественных и сословных собраниях // ПСЗ. Собр. 2. Т. 42. (1867). Часть 1. № 44691. С. 898-899.

Г. К. Градовского, «административных взысканий с печати не только не объяснялись, но их тщательно скрывали от ближайше заинтересованных лиц – редакторов и издателей... это считалось праздным любопытством и неуместным притязанием на проникновение в бюрократические виды и соображения»¹. Министерство внутренних дел не считало нужным объяснять свои действия, зачастую сознательно скрывая общие мотивы предостережений и тем самым не позволяя средствам печати «приспособиться» к цензурным требованиям.

К новшествам этого времени в сфере цензуры и печати можно отнести закон от 14 июня 1868 г., предоставивший министру внутренних дел право запрещать розничную продажу периодических изданий, оказывавшее влияние на финансовое положение издательств². При возможности приобретать читателей при помощи только одной подписки, газеты и журналы теряли тиражи за счет покупателей издания в людных местах. Уменьшение распространяемых тиражей в свою очередь сказывалось на денежных поступлениях от рекламы и объявлений.

Одной из действенных мер воздействия являлся запрет на обсуждение в печати различных вопросов. Вслед за законом от 13 июня 1867 г. был принят закон от 30 января 1870 г.³, запрещавший оглашение фактов, обнаруженных дознанием или предварительным следствием до судебного заседания или прекращения дела, а закон от 4 февраля 1875 г.⁴ запрещал обнародовать материалы закрытых судебных процессов. По закону от 16 июня 1873 г. ми-

¹ Градовский Г. К. К истории русской печати // Цензура в России в конце XIX – начале XX века. Сборник воспоминаний / Сост., вступ. ст., примеч. и указ. Н. Г. Патрушевой; Ред. М. А. Бенина. СПб.: Рос. нац. б-ка., Дмитрий Буланин, 2003. С. 110.

² Относительно розничной продажи периодических изданий на улицах, площадях и в других публичных местах и торговых заведениях // ПСЗ. Собр. 2. Т. 43. (1868). Часть 1. № 45973. С. 805.

³ Об установлении наказания за оглашение в печати сведений, обнаруживаемых дознанием или предварительным следствием // ПСЗ. Собр. 2. Т. 45. (1870). Часть 1. № 47966. С. 125-126.

⁴ О дополнении существующих узаконений о печатании судебных решений // ПСЗ. Собр. 2. Т. 50. (1875). Часть 1. № 54353. С. 114.

нистр внутренних дел получил право изымать на неопределенный срок из обсуждения в печати темы, признанные правительством неудобными. Издатели получали циркуляры, запрещающие им касаться определенных вопросов¹.

Предполагалось, что если по соображениям «высшего правительства» найдено будет неудобным оглашение или обсуждение в печати, в течение некоторого времени, какого-либо вопроса государственной важности, то редакторы освобожденных от предварительной цензуры периодических изданий извещались о том через Главное управление по делам печати (статья 140 Устава о цензуре и печати). На случай нарушения этих распоряжений министру внутренних дел было предоставлено право останавливать издание на срок до трех месяцев (статья 156).

При условии буквального соблюдения закона эта административная мера не вызывала бы серьезных проблем для печати. Однако на практике важные вопросы государственной и общественной жизни устранялись от обсуждения именно тогда, когда общество и печать были в наибольшей степени заинтересованы в скорейшем и успешном разрешении этих проблем.

Административные распоряжения, выпускаемые на основании этого закона, очень часто не руководствовались соображениями «высшего правительства», а отражали личные желания органов цензуры или некоторых учреждений. «К "вопросам государственной важности" причислялись, например: крупный проигрыш в карты частного лица, несчастный случай на железной дороге, оскорбление, нанесенное в дворянском собрании, городские выборы, неправильные действия общественных банков и т. п.»² В своем большинстве подобные запретительные распоряжения не имели обоснования и срока действия.

¹ О взыскании с периодических изданий, изъятых от предварительной цензуры, за оглашение вопросов, не подлежащих, в течение известного времени, опубликованию // ПСЗ. Собр. 2. Т. 48. (1873). Часть 1. № 52395. С. 859-860.

² Самодержавие и печать в России / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: типография А. Э. Венике, 1906. С. 46.

Законом от 19 апреля 1874 г. была прекращена попытка издателей, освобожденных от цензуры, избавиться от разорительного печатания тиража книг, в случае налагаемого на них запрета. Они пробовали сделать лишь несколько экземпляров для предоставления их в цензуру, а весь тираж печатали позже, после цензурного разрешения. По новому закону в цензурный комитет можно было обращаться только после производства всего тиража, когда набор был бы разобран. Таким образом, при запрещении книги издатель нес значительные убытки¹.

Еще один закон от 5 сентября 1879 г. предусматривал особое право министра внутренних дел на запрет помещения частных объявлений в периодическом издании на срок от двух до восьми месяцев².

Приостановка после трех предостережений была дополнена законом от 27 августа 1882 г., в т. н. «Временных правилах для периодических изданий», просуществовавших, несмотря на свою «временность» до 1905 г. Согласно этому закону, редакции изданий (выходящие не реже одного раза в неделю), возобновленных после временной приостановки, должны были каждый номер представлять в цензурный комитет не позднее 23-х часов накануне дня выхода в свет, хотя они и считались освобожденными от предварительной цензуры. Цензорам разрешалось приостанавливать выпуск этих изданий без возбуждения судебного преследования против виновных. Срок действия наказания зависел от министра внутренних дел.

Таким образом, после приостановки, газеты как бы вновь подчинялись предварительной цензуре, да еще ставились в тяжелые условия, так как после 23-х часов никакие материалы уже не попадали в номер, и издание теряло оперативность в освещении событий. Редакции также обязаны были по тре-

¹ О разъяснении статьи 12 главы III временных правил о цензуре и печати // ПСЗ. Собр. 2. Т. 49. (1874). Часть 1. № 53398. С. 667-668.

² О применении пункта 55 прил. к статье 4 Устава Цензурного Т. XIV Свода Зак. по Прод. 1876 года // ПСЗ. Собр. 2. Т. 54. (1879 – 18 февраля 1880). Часть 2. № 59985. С. 87.

бованию министра внутренних дел сообщать звания, имена и фамилии авторов статей, печатаемых в изданиях¹.

Вопрос о совершенном прекращении или о приостановке периодических изданий решала специально созданная Верховная комиссия по печати, состоявшая из министров внутренних дел, народного просвещения, юстиции, обер-прокурора Синода и руководителя ведомства, возбудившего рассматриваемый вопрос. Это совещание четырех министров имело право лишить редактора и издателя возможности когда-либо в будущем редактировать или издавать другой периодический орган². Наказание, которое раньше могло быть наложено только по суду, было переведено в разряд административных взысканий. Закон распространялся на все периодические издания, а новые нормативные акты сузили границы гласности, расширили комплекс экономических мер воздействия на печать, изъяли дела о средствах информации из ведения суда и передали их в полное распоряжение администрации.

Таким образом, новая цензурная система, связанная с практикой предостережений, должна была заменить старую, предварительной цензуры, которая оказалась устаревшей, применительно к столичной печати. Правительство, напуганное расширением влияния на умы читателей радикальной публицистики 1860-х гг., посчитало возможным пойти на некоторые уступки прессе.

По словам Д. И. Писарева, правительство Наполеона III изобрело систему, чрезвычайно удобную для администрации и «невыносимо тяжелую для писателей. «Выгоды чисто карательной системы заключаются для писателей в том, что они, рискуя или жертвуя собою, могут пустить в ход самую смелую идею. Выгода чисто предупредительной системы заключаются также для писателей в том, что они, по настоящему, ни за что не отвечают и ничем не рискуют. Система Наполеона отнимает у писателей выгоды обеих систем;

¹ О временных мерах относительно периодической печати // ПСЗ. Собр. 3. Т. 2. № 1072. С. 390.

² Там же. С. 391.

писатель за всё отвечает и, не смотря на то, ничего не может провести в общество помимо воли правительства»¹. Российская практика, вытекавшая из заимствованного цензурного законодательства во Франции, полностью подтвердила на первых порах эффективность таких способов воздействия на печать.

Уместно будет сослаться на еще одно авторитетное суждение свидетелей тогдашних событий – журнал «Вестник Европы», автор статьи в котором – писатель, общественный деятель, адвокат К. К. Арсеньев – утверждал, что «всего менее возможно преобладание печати в те переходные эпохи, когда для деятельности общества открываются новые пути»². Для России эта эпоха была связана с реформами Александра II. «В эти эпохи, – продолжил автор статьи, – печать не имеет *более* того значения, которое она могла приобрести среди всеобщей безгласности и неподвижности, как единственное проявление общественной мысли – и не имеет еще *того* значения, которое принадлежит ей в обществе, живущем полной жизнью»³. Действительно, на смену «Современнику» и «Русскому слову» пришли новые издания, «толстые журналы» сменились объемными ежедневными газетами западноевропейского образца и новая цензурная система стала стремительно утрачивать свою новизну, требуя для себя многочисленные дополнения и поправки, утрачивая свою эффективность. В результате, наряду с цензурным Уставом, очень часто независимо от него, а иногда и в противоположность ему, появилась целая система распоряжений, имевших на практике значение действующего законодательства, хотя законом и не подтвержденных.

Не смогла система предостережений решить и еще одну заявленную при ее внедрении задачу – она так и не стала связующим звеном между цензурой и реформированной судебной системой.

¹ Писарев Д. И. Очерки из истории печати во Франции // Писарев Д. И. Полное собрание сочинений: В 6 т. СПб., 1894. Т. 2. Столб. 490.

² Арсеньев К. Политический процесс 1869–1871 г. // Вестник Европы. 1871. Ноябрь. С. 285.

³ Там же.

1.2. Цензурные предостережения как средство контроля над российской периодической печатью

С момента принятия нового закона от 6 апреля 1865 г. и на протяжении последующих почти сорока лет (до введения 24 ноября 1905 г. «временных правил для повременных изданий») в законодательство о печати были внесены многочисленные изменения, но при этом сохранилась мера, которая рассматривалась в 1865 г. как «временная и чрезвычайная», – административные взыскания в виде предостережений за «вредное направление». Сущность этого явления в практике Главного управления по делам печати попыталась определить официальная газета Министерства внутренних дел «Северная почта»: «Словом *вредное направление* выражается мысль общая, не ограничивающая, конечно, полного произвола при толковании *вреда*, но так как нет никакой возможности даже приблизительно определить бесспорные признаки вредного направления, то приличнее, откровеннее и достойнее не прикрывать закона наружною формою определенности, когда внутреннее содержание его не подходит ни под какое положительное определение»¹.

Предостережения стали объявляться с 20 сентября 1865 г. и многие из тех, кто непосредственно использовал систему предостережений, отмечали несовершенство принятой системы. Первое же из них, выданное «С-Петербургским ведомостям» за статью в № 243 от 18 сентября, повергло печать в уныние. Газета была наказана «за высказывание "несогласных с интересами государственного кредита суждений", другими словами, "суждений", которые расходятся с "суждениями" лиц, считающих собственные "суждения" за единственно правильные, авторитетные и безошибочные»².

Практически изменилась форма предшествующих действий цензуры, но сохранилось содержание, против которого поспешили выступить представите-

¹ Блохин В. Ф. О вреде «Вредного направления» (начальный этап реализации новой государственной модели управления печатью в 60-е гг. XIX в. С. 110.

² Богучарский В. Из прошлого русского общества // Очерки из истории русской журналистики XIX века. СПб., 1904. С. 367.

ли как либеральной, так и консервативной печати, что повлекло за собой появление официального сообщения в газете Министерства внутренних дел «Северная почта»: «В некоторых столичных повременных изданиях появились статьи, заключающие в себе резкое порицание предоставленного административной власти, на основании законоположений 6 апреля 1865 г., права объявлять предостережения журналам и газетам, не подлежащим предварительной цензуре. Это порицание выражалось иногда прямо, иногда косвенно, в форме критики того же права, предоставленного административной власти в иностранных государствах. Словом, значение и цель подобных статей осязательны. Они клонятся к возбуждению недоверия и неуважению установленному в империи новому закону и *обнаруживают неправильное понимание права, предоставленного нашей печати*»¹. Тем самым практически запрещалось рассматривать проблему предостережений в печати.

С августа 1874 г. форма объявления предостережений изменилась: в объявлениях о них указывались с тех пор лишь статьи, подавшие повод к этой административной мере без разъяснения выраженных в них мыслей. Лишь несколько раз, с того времени были сделаны в этом отношении исключения. Тому, вероятно, были особые причины, которые подчеркивали особое неудовольствие Главного управления по делам печати, вызвавшими предостережение статьями. Так в одном объявлении предостережения говорится: «В статье высказывается также тенденциозность вследствие коей газета неоднократно подвергалась взысканиям и запрещена ее розничная продажа» («Неделе». 1874. 14 ноября). В другом случае объявлялось: «Статья, сообщающая совершенно ложные сведения об одном из полезнейших благотворительных учреждений» («Петербургскому листку». 1875. 22 марта). Были обозначены и другие причины: «Крайне резкие выражения о правительственном учреждении» и «неоднократно замеченные крайне резкие и неуместные отзывы по разному предметам правительственного ведения» («Современным известиям». 1875. 2 апреля и 1876. 16 октября); «корреспонденция, выражающие

¹ Северная почта. 1865. № 221.

протест против решений Берлинской конференции» («Русскому миру. 1876. 6 мая) и, наконец, «вообще вредное направление издания» («Молва». 1876. 3 сентября)¹.

Еще в процессе обсуждения мер, которые легли в основу закона от 6 апреля 1865 г., бывший министр народного просвещения А. В. Головнин, рассуждая о системе предостережений, замечал: «...при существующем порядке цензор не допускает появления в свет вредной статьи, и как действия цензора, так и статья, подвергнувшаяся запрещению, становятся известны лишь весьма ограниченному кружку лиц. При системе же взысканий административная кара постигает статью уже тогда, когда она проникла в публику; взыскание не ослабляет произведенного ею впечатления, – напротив, внимание публики еще более привлекается к ней, и она получает такое значение, на которое часто не имела никакого права. Публика становится в таких случаях как бы судьей между правительством и журналистикой и принимает почти всегда сторону последней»².

Следует отметить, что еще при разработке закона, принятого 6 апреля 1865 г., далеко не все члены редакционной комиссии были согласны с предоставлением широких полномочий министру внутренних дел при выдаче предостережений. Сторонникам тогдашнего руководителя министерства П. А. Валуева с трудом удалось блокировать возражения против наделения его правом отменять решения центральной надзорной и руководящей инстанции – Совета Главного управления по делам печати о возбуждении или невозбуждении судебного преследования издателей, редакторов и авторов, вынесении предупреждения, имеющего последствием прекращение печатного органа»³. Последующая практика применения этого права показала, что не

¹ Цит. по: *Патрушева Н. Г.* Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865 – 1905 гг. Система административных взысканий. Справочное издание. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 113-132.

² *Головнин А. В.* Записки для немногих / Отв. Сост. и науч. Ред. д. и. н. Б. Д. Гальперина. СПб.: Издательство «Нестор-История»; СПбИИ РАН, 2004. С. 233-234.

³ *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб.: типография «Герольд», 1904. С. 329-332

всегда заключения Совета были единогласными. Так, например, в интересующем нас 1879 г. таких было 99, а 15 решений принимались на основании большинства голосов. Зачастую вносил свои коррективы в окончательные постановления и министр внутренних дел (в данном случае Л. С. Маков): от него по 9 заключениям последовали особые резолюции¹. Разногласия возникали по самым разным поводам, в том числе и не связанным с содержанием самих публикаций.

Эти спорные моменты затрагивали самую суть цензурной политики, поскольку ставили печать в зависимость от взглядов, настроений, наконец, эрудиции людей, осуществлявших, помимо цензоров, контроль за прессой. То, что удалось отстоять П. А. Валуеву, не лишенному литературного таланта, внимательно следившему за развитием печати в стране, реально оценивавшему ее роль в общественной жизни, перешло в качестве прямой обязанности и права к последующим руководителям ведомства. Однако далеко не все из них были способны это право реализовывать столь же успешно. Впрочем, и в бытность П. А. Валуева на посту министра, периодическая печать в полной мере испытала на себе последствия административного произвола.

Редким исключением были действия правительства в мае 1872 г., когда в честь 200-летия со дня рождения Петра I по предложению министра внутренних дел предостережения были сняты с тех изданий, которые подверглись этому взысканию до 30 мая 1871 г., а 16 декабря 1877 г. предостережения были сняты со всех изданий, имевших взыскания (с 13 газет и 2 журналов), в связи с успехами России в русско-турецкой войне и 100-летней годовщиной со дня рождения Александра I, ну а главное, благодаря тому патриотическому подъему, которым характеризовались в своем большинстве средства печати в этом году².

В надежде на примирение с прессой в 1866, 1872 и 1877 г. последовали

¹ Справка о деятельности Совета Главного управления по делам печати за 1879 г. Б. м., 1879. С. 1.

² *Патрушева Н. Г.* Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865 – 1905 гг. Система административных взысканий. С. 31.

Высочайшие повеления об отмене выданных предостережений. В первом из них говорилось: «Государь император, по всеподданнейшему *ходатайству* министра внутренних дел, в декабре 1866 г., всемилостивейше разрешить соизволил: сложить к 1 января наступающего года, с тех из повременных изданий, которые в настоящее время состоят под действием полученных ими в административном порядке предостережений, наложенные на них помянутые взыскания, со всеми их последствиями»¹. Во втором документе говорилось следующее: «Государь император, по всеподданнейшему *ходатайству* министра внутренних дел в 29 день мая, всемилостивейше повелеть соизволил: в ознаменование предстоящего празднования двухсотлетнего юбилея дня рождения императора Петра Великого, отменить силу предостережений для тех периодических изданий, которые подвергались оным не менее, как за год до сего торжественного дня, т. е. до 30 мая 1871 года»².

Наконец, в третий раз Высочайшее повеление имело следующую формулировку: «Государь император, по всеподданнейшему ходатайству министра внутренних дел, 16 декабря, Высочайше повелеть соизволил: сложить с повременных изданий, которые в настоящее время состоят под действием объявленных им предостережений, силу этих взысканий»³. В последнем случае от наказаний были освобождены 13 газет и 2 журнала, в связи с успехами России в русско-турецкой войне и 100-летней годовщиной со дня рождения Александра I, ну а главное, благодаря тому патриотическому подъему, которым характеризовались в своем большинстве средства печати в этом году⁴.

Уже в 1878 г. наметился рост выданных цензурным ведомством предостережений. Отчасти это было вызвано снятием предыдущих взысканий. Всего 13 газет и два журнала были освобождены от угрозы будущих приостановок, причем 10 из них успели к тому моменту «нахватать» по два пре-

¹ Северная почта. 1867. № 7.

² Правительственный вестник. 1872. № 128.

³ Там же. 1877. № 282.

⁴ *Патрушева Н. Г.* Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865 – 1905 гг. Система административных взысканий. С. 31.

достережения, испытывая серьезное моральное давление со стороны Главного управления по делам печати («С.-Петербургские ведомости», «Биржевые ведомости», «Голос», «Русское обозрение», «Неделя», «Современные известия», «Финансовое обозрение», «Московское обозрение» «Вестник Европы», «Судебный вестник»).

В итоге, Главному управлению по делам печати «пришлось наверстывать» утраченные возможности воздействия на издания. «Русскому обозрению» за 1878 г. было выдано три предостережения с приостановкой на 6 месяцев. Вернулась в прежнее состояние с двумя предостережениями «Неделя». «Голос» получил только одно предостережение, но зато четырежды в течение года ему запрещалась розничная продажа. Такая же ситуация наблюдалась и с «С.-Петербургскими ведомостями» (только с тремя запретами розничной торговли). *«Биржевые ведомости» трижды лишались возможности продавать номера своих газет в общественных местах. Дважды этого наказания удостоились «Современные Известия», но зато и получили одно предостережение. Предостережения удостоилось и «Московское обозрение»¹. Всего шесть новых изданий значились в списке взысканий за 1878 г., точнее – четыре, поскольку царским указом 1877 г. двум из них также было снято, но по одному взысканию.*

Нарушения, связанные с попытками разрушения учения православной церкви, неприкосновенности верховной самодержавной власти, оскорбления добрых нравов и благопристойности, нравственности, частной жизни, тем более при помощи клеветы, выступали в виде четырех главных «цензурных заповедей», соблюдение которых вменялось в обязанность печати под страхом взыскания. Публицист, редактор газеты «Русские ведомости» В. А. Розенберг отмечал, что «не допуская этих нарушений, закон не препятствовал появлению рассуждений "о несовершенстве существующих у нас постановлений", если они написаны "тоном, приличным предмету"; позволяет цензурный устав

¹ Подсчитано по: *Патрушева Н. Г.* Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865 – 1905 гг. Система административных взысканий. С. 141-151.

рассуждать также и "о недостатках и злоупотреблениях администрации и судебных мест", хотя на странных условиях, – не называя имен виновников злоупотреблений; наконец, цензуре вменяется в обязанность "отличать благонамеренные суждения и умозрения, основанные на познании Бога, человека и природы, от дерзких и буйственных мудрований, равно противных истинной вере и истинному любомудрию" (ст. 93, 94, 97, 98 Уст. ценз.)»¹.

Публицист отмечал, что административные меры и взыскания, связанные с замеченным в них «вредным направлением» выглядят излишне многочисленными: «По крайней мере двести восемьдесят раз вредное направление русской прессы изобличалось при помощи специально на этот предмет установленных «предостережений, с указанием на статьи, подавшие к сему повод» (ст. 144 Уст. ценз.)»². Если учесть тот факт, что взысканиям подвергались и издания далекие от попыток конфронтации с официальной властью («Гражданин», «Московские ведомости», даже созданный Министерством внутренних дел «Берег»), то вредной должна быть признана вся российская пресса. Получалось так, что российские газеты и журналы проявляли неискоренимую склонность «дерзким и буйственным мудрованиям».

Примечательно, что органам печати запрещалось обсуждать причины выданных им министром внутренних дел предостережений, но обязательно требовалось в следующем после получения наказания номере, напечатать официальное определение, на основании которого предупреждение было получено. В этом плане показателен эпизод, случившийся с первым предостережением, выданным газете «Неделя» в 1876 г. в № 3-5³. Сдвоенный номер появился из-за желания редакции восполнить потери подписчиков после приостановки издания на 3 месяца.

¹ *Розенберг Вл.* Пресса, цензура, общество // Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1905. С. 95-96.

² Там же. С. 96.

³ Объяснение и заметки // Неделя. 1876. № 3-5. С. 171-172.

Литературно-общественный деятель 1860–1880 гг. Павел Александрович Гайдебуров, сотрудник некрасовского «Современника», будучи издателем либерально-народнической газеты «Неделя», вспоминал, что в этом номере был помещен небольшой фельетон под названием «Объяснение и заметки», описывающий душевное состояние редактора, получившего уведомление о приостановке его журнала. «В заметке рассказывалось, как, среди спешных занятий редактора, к нему является чиновник с роковым распоряжением, и как все эти сложные, трудные и ответственные занятия в один момент становятся ненужными. "Эта статья, только что приготовленная к отсылке в типографию и над которой редактор просидел полночи, торопясь поспеть к сроку, теперь уже не имеет смысла. <...> Еще вчера он торопил сотрудника, упрасывая его приготовить статью пораньше, а час назад послал в типографию записку с просьбой торопиться набором. ... Все это уже не нужно. Да и сам он уже не нужен. Десять минут назад, он еще был чем-то, имел в руках какую-то силу, что-то значил, а теперь, обезоруженный он на несколько месяцев обращается в полное ничто". Среди таких размышлений, редактор берет номер со злополучной статьей, внимательно перечитывает ее от строки до строки, и вспомнив замечание чиновника: "Вы, вероятно, этого ожидали?" – пожимает плечами. Это замечание чиновника было отголоском довольно распространенного в то время мнения, будто приостановки сознательно вызываются самими редакторами с какими-нибудь личными целями, и "пожимание плеч" относилось именно к этому мнению; а между тем, как я узнал впоследствии, плечи то и вызвали главным образом кару: в них Григорьев усмотрел недозволенное законом обсуждение предостережения в том номере, где оно напечатано»¹.

Здесь приведен большой отрывок из фельетона, поскольку он имеет особое значение для понимания последствий административных воздействий в виде предостережений, выдаваемых Министерством внутренних дел пе-

¹ Гайдебуров П. А. Из прошлого «Недели». (Несколько личных воспоминаний) // Книжки «Недели». 1893. № 3. С. 7-8.

риодическим изданиям. При несовершенстве данной системы наказаний, составляющие морального плана, вероятно, играли роль дополнительных стимулов к ее сохранению и именно в этом направлении многие годы происходили попытки «усовершенствовании» этой цензурной меры.

Однако система предостережений не вызывала доверия у тех, кто ее использовал и спустя десятилетия. Так, недостаточно эффективными считал наказания, выдаваемые в тот период средствам печати, начальник Главного управления по делам печати В. В. Григорьев. Его позиция была основана на довольно длительном практическом опыте, на основе которого он пришел к выводу, что первое предостережение газете или журналу, обращая на них внимание читающей публики, «детски увлекающейся всем резким и запретным», только увеличивает число подписчиков. Второе предостережение действует более эффективно, «заставляя издание быть более сдержанным в виду его приостановления сопряженного со следующим третьим»¹.

Угроза приостановки действовала, по мнению В. В. Григорьева, по-разному и в зависимости от времени года: «...в самом начале его или в самом конце, когда идет подписка, и приостановление издания может, вследствие того, нанести издателю огромный убыток и даже совсем убить журнал или газету»². В летние же месяцы, она для многих издателей представлялась даже желательной, давая им возможность воспользоваться своеобразными каникулами и даже добиться некоторой экономии средств. В. В. Григорьев утверждал, что расходы большой ежедневной газеты в среднем достигали до 10000 рублей в месяц. Газета в период приостановки обычно высылала своим подписчикам другое издание, оплачивая по договоренности с ним, только бумагу на его изготовление, печатание дополнительных экземпляров и почтовые расходы, что составляло не более 2000 – 2500 рублей в месяц³. Таким образом, приостанов-

¹ Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. С приложением портрета и факсимиле. Составил Н. И. Веселовский (Издание Императорского Русского Археологического общества). СПб., 1887. С. 257.

² Там же.

³ Там же.

ка ежедневной газеты на три месяца может «доставить ее издателю помимо других выгод, более 20000 руб. чисто дохода». Вероятно, именно эти представления В. В. Григорьева предопределяли значительное число выдаваемых им предостережений «по самым незначительным поводам».

Подтверждением «сезонности» активизации прессы и как следствие – увеличения цензурных наказаний, могут служить записки цензора с большим стажем А. Е. Егорова, который отмечал тенденцию, характерную для одесской печати, но проявлявшуюся как в провинциальных, так и столичных изданиях. Он отмечал, что «из-за приманки наибольшего числа подписчиков и увеличения розничной продажи, с половины года <...> обыкновенно начинались и постепенно усиливались эти нескончаемые пререкания и взаимные высмеивания, причем ни одна их газет никогда не хотела уступить другой в последнем слове...»¹.

Другая, считавшаяся действенной, мера – воспрещение на более или менее продолжительный срок розничной продажи, также, по убеждению начальника Главного управления, не давала ожидаемого результата из-за того, что многие издания вообще не распространялись в розницу, а за розничной торговлей «сильно раскупаемых в отдельных экземплярах» сложно было уследить².

Говоря о предостережениях, выдававшихся периодическим изданиям в бытность В. В. Григорьева на посту начальника Главного управления по делам печати, П. А. Гайдебуров отмечал, что делалось это со «своеобразным равнодушием», как будто «исполняя неизбежную формальность». По его мнению, связано это было с тем, что главный цензор страны считал эту меру крайне слабой совершенно не достигающей своей цели. Причину автор воспоминаний видел в том, что существовавшая в тот период влиятельная газета «Голос» «чаще других изданий выходившая из установленных цензурных

¹ Егоров Анатолий (Каспаров). Страницы из прожитого (1881–1906 гг.). Одесса, 1913. С. 92.

² Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. С. 257.

пределов, для которой предостережения в самом деле значили немного: как только по третьему предостережению она приостанавливалась на несколько месяцев, редактор пускал в ход свои связи в высших сферах, и министр внутренних дел вынуждался разрешать выпуск газеты задолго до назначенного срока. Это бессилие предостережений для «Голоса» Григорьев обобщал на всю печать, и, как будто, желая наверстать качество количеством, давал их по самым незначительным поводам»¹.

Схожая позиция в оценки действенности выдаваемых печати предостережений, наблюдается во мнении драматурга, беллетриста и театрального критика Д. В. Аверкиева, опубликовавшего свою статью о проблемах печати в «Новом времени». На его взгляд, предостережения за вредное направление чаще всего даются периодическим изданиям за их суждения о «мерах правительства или действиях административных лиц», лишаются права розничной продажи за распространение «ложных или тревожных слухов». Какая же практическая польза таких взысканий? – задается вопросом автор статьи. Публику начинает разбирать любопытство относительно причин произошедшего: «Одни довольствуются простым ответом своих знакомых; другие стараются достать наказанную статейку. Порой любопытство достигает чрезвычайного напряжения; номер газеты продаётся по баснословной цене, наконец, статейка переписывается и начинает в рукописи ходить по рукам»². Любопытно и то, что при запрете розничной продажи «ограничивается продажа дальнейших номеров, но номер, признанный вредным, спокойно продается»³.

Член Главного управления по делам печати Ф. П. Еленев также был против гласных предостережений «за вредное направление», поскольку «...они до некоторой степени сдерживают выходки неблагонамеренных изданий, но никогда не изменяли их направления, а только заставляли его вы-

¹ Гайдебуров П. А. Из прошлого «Недели». (Несколько личных воспоминаний). С. 5-6.

² Аверкиев Д. Ложь или правда? // Новое время. 1881. № 1833. 5 апреля.

³ Там же.

сказываться более осторожным образом»¹. В. В. Григорьев в этой связи вынашивал идею наложения на печать вместо предостережений прогрессивных денежных штрафов. «Чтобы денежный штраф соответствовал вине издателя и вреду, принесенному тем его проступком, за который налагается взыскание, штраф этот должен соразмеряться с числом подписчиков на издание и ценою на оное». Причем повтор проступка должен был, по замыслу начальника Главного управления по делам печати, повлечь за собой увеличение денежного наказания в арифметической прогрессии².

Нельзя сказать, чтобы в течение 15 лет, с 1865 по 1880 г., наблюдательная власть над печатью бездействовала. Одна только бесцензурная пресса подверглась 162 предостережениям, сопровождавшимся 42 случаями приостановок и 6 запрещениями самих газет и журналов. Еще было 80 случаев запрещения розничной продажи газет и 2 случая прекращения печатания частных объявлений³. Иной точки зрения на последствия для периодических изданий выданных им предостережений придерживался либеральный публицист, юрист, общественный деятель К. К. Арсеньев подробно рассматривавший возможности для печати избежать административные наказания. В итоге он пришел к неутешительным выводам: «*Возможность* предостережения существует для каждого независимого журнала, в каждую данную минуту; *вероятность* его не поддается никаким определением и расчетам. К произволу, господствующему при раздаче предостережений, нельзя примениться; из прежних примеров нельзя вывести никакого положительного правила, потому что между ними нет внутренней логической связи»⁴.

Доказательство этих положений К. К. Арсеньев обнаружил, в том числе и в официальных высказываниях газеты Министерства внутренних дел «Се-

¹ Еленев Ф. И. О злоупотреблениях литературы и о действиях цензурного ведомства с конца пятидесятих годов по настоящее время. II. О необходимых изменениях в устройстве цензурного ведомства. СПб., 1896. С. 49.

² Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. С. 258.

³ Трубников К. В. Печать, как власть настоящего над будущим. СПб., 1899. С. 10.

⁴ Арсеньев К. К. Законодательство о печати. Великие реформы 60-х гг. в их прошлом и настоящем. С. 41.

верной почте», посвятившей этой проблеме специальную статью в 1867 г. По словам публициста, газета «признает, что решение административной власти обуславливается не только содержанием статьи, но и неудобствами, с которыми может быть сопряжено предостережение, толками, которые оно может вызвать. Положим, что соображения последнего рода одержали верх над первыми, и что административная власть решилась оставить напечатание известной статьи без последствий, хотя и находила, что за нее следовало бы дать предостережение. Мотивы этого решения остаются, конечно, тайной не только для других редакций, но и для той, которой угрожало административное взыскание. Через несколько дней появляется новая статья в том же направлении и тоне, вызванная именно безнаказанностью первой статьи. На этот раз административная власть не встречает почему бы то ни было, никаких препятствий к принятию строгой карательной меры – и предостережение постигает редакцию в ту минуту, когда она всего меньше его ожидала»¹.

Такие административные тонкости, по мнению К. К. Арсеньева, не в состоянии предусмотреть ни опытные, ни осторожные издатели. Однако следует отметить, что публицист, вероятно, сознательно не делает в своих выводах различий между периодическими изданиями и издателями, которые в условиях существовавшего цензурного режима находили возможности воздействия на решения Главного управления по делам печати. Сам К. К. Арсеньев, сравнивая время существования предварительной цензуры с современным ему господством цензуры карательной, отмечал, что в отдельные периоды литература, «пользовалась в некоторых отношениях большей свободой, чем в 1865-68 гг.». Однако, по его мнению, эта свобода была в высшей степени непрочная, поэтому «уничтожение предварительной цензуры уменьшило зависимость печати от случайных обстоятельств, от личного произвола, сделало

¹ *Арсеньев К. К.* Законодательство о печати. Великие реформы 60-х гг. в их прошлом и настоящем. С. 41-42.

возможным обсуждение таких предметов, которые прежде были недоступны для литературы»¹.

Яркой иллюстрацией особых отношений, складывавшихся между цензурой и печатью, может служить эпизод, рассказанный все тем же П. А. Гайдебуровым. М. Т. Лорис-Меликов во время встречи с ним назвал статью «Недели», которая доставила ему неприятность. «Это было "письмо в редакцию" известного юриста Думашевского, имевшее совершенно личный характер, но в котором была одна действительно неловкая фраза о Карле I и Людовике XVI. Номер с этой фразой был кем-то представлен на усмотрение Государя, и Его Величество выразил неудовольствие Лорис-Меликову»².

Далее П. А. Гайдебуров, характеризующийся в истории журналистики как активный борец с несправедливостью, общественный деятель, либеральный народник, отмечает: «К счастью, этот промах оказался легко поправимым: воспользовавшись тем, что по поводу злополучной фразы в газете «Берег» появилась трескуче-обвинительная передовая статья, я тут же предложил начальнику Главного управления по делам печати поместить в ближайшем номере "Недели" соответственное заявление от редакции в виде ответа названной газете, и этим способом дело было улажено»³.

Речь шла об обыкновенной сделке между редактором и цензурным ведомством, поскольку газета «Берег» содержалась за счет Министерства внутренних дел, в ней сотрудничали чиновники, находившиеся там на службе и об этом, естественно, было известно редактору «Недели», который за счет своей «услуги» сумел избежать потенциального предостережения. Примечательно, что вспоминал он об этом эпизоде, спустя 13 лет без всякого сожаления и даже с некоторой бравадой. Очевидно, что отношения между печатью и цензурой не сводились к упрощенному состоянию противостояния, но и предусматривали разную степень сотрудничества. Более того, неравноправ-

¹ *Арсеньев К. К.* Законодательство о печати. Великие реформы 60-х гг. в их прошлом и настоящем. С. 44.

² *Гайдебуров П. А.* Из прошлого «Недели». С. 22.

³ Там же.

ные отношения между государственными структурами и средствами информации вполне согласовывались с традиционным для России, укорененным в культуре образе власти, получавшей особые полномочия на управление. Впрочем, возникали российские средства печати тоже почти исключительно по инициативе самой власти, поэтому государственное покровительство являлось необходимым условием их существования.

1.3. Управление цензурным ведомством Российской империи в условиях политического кризиса второй половины 1870-х гг.

В составе Министерства внутренних дел Главное управление по делам печати являлось центральным учреждением, руководившим цензурой в 1865–1917 году. Во главе высшего цензурного органа находился начальник, который назначался и увольнялся Высочайшим указом по представлению министра внутренних дел. Под председательством министра действовал Совет Главного управления, в составе начальников цензурных комитетов и лиц, утверждавшихся императором.

Деятельность Главного управления по делам печати напрямую зависела от министра внутренних дел и той политики, которой он предпочитал следовать. Например, при министре А. Е. Тимашеве, а это почти десять лет, – с марта 1868 по конец ноября 1878 гг., – политика в отношении печати носила преимущественно карательный характер, хотя и в этот десятилетний отрезок были свои «взлеты и падения». По многочисленным свидетельствам очевидцев, в это время Министерство внутренних дел практически отказалось от практики предшествующих лет, когда газетам и журналам подробно указывалось на их цензурные ошибки, и объяснялись причины следовавших наказаний. Одно ограничение в отношении печати следовало за другим, заметно уменьшалось число «серьезных» изданий. При А. Е. Тимашеве администрации была дана возможность вовсе обходиться без обращения к суду на основании закона от 7 июня 1872 г., предусматривавшего «только исключительные случаи распространения разрушительных учений, но редактированным в выражениях неопределенных, предоставляющих полный простор усмотрению Министерства внутренних дел»¹.

Однако роль начальника Главного управления, хотя и подчиненная общему курсу, выработанному министерством и одобренному императором, со-

¹ *Арсеньев К.* Русская печать на рубеже третьего столетия своего существования // *Право.* 1903. № 2. 5 января.

держала в себе, по крайней мере, элементы самостоятельности, predeterminedенные работой с редакторами изданий и цензорами. Не случайно многие представители отечественной печати связывали возможность смягчения или ужесточения цензуры с назначением новых руководителей Главного управления.

На время управления министерством А. Е. Тимашевым пришлось деятельность четырех начальников Главного управления: бывший виленский губернатор, коллекционер редких русских и иностранных сочинений М. Н. Похвиснев (1866–1870 гг.); тульский гражданский губернатор, генерал-майор М. Р. Шидловский (1870–1871 гг.), который, по словам А. Ф. Кони, «по неисповедимым судьбам русского печатного слова <...> совершенно чуждый литературе, был в 1871 году назначен начальником Главного управления по делам печати»¹; бывший орловский губернатор, но при этом и писатель, историк русской литературы М. Н. Лонгинов (1871–1875 гг.), «благодаря которому в течение трех лет не появилось ни одной новой газеты, ни одного нового журнала»²; наконец, профессор-ориенталист Санкт-Петербургского университета В. В. Григорьев (1875–1880 гг.), о котором будет рассказано подробнее, поскольку именно на время его руководства российской цензурой пришлось начало серьезного политического кризиса, развернувшегося в стране.

В марте 1880 г. он подал министру внутренних дел просьбу об отставке, в которой рассказал о положении начальника Главного управления по делам печати. Ссылаясь на недостаточность выделенных ему полномочий, В. В. Григорьев в то же время сетовал на огромную ответственность, «во всем, что происходит неладного в области печатного слова»³. Публицистика была недовольная той долей свободы, которая ей была предоставлена законом, относясь к начальнику Главного управления как «гасильнику мысли,

¹ Кони А. Ф. Из записок судебного деятеля // Собрание сочинений в восьми томах. М.: Издательство «Юридическая литература», 1966. Том 1. С. 298.

² Градовский Г. К. К истории русской печати // Цензура в России в конце XIX – начале XX века. Сборник воспоминаний / Сост. Н. Г. Патрушева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 105.

³ Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. С. 271.

как к притеснителю», все обиженные печатным словом, недовольные тем или другим направлением печати, обвиняли его «в потворстве, чуть не сочувствии увлечениям печати и приписывают эти увлечения его слабости»: «Сыплются обвинения со всех сторон, сочиняются гнусные клеветы, пишутся оскорбительные анонимные письма»¹.

«Теперь уже очевидно, что в 1870-е гг. было положено начало процессам, получившим свое логическое завершение в начале XX в. революцией 1905 г. в России. Они знаменовались утратой у части общества веры в прежние ценности»² и одновременным распространением новых представлений, направленных на разрушение старого политического порядка. Изучение вопросов, связанных с деятельностью руководителей цензурного ведомства дает возможность выяснить те стороны событий, которые зачастую не получили отражение в официальных документах. Применительно к исследованию истории российской цензуры XIX в. это особенно важно, поскольку такого рода сведения могут в значительной мере расширить представление о закулисных особенностях происходившего, способствуют уточнению приводимых в документах сведений, помогают ощутить дух и атмосферу эпохи.

Василий Васильевич Григорьев из-за болезни М. Н. Лонгинова стал с декабря 1874 г. исполнять обязанности начальника Главного управления, сохраняя за собой место в университете, а с 1 февраля 1875 г. возглавил цензурное ведомство. Многие представители печати с этим назначением связывали возможность смягчения цензуры. Узнав о назначении В. В. Григорьева, «одна газета в виде напутственного слова новому начальнику объявила, что главнейшая заслуга покойного М. Н. Лонгинова заключалась в том, что он энергически преследовал "разбойников пера и мошенников печати", но независимые, честные, убежденные люди вздохнули свободнее, узнав об этой

¹ Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. С. 271

² *Блохин В. Ф.* Становление и развитие губернской периодической печати в России (вторая треть XIX – начало XX в.: дисс. ... д-ра исторических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2010. С. 412.

смерти»¹. Зато поэт Ф. Б. Миллер написал эпиграмму на нового начальника Главного управления:

«Прими ж мое ты наставленья:

Чтоб избежать невзгод и бед.

Марай сплеча без сожаленья,

За это замечаний нет!»²

В. В. Григорьев не только являлся профессором Петербургского университета, но и первым с 1 января 1869 по 13 ноября 1870 г. редактором «Правительственного вестника». Общая для всех министерств и главных управлений газета хотя и была официальной, но помимо различных правительственных распоряжений, объявлений и разъяснений печатала внутренние и зарубежные известия, статьи и рецензии на книги, содержала другие материалы познавательного характера. Иными словами, новый начальник не был «чужд нашей печати, за которой усердно следил в течение всей своей сорокалетней службы, сам принимал деятельное участие в этой печати, знал направления ее лагерей...»³

Полных сведений о деятельности начальников Главного управления по делам печати чаще всего не сохранилось. Оставил подробные и откровенные воспоминания Е. М. Феоктистов – чиновник эпохи Александра III, занимавший пост начальника Главного управления по делам печати с 1883 по 1896 г.⁴ Только в 2009 г. увидели свет мемуары Алексея Валериановича Бельгарда, возглавлявшего цензурное ведомство в 1905–1912 гг.⁵

¹ Градовский Г. К. К истории русской печати // Цензура в России в конце XIX – начале XX века. С. 105.

² Блюм А. Русские писатели о цензорах и цензуре: от Радищева до наших дней, 1700–1990: опыт комментированной антологии. СПб., 2011. С. 176-177.

³ Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. С. 254.

⁴ Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы 1848–1896. М.: Новости, 1991. 460 с.

⁵ Бельгард А. В. Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста Е. Н. Андреевой; коммент. Г. М. Пономаревой, Т. К. Шор, Н. Г. Патрушевой. М.: Новое лит. обозрение, 2009. 688 с.

Сведения о В. В. Григорьеве, в том числе связанные с его деятельностью в Главном управлении по делам печати, содержатся в его личном фонде в Российском историческом архиве (РГИА. Ф. 853). Значительный интерес представляет книга, составленная Н. И. Веселовским: «Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881»¹, изданная Императорским русским археологическим обществом, к которому главный цензор страны имел непосредственное отношение.

Автор биографической книги в своем предисловии отмечал, что задержка ее издания (В. В. Григорьев умер в 1881 г.) не послужила на пользу биографии, поскольку всё равно «о многом должен был я умолчать, так как приходилось говорить о событиях к нам близких, не вполне еще ставших достоянием истории»². При очевидном желании автора представить на суд читателя почти исключительно позитивные сведения о герое своей книги, она всё же содержит ряд документальных материалов, дающих вполне объективное представление не только о научной, но и об административной деятельности бывшего начальника Главного управления по делам печати.

Например, в качестве своеобразных программных заявлений можно рассматривать составленный В. В. Григорьевым план еженедельной правительственной газеты, которая должна была дополнять собой «Правительственный вестник». Точная дата создания документа не известна, но составлен он был еще до начала деятельности в Министерстве внутренних дел. В своем «Разъяснении» он отмечал: «Правительство не всё может, и не за всё должно браться; невозможность улучшать одно, не улучшая окружающего: гнилая среда заражает. Влияние привилегированных частей управления на непривилегированные: первые не улучшаются, а последние ухудшаются. В правительстве должно выражаться сознание народное, и в России это может быть»³.

¹ Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. 306 с.

² Там же. С. 1.

³ Там же. С. 246.

В разделе «Принципы» провозглашенные задачи выглядят более конкретно: «Русская национальность: всё, что служит к охранению её, поддержанию и оживлению; война против всего в противном смысле. В народе заботиться о ней нечего; забота относится к образованным классам, которые ежеминутно под враждебным влиянием, и часто изменяют народу, *по незнанию* (*курсив мой.* – В. Р.) <...> Против конституционных затей и стремлений»¹. Именно эти принципы поставил во главу угла своей деятельности В. В. Григорьев в качестве начальника Главного управления по делам печати. Планировал он более подробно раскрыть ряд положений в своих публикациях. Некоторые из тезисов будущих статей выглядят так: «о воспитании в духе народности», «чиновничий пролетариат и средство обратить чиновников в производительный класс», «против паспортной системы», «о недостатке у нас гражданского мужества», «дурной русский лучше для России хорошего иностранца», «русская любовь к царям и преданность им нерусских» и, наконец, «о несуществовании общественного мнения и о том, что каждая газета выражает только мнение своего редактора или много своего кружка»².

Идейная близость В. В. Григорьева со сторонниками русского национализма, славянофильские взгляды с традиционным противопоставлением России Западу, представления об особом ее пути развития, суждения о «народности, как органическом целом» послужили, вероятно, главной причиной привлечения ученого на государственную службу. В декабре 1868 г. он на общественных началах был назначен членом Совета Министерства внутренних дел и принял активное участие в различных министерских комиссиях³.

Так, в ноябре 1871 г. В. В. Григорьев стал членом особого подготовительного совещания по анализу существующего законодательства по еврейскому вопросу и выработке рекомендаций по его пересмотру. Дело в том, что

¹ Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. С. 246.

² Там же. С. 247.

³ Там же. С. 245.

в 1870 г. в правительственных сферах утвердилось мнение о необходимости уменьшения «вредного влияния» еврейского населения и сближения его с христианами. В декабре 1872 г. будущий начальник Главного управления по делам печати вошел в состав специальной «еврейской комиссии». Характерно высказывание В. В. Григорьева, относящееся к этому периоду его деятельности: «Вопрос еврейский есть вопрос о возможности самостоятельной русской жизни, или о гибели русского народа»¹. Он неоднократно обращался к этой проблеме в своих публикациях: «Письма Султана Мендали Пиралиева в редакцию газеты "Русский мир"» (1973. № 52, 61, 73, 74, 80, 89, 94. 98, 102), а уже после ухода с поста начальника Главного управления по делам печати под тем же псевдонимом и в «Новом времени» (1881. № 1935, 1942, 1951, 1958, 1966, 1980, 1996, 2010, 2029).

Не затрагивая научной и более ранней публицистической деятельности В. В. Григорьева, особое внимание сосредоточим на статьях, напечатанных им в газете «Новое время» в 1881 г., уже после отставки из Главного управления по делам печати, под общим названием «Письма о предметах, вызывающих на размышление». В них содержится точка зрения автора на ряд актуальных вопросов его времени, во многом объясняющих приглашение его на должность главного цензора страны и причины принимаемых им решений. Примечательно, что за почти десятилетний отрезок времени, прошедшего после участия в комиссиях Министерства внутренних дел и публикациях в «Русском мире», взгляды В. В. Григорьева не претерпели существенных изменений.

Обратимся к первой из цикла публикаций, которая содержит полный набор положений, характерных для взглядов начальника Главного управления по делам печати. Письма написаны живым языком, со значительной долей юмора. Вот только один пример из его письма в «Новом времени»: «Умные то люди, так как требования на них не было, совсем перевелись на Руси. Остаётся их теперь только трое: я, один мой приятель тайный советник, да Михайло

¹ Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. С. 249.

Никифорович Катков (*Редактор-арендатор вместе П. М. Леонтьевым с 1863 г. «Московских ведомостей», автор большинства передовых статей в газете. – В. Р.*), которого все вы достаточно знаете, уважаете и боитесь: люют уж очень, как расходится»¹. Представился читателям газеты автор письма также своеобразно: «...чтобы вы уважали меня, доверяли мне, не считали меня каким-нибудь либералом вроде братьев Градовских (братьев по духу) или Ното-вича с Думашевским (братьев по кагалу). Я тот самый султан Мендали Пиралиев, который в 1873 году, завоевал Хиву и после того намеревался проехать в Китай, чтобы стать там во главе Дунганского восстания, сделаться богдыханом и с десятиmillionным войском ринуться на Европу, чтобы истребить в ней всех парламентских и клубных болтунов. Вот кто я такой»².

В. В. Григорьев был убежден, что в своей деятельностью отстаивал российские интересы, переживая в частности по поводу отставания отечественной науки от западноевропейской. Его болезненное отношение к этой проблеме приводила к тому, что если он «ожидал от какой-либо меры вреда для России, его ничем уже нельзя было подкупить в пользу такой меры»³. Автор книги о бывшем начальнике Главного управления Н. И. Веселовский вынужден был отметить, что В. В. Григорьев, как всякий человек «легко мог ошибаться в своих предположениях, мог усматривать опасность там, где ее не было; но тут он всегда действовал искренно, не увлекаясь ни симпатиями, ни антипатиями, и наоборот – покровительствовал, чем только мог, всему тому, что признавал клонящимся ко благу России»⁴. Автор биографии, подчинявшийся необходимости, признавал, что «особенно ярко сказалось это в деятельности Григорьева как начальника Главного управления по делам печати»⁵.

¹ О предметах вызывающих на размышления. Девять писем султана Мендали Пиралиева в редакцию «Нового времени» // Новое время. 1881. № 1935. 19 июля. С. 3.

² Там же.

³ Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. С. 249.

⁴ Там же. С. 282.

⁵ Там же.

Во многом разделяя взгляды славянофилов, В. В. Григорьев отмечал, что «испытывал антипатию к либералам»¹, обвиняя их в упадке национального самоуважения, в отчуждении общества от народа, в господстве материальных устремлений: «Не говоря уже о русских, у которых поголовно мозги с младенчества взболтаны – и армяне, и грузины, и латыши, и эстонцы, все заразились уже более или менее европейским умничаньем, все уверовали в прогресс, все поклоняются богу Комфарту и ждут спасения мира от фельетонов и адвокатских речей»². Начальник Главного управления по делам печати отличался пессимистическим взглядом относительно будущего страны и признавался, что просто ненавидел слово «прогресс»³.

Словами придуманного им султана Мендали Пиралиева В. В. Григорьев утверждал, что «русская "интеллигенция" не только не любит России, а ненавидит ее, презирает, всё истинно-русское признавая за хлам, за грязь, за мерзость запустения»⁴. «Это только Стасюлевич с Полонским (*редактор и один из ведущих публицистов журнала «Вестник Европы»*. – В. Р.) по невежеству своему, способны утверждать, будто европейцы и русские из одного теста сделаны. Почему и русскому должно быть по вкусу то, что европейцу по зубам»⁵.

Еще один примечательный его взгляд на эту проблему: «Но допустим, в виде исключения, что могут, хотя и с большою натугою, быть отысканы русские люди, которые еще любят свое Отечество: и всё-таки не могут они любить его так сильно, как те из чужеземников, которые почему-либо

¹ Григорьев В. В. Жизнь и труды П. С. Савельева преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним. С приложением портрета П. С. Савельева и снимка с его почерка. СПб., типография Императорской Академии наук, 1861. С. 161.

² О предметах вызывающих на размышления. Девять писем султана Мендала Пиралиева в редакцию «Нового времени» // Новое время. 1881. № 1935. 19 июля. С. 3.

³ Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. С. 283.

⁴ О предметах вызывающих на размышления. Девять писем султана Мендала Пиралиева в редакцию «Нового времени». С. 3.

⁵ Там же.

душою и телом отдались России»¹. В качестве доказательства этого своего положения В. В. Григорьев ссылался на творчество Вельтмана (шведа по происхождению), Даля (лифляндца), поэтов Мея и Фета, утверждая, что в их произведениях веет «истинной, настоящей Русью». «Как исключение из тезиса, который я доказываю, назову, пожалуй, Достоевского. Но и он не исключение: я уверен, что у покойного была прабабушкой зырянка или остячка. И физиономия его это доказывает»².

Добавив к приведенным представлениям и убеждениям начальника главного цензурного ведомства страны некоторые из присущих ему черт характера: педантизм и аккуратность, в том числе и в денежных делах, но при этом постоянные выплаты на протяжении всей трудовой деятельности десяти процентов от своих доходов на содержание бедных, отзывчивость, остроумие, но склонность к властности и даже деспотизму в отношениях со своими друзьями и в служебной практике. Сложив все это вместе мы получим довольно целостный портрет человека, от которого во многом зависело развитие отечественной печати на протяжении четырех с половиной лет, пришедшихся на время серьезных испытаний для страны.

Современники отмечали, что в начале его управления российской печатью цензурный режим немного смягчился, особенно в отношении книг и «толстых» журналов, чему есть свое объяснение. «За счет поиска и использования тем, интересующих читателей, газетной публицистике удавалось всё в большей мере сближаться с обществом, "раствориться" в нем. В то же время обстоятельно изложенные проблемы политики, права, науки в "толстых" журналах, зачастую с трудом усваивались массовым читателем. Поэтому они, еще недавно являвшиеся главным средством формирования общественного мнения в определенных кругах, с очевидностью отходят на задний план»³.

¹ О предметах вызывающих на размышления. Девять писем султана Мендаля Пиралиева в редакцию «Нового времени». С. 3.

² Там же.

³ *Блохин В. Ф.* О вреде «вредного направления» (начальный этап реализации новой государственной модели управления печатью в 60-е гг. XIX в. С. 113.

Прошло совсем немного времени, и новый начальник во многом превзошел своих предшественников. «Никто даже не мог тогда и подозревать, – писал Г. К. Градовский, – что при нём общее положение печати дойдет до таких невзгод, до такого падения, что даже тяжелые времена М. Н. Лонгинова должны были бы казаться "красными днями"»¹. Уже спустя месяц с момента вступления в должность, 4 февраля 1875 г., появились очередные запретительные меры: не позволялось печатать материалы закрытых судебных процессов.

После создания 9 февраля 1880 г. Верховной распорядительной комиссии во главе с графом М. Т. Лорис-Меликовым начались изменения в структурах государственного управления. Коснулись они, хотя и не сразу, цензурного ведомства. В. В. Григорьев написал, вряд ли добровольно, поскольку в нем, в том числе шла речь о нехватке денег, письмо с просьбой об отставке, ссылаясь на сложность исполнения возложенных на него обязанностей: «Надо быть сильно закаленным обстоятельствами жизни, чтобы вынести такую пытку в течение более пяти лет (никто из моих предшественников не выносил ее так долго)»², – жаловался он М. Т. Лорис-Меликову. «28 марта 1880 года последовал высочайший указ об увольнении Григорьева в отставку с назначением ему, в виде особого изъятия, пенсии по 3000 руб. в год сверх той, которую получал уже он раньше за ученую службу. Кроме того, государь император соизволил пожаловать Григорьеву за отличную усердную службу золотую табакерку с портретом Его Величества, украшенную бриллиантами»³.

Через наказания, вынесенные газетам и журналам в период пребывания В. В. Григорьева в должности начальника Главного управления по делам печати, можно определить степень воздействия цензуры на прессу. Однако надо иметь в виду, что неминуемые сравнения числа вынесенных наказаний в предшествующий и последующий периоды (до и после управления

¹ Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века: дисс. ... д-ра. ист. наук. СПб., 2014. Т. 1. С. 86.

² Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. С. 271.

³ Там же.

В. В. Григорьева) не вполне отражают степень зависимости печати от главного цензурного ведомства страны. Дело в том, что, например, в 1877–1878 гг. причины наказаний имели специфический, связанный с участием России в русско-турецкой войне, а в последующие годы вопросы военной цензуры утрачивали свое значение. Еще одно обстоятельство, требующее учета, период политического кризиса, который потребовал поиска новых решений в деле привлечения на сторону правительства периодической печати.

Однако, несмотря на все перечисленные обстоятельства, цифры говорят сами за себя. В 1875 г., когда В. В. Григорьев окончательно был утвержден в должности начальника Главного управления, последовало 9 предостережений в адрес изданий, 8 раз запрещалась их розничная торговля. В 1876 г. это соотношение изменяется – 15 предостережений и 13 запретов на торговлю изданиями в розницу. Далее наблюдается незавидная для печати стабильность: 1877 г. – 16 и 7; 1878 г. – 15 и 19; 1879 г. – 16 и 6. Более того, в этом году еще добавился запрет на размещение в изданиях частных объявлений. Зато в 1880 г. (В. В. Григорьев продолжал занимать свою должность только до 28 марта) последовало лишь 5 предостережений и 2 запрета на розничную торговлю.

ГЛАВА II. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЦЕНЗУРНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ НАЧАВШЕГОСЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В СТРАНЕ

2.1. Основные черты государственной цензурной политики 1879 года

На рубеже 1870-х – 1880-х гг. Россия оказалась в сложном экономическом и политическом положении. Финансовые трудности были вызваны неожиданно затянувшейся войной 1877–1878 гг. против Турции, усугубившейся кризисными явлениями в аграрном секторе, от которого полностью зависели возможности пополнения казны. Неурожаи, вялые попытки помещичьих хозяйств осуществить переход на современные для того времени методы сельскохозяйственного производства, наконец, мобилизация на войну более полумиллиона крестьян, представлявших собой наиболее трудоспособную часть российской деревни, создавали на тот момент, казалось бы, непреодолимые трудности.

Политическая жизнь страны также требовала активных государственных действий. Показателем очевидного правительственного кризиса, происходившего на фоне отстаивания привычных форм властвования, стал процесс Веры Засулич, явившийся практически последней попыткой при помощи гласного суда добиться общественного осуждения революционеров. Подсудимая совершила попытку убийства петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, факт покушения был полностью доказан и не отрицался самой обвиняемой, судебное слушание проводилось не в виде политического процесса, а в качестве обычного уголовного, с привлечением присяжных заседателей, и оправдательный приговор, вынесенный 31 марта 1878 г., явился очевидным доказательством невозможности открытого давления правительства на новый суд.

Политические процессы и вопросы, связанные с государственными

преступлениями из разряда событий исключительных, в условиях наметившегося кризиса перешли в явление если не обыденное, то, по крайней мере, не вызывающее ошеломление. Это отразилось и на попытках со стороны властей урегулирования отражения в печати этих новых примет времени в законодательном и административном порядке. Однако если в начале исключительные постановления происходили по каждому отдельному процессу на основании Высочайших повелений от имени царя, то затем, они приобрели уже вполне обыденный характер и исходили от Главного управления по делам печати по распоряжению министра внутренних дел, на основании статьи 140 цензурного Устава, которая дает основание лишь для временных мероприятий.

Таким образом, при выборе способов воздействия на печать, а, что гораздо важнее, на информирование населения об этих событиях чрезвычайного порядка правительство оказалось перед выбором: ввести в законодательном порядке в качестве статьи цензурного Устава требование ограничиваться средствами информации перепечаткой информации из официальных изданий или же вернуться к прежней практике Высочайших повелений. Надежды на свертывание революционного движения привели ко второму решению.

На фоне кризисных явлений 1870-х гг. цензурное положение, дополнившее Цензурный устав 1890 г. в виде статьи 140, созданной на основе закона от 16 июня 1873 г. применялось еще сравнительно редко. Статья была сформулирована следующим образом: «Если по соображениям высшего правительства найдено будет неудобным оглашение или обсуждение в печати, в течение некоторого времени, какого-либо вопроса государственной важности, то редакторы изъятых от предварительной цензуры повременных изданий поставляются о том в известность через Главное управление по делам печати, по распоряжению министра внутренних дел». С этой статьей была тесно связана еще одна, 156-я: «Министру внутренних дел предоставляется, в случае неисполнения редактором выходящего без предварительной цензуры повременного издания распоряжения о не оглашении или не обсуждении в

печати какого-либо вопроса государственной важности (ст. 140), приостановить выпуск в свет такого издания на срок не свыше трех месяцев»¹.

Статья применялась, действительно, только в исключительных случаях и по вопросам государственной важности. Эта практика резко поменяется позже, в 1882 г., о чем будет сказано в следующих параграфах. Важным было также то, что большая часть этих распоряжений своевременно отменялась, чего опять же не происходило в последующее время. Например, специальным распоряжением за № 1331 от 4 марта 1878 г. были отменены специальные распоряжения, сделанные во время русско-турецкой войны. Правда, как это следует из распоряжения от 14 марта 1878 г. за № 1466, остались неотмененными циркуляры о военных приготовлениях и боевой готовности, а также распоряжение от 18-го ноября 1878 г. за № 6088 о полной подписи имени автора под статьями и корреспонденциями из действующей армии².

С приближением 1881 г. содержание этих распоряжений заметно изменялось, становясь все настойчивее и демонстрируя тревожное состояние властей, а отменять их в основном вообще перестали.

Внутренний кризис усугублялся также сложностями решения назревших проблем на международной арене. Военные успехи российской армии в русско-турецкой войне вызвали недовольство ряда европейских держав, среди которых на первом месте находилась Англия. Берлинский конгресс, созванный для пересмотра Сан-Стефанского мира между Россией и Турцией, завершился подписанием 1 июля 1878 г. Берлинского трактата, сыгравшего определённую роль в деле стабилизации положения на Балканах, но не разрешившего противоречий в отношениях между европейскими государствами, предопределив возникновение многочисленных поводов для конфликтов и войн в будущем.

¹ Свод законов Российской империи. СПб., 1990. Т. XIV. Ч. 2-3.

² Докладная записка цензора С.-Петербургского Цензурного комитета ст. сов. Н. Соколова о циркулярных распоряжениях по Главному управлению по делам печати с 1-го сентября 1865 по 1 января 1900 года. СПб., 1900. С. 72.

Тема возможной войны с Англией, особенно в момент наибольшего обострения англо-русских отношений в марте-апреле 1878 г., обрела практически легальные формы в российской печати¹. Один из многочисленных примеров – статья из политической и литературной газеты-журнала «Гражданин», передававшая настроения и тревоги, господствовавшие в обществе: «Мир или война? Тысячу раз в день вы слышите этот вопрос. Спрашивает извозчик, спрашивает сановный вельможа. Ни тот, ни другой не получают ответа по той простой причине, что неоткуда взять этот ответ»². Публикация относится к началу мая 1878 г., но и после Берлинского конгресса печать была полна рассуждений о возможной войне, ее перспективах и последствиях как для обеих стран, так и для Европы в целом.

В советской исторической науке период с весны 1878 г. и до марта 1881 г. рассматривался в качестве «второй революционной ситуации»³, предполагавшей наличие классовых антагонизмов, на уровне «Верхи не могут, низы не хотят».

Отбросив идеологическую составляющую, почерпнутую из марксистско-ленинской классовой теории, следует признать, что страна, действительно, в этот период находилась в состоянии глубокого кризиса, вызванного объективно назревшими проблемами, требовавших своего разрешения. Применительно к теме исследования необходимо отметить наличие целого проблемного комплекса, сложившегося в отечественной прессе и в государственных органах, ее контролировавших, что позволяет выделить этот период в

¹ Блохин В. Ф., Косарев С. И. Российская периодическая печать о внешней политике Англии конца 1870-х гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 30 (26-31)

² Мир или война? // Гражданин. 1878. № 18. 6 мая.

³ Троцкий Н. А. Историография второй революционной ситуации в России. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. 93 с.; Хейфец М. И. Вторая революционная ситуация (конец 70-х – начало 80-х годов XIX века). Кризис правительственной политики. М., 1963; Смирнов В. Б. Русская журналистика на рубеже 70-х – 80-х годов (к 100-летию второй революционной ситуации) // Русская журналистика в литературном процессе второй половины XIX века. Сб. научных трудов. Пермь, 1980. С. 3-26 и др.

истории российской печати в самостоятельный¹. Особая сложность этой эпохи заключалась в нерасчленённости тех тенденций, которые станут отчетливо обозначенными несколько позже, с широким развитием партийной и около партийной печати. Проявлением их отчасти объясняется возникновение новых журналов демократической направленности, сразу же обративших на себя внимание цензурных органов: «Слово» (1878 г.), «Русская мысль» (1880 г.), «Русское богатство» (1880 г.), «Устой» (1881 г.).

Следующий, 1879 г., знаменовался усилением революционного движения и выделением из него организации «Народная Воля», избравшей путь террора. Одним из итогов произошедшего явилось смертельное ранение в феврале 1879 г. харьковского губернатора князя Д. М. Кропоткина, в марте произошло покушение на начальника III Отделения генерала А. Р. Дрентельна и киевского губернатора генерала М. И. Черткова, а 2 апреля А. К. Соловьёв совершил покушение на Александра II.

В воспоминаниях Н. С. Русанова говорится о его ощущениях, связанных с покушением на Александра II, совершенного 4 апреля 1866 г. Д. Каракозовым. Тогда общество было потрясено случившимся, в представлении обывателей произошло нечто необыкновенное, необъяснимое. Совершенно иные наблюдения он вынес из событий 1879 г. Даже если учесть, что народнические взгляды Н. С. Русанова заставляли его выдавать желаемое за действительное, приходится констатировать, что тринадцать лет спустя российское общество гораздо спокойнее смотрело на развивавшиеся на его глазах события, связанные с развязыванием революционного террора.

Представители революционных кружков спорили лишь о целесообразности царубийства, как приема политической борьбы, либералы «довольно условно» негодовали, но при этом «некоторые из них даже с горечью ссылались на речь, произнесённую после покушения царем, кажется, перед депутацией городской думы, как на доказательство того, что Александр II утерял

¹ Смирнов В. Б. Русская журналистика на рубеже 70-х – 80-х годов (к 100-летию второй революционной ситуации). С. 24.

теперь всякой политической чутьё, всякое желание считаться с лучшими чаяниями общества и говорил, как перепуганный обыватель: "заводите, господа, дворников, побольше дворников заводите, – ведь скоро от крамольников порядочному человеку нельзя будет выйти на улицу!"¹. Был перепуган происходившим и обычный обыватель, но его, как всегда, утешала мысль: «Мы люди маленькие, нас не тронут». Поэтому он испытывал, некоторую жуть перед неизвестной силой, так неожиданно заявившей о себе, но не проявлял на всякий случай резкого негодования. «Как бы мало ни значило у нас общественное мнение, оно может иногда способствовать наклонению весов на ту или иную сторону»², – констатировал журнал «Вестник Европы».

Беспокойство властей относительно взаимоотношений с периодической печатью в условиях развивающейся кризисной ситуации доказывается в том числе тем обстоятельством, что через два дня после покушения на Александра II вызвал к себе 20 редакторов петербургских газет и журналов на специальную встречу, что было явлением необычным для отношений Министерства внутренних дел с прессой. Точнее встречи были регулярными, но происходили они или один на один с представителем того или иного органа печати, или в присутствии начальника Главного управления.

Такие «объяснения с начальством» с определенного момента практиковались все чаще. В этом плане примечателен эпизод, воспроизведенный в воспоминаниях П. А. Гайдебурова. Он вспоминал о полученном газетой «Неделя» в январе 1879 г. третьем предостережении с приостановкой на три месяца. Редактор отправился к министру внутренних дел Л. С. Макову с тем, чтобы просить о сокращении срока наказания. Такая практика использовалась довольно широко, но не всегда приносила желаемый результат. Далее П. А. Гайдебуров сообщал буквально следующее: «Маков принял меня очень любезно, предложил зайти к нему для подробных переговоров в неофици-

¹ Русанов Н. С. На родине. 1859–1882 / Предисл.: Иван Теодорович. М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. С. 199. 351 с.

² Из общественной хроники // Вестник Европы. 1883. Т. 4. Кн. 8. С. 882.

альные часы приема и, вероятно, удовлетворил бы мою просьбу, если бы я воспользовался его приглашением (*курсив мой.* – В. Р.). Но я был так уверен в основательности своего ходатайства и так торопился получением скорейшего ответа, что считал излишним подробное личное объяснение и удовольствовался тем, что оставил Макову заготовленное прошение, чем, конечно, и испортил все дело»¹.

Дополнительных пояснений к этому тексту автор не оставил, но, очевидно, что неофициальная встреча с министром потребовала бы определенных уступок со стороны редактора, тем более, что в тот период власти вынашивали идею тайного использования правительственных субсидий для поддержки неофициальной печати, которая должна была активно выступать с поддержкой государственных интересов. Такими периодическими изданиями стали еженедельные «Отголоски» (1879–1881 гг.) и ежедневный «Берег» (1880 г.). О них еще будет рассказано позже. Трудно предположить о каких уступках могла идти речь применительно к редакции «Недели», но подобная практика существовала, и российские частные периодические издания в пылу полемики регулярно обвиняли друг друга в неофициальной поддержке со стороны правительства.

Применительно к рассматриваемому времени, это в полной мере относится к министру внутренних дел Л. С. Макову. После его вступления в должность, 4 апреля 1879 г., на квартиру нового министра были приглашены редакторы и издатели петербургских газет и журналов. Такая личная беседа министра с представителями печати, а всего их присутствовало около 30 человек, была явлением уникальным. Приглашенные были предупреждены о необходимости более строгого контроля за публикациями своих изданий, что должно было явиться ответом на встречные шаги правительства, стремившегося заручиться поддержкой общественности. Подробное описание участника этой встречи сохранилось в журнале «Вестник Европы».

¹ *Гайдебуров П. А.* Из прошлого «Недели». (Несколько личных воспоминаний) // Книжки «Недели». 1893. № 3. С. 16.

Примечательно, что накануне у одного из петербургских редакторов состоялось общее совещание почти всех тех лиц, которые на следующий день были приглашены к министру. Там речь шла о мерах к тому, чтобы «рассеять господствовавшее тогда предубеждение», что якобы печать виновна во всех явлениях, омрачавших общественную жизнь, «будто бы, если бы этой печати вовсе не было, то и общественная жизнь сама собой пришла бы в спокойное состояние»¹. После бурного обсуждения было принято решение направить к министру внутренних дел своих представителей с заявлением от имени всей столичной печати, но неожиданно последовало приглашение от самого министра.

Однако редакторам и издателям на встрече была отведена лишь роль слушателей. Приглашенные заняли места вокруг большого стола, во главе которого разместился министр; по правую руку от него – начальник Главного управления по делам печати В. В. Григорьев, а по левую – правитель канцелярии министра С. С. Перфильев. Л. С. Маков разразился речью о тогдашнем, по его мнению, состоянии печати и «о средствах к пресечению порождаемого ею зла».

«Господа, надо перестать кокетничать с печатью. Чем вы все собственно занимаетесь? – Все вы, хотя и в разной степени, то между строк, то намеками, подрываете правительство и стараетесь набросить тень на ту или другую сторону управления. Прочтите сами, что вы пишете: и то дурно, и другое дурно и всё дурно; нигде ничего хорошего!» Продолжая далее развивать свою мысль, Л. С. Маков определил главную задачу печати, как он ее понимал, а именно, печать должна быть, прежде всего «патриотической», – и кончил первую часть речи словами: «Печать должна быть такою, и я вам ручаюсь, что она – или будет такою, или ее вовсе не будет! С этой минуты, нет снисхождения никому и ничему»².

¹ Из общественной хроники // Вестник Европы. 1883. Т. 4. Кн. 8. С. 897.

² Там же. С. 899-900.

Далее произошел эпизод, который, на наш взгляд, полностью подтверждает высказанную мысль о вреде для развития печати предоставления министру внутренних дел широких полномочий. Л. С. Маков взял в руки последний номер газеты «Голос», и прочел небольшой из нее отрывок, затем неожиданно прервал чтение и обратился к начальнику Главного управления по делам печати со словами: «Не могу читать дальше!.. Объявите газете третье предостережение и закройте ее на шесть месяцев». Повернувшись к редакторам газет и журналов, он вслед за этим добавил: «Довольно, господа! Шутить с подобными вещами я больше не намерен: за всякое противодействие правительству в форме нападок на полицию, или как-нибудь иначе, будет применяться с этого дня неумолимая кара. Я не буду прибегать к предостережениям, а прямо стану приостанавливать каждое издание»¹.

Однако возникшая напряженная ситуация разрешилась неожиданным образом. Присутствовавший на собрании редактор «Голоса» объявил, что прочитанный министром отрывок не принадлежит газете, а является телеграммой, которая была предварительно пропущена специальной цензурой и напечатана во многих изданиях, включая «Правительственный вестник»². В итоге, прежде чем редакторы и издатели покинули помещение, третье предостережение «Голосу» «было также скоро снято, как и дано»³.

Такова была практика вынесения некоторых решений в отношении периодических изданий в 1879 г. В свое время, при обсуждении будущего цензурного закона 1865 г. в качестве аргументов в пользу предоставления особых полномочий министру внутренних дел был выдвинут следующий аргу-

¹ Из общественной хроники // Вестник Европы. 1883. Т. 4. Кн. 8. С. 900.

² Присутствовавший исполнявший обязанности редактора «Голоса» историк В. А. Бильбасов, пояснил, что поводом к недовольству министра Л. С. Макова послужила перепечатанная из французской печати телеграмма с выражением негодования западной прессы на «столь же мало оправданное, сколь и бесполезное» преступление Соловьева. Тут же выяснилось, что телеграмма была пропущена цензурой, и Маков отменил свое распоряжение. См.: Луночкин А. В. От сотрудничества к конфронтации: газета «Голос» и цензура (1863–1883) // Цензура в России: история и современность. Сб. научн. Трудов. СПб.: РНБ. Вып. 1. 2001. С. 85.

³ Из общественной хроники // Вестник Европы. 1883. Т. 4. Кн. 8. С. 900.

мент: «Важно, по крайней мере то, чтобы министр не мог прекратить издание прежде, чем Совет троекратно, по собственному рассуждению, а не по приказанию министра, осудит направление издания. Важно, во-вторых, то, что у министра отнимется нравственная возможность мироволить изданию после того, как перед публикой троекратно было изъяснено его серьезно-опасное направление. Одним словом, важно, чтобы судьба периодических изданий не зависела вполне и окончательно от случайных воззрений одного лица»¹.

В течение 1879 г. под наблюдением членов Совета Главного Управления по делам печати находилось 420 периодических изданий. Совет провел 46 заседаний, по которым было составлено 59 журналов, заключавших в себе 114 отдельных статей².

Требуется определить статус названного цензурного учреждения. Назначение Главного управления по делам печати конкретизировалось во Временных правилах о цензуре и печати от 6 апреля 1865 г. Учреждение состояло из начальника и Совета Главного управления. При Главном управлении состояли: 1) Канцелярия; 2) особые цензоры драматических сочинений, и 5) Чиновники особых поручений³.

Издание поступало на рассмотрение цензора, который, обнаружив нарушения цензурных правил, составлял об этом донесение, которое обсуждалось на заседании комитета, а затем передавалось в Совет Главного управления. Одновременно делалось распоряжение о приостановке выхода в свет издания, а затем и об аресте типографии. Действия цензоров контролировал «наблюдающий» член Совета Главного управления, он же систематически составлял доклады о направлении того или иного органа⁴.

¹ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859-1865 годов. СПб.: типография «Герольд», 1904. С. 332.

² Справка о деятельности Совета Главного управления по делам печати за 1879 г. Б. м., 1879. С. 1.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 40 (1865). Ч. 1. № 41990.

⁴ Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб.: Северная звезда, 2013. С. 160-161.

Необходимо сделать небольшое отступление, для характеристики особенностей цензорской службы, оставленной в воспоминаниях члена петербургского, а затем одесского комитетов Егорова. Он отмечал, что «ни творческой, ни прогрессивно-полезной работы, как во всякой иной службе, в ней нет места, так как все сводится к тому, чтобы не прозевать с запретом. Запретишь – хвала тебе свыше, но зато анафема от заинтересованной стороны, дозволишь некстати – хвала тебе от заинтересованной стороны и беда сверху! И так всё время приходится ерзать между двух стульев...»¹

Председателем Совета Главного управления являлся министр внутренних дел, а в его состав входили председатели петербургских цензурных комитетов и лица, которые по представлению министра внутренних дел назначались и увольнялись высочайшими указами Правительствующего сената².

При обнаружении нарушений член Совета обязан был письменно представить свое заключение на заседание Совета, который выносил решение и извещал о нем соответствующий цензурный комитет или цензора. Также этот цензурный орган наблюдал за действиями местных цензурных комитетов и отдельных цензоров, рассматривал жалобы на действия цензурных учреждений. В Совете рассматривались все административные или законодательные предложения по делам печати и цензуры, которые затем представлялись министру внутренних дел³.

Напомним, что при разработке закона, принятого 6 апреля 1865 г., некоторые члены редакционной комиссии возражали против предоставления министру внутренних дел права отменять решения Совета Главного управления по делам печати. П. А. Валуев это право сумел отстоять, и теперь его последователи им в полной мере продолжали пользоваться и спустя почти 15 лет.

¹ *Егоров Анатолий (Каспаров)*. Страницы из прожитого (1881–1906 гг.). Одесса, 1913. С. 89.

² Постановление о публичном распространении слова, письма и печати (Составлено согласно заключениям департамента законов). Б. м., б. г. С. 3.

³ *Патрушева Н. Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. С. 161.

Так, в заседании, проходившем 2 января 1879 г., Совет вынес решение объявить за статью в № 167 «Биржевой газеты» (1878 г.), освещавшей правительственные меры против эпидемии, и за материал о действующей системе управления печатью, «будто бы направленной к деморализации общества и литературы» (№ 1, за 1879 г.), первое предостережение «Биржевой газете» и «Телеграфу», в котором эти статьи были целиком перепечатаны. Однако министр внутренних дел поместил в журнале заседания следующую резолюцию: «В настоящее время не признаю удобным объявить предостережение, но прошу особенно строго наблюдать за "Биржевою газетой" и "Телеграфом"»¹.

В заседании, состоявшемся 9 января, члены Совета вынесли второе предостережение газете «Русская правда», за передовую статью в № 6, содержащую, по мнению цензоров, «косвенный протест против мер, принимаемых нашим Правительством в ограждение общества от вредного влияния социальной пропаганды» и за публикацию в разделе «Меж газет и журналов» в № 4 материала, в котором «ясно и настоятельно доказывается необходимость изменения нашего государственного строя»². Министр внутренних дел написал на журнале, что он редактору газеты «Русская правда» сделает внушение лично³.

В том же заседании члены Совета усмотрели насмешку в освещении «Петербургской газетой» 60-летнего юбилея санкт-петербургского губернатора Лутковского и предлагали запретить продажу издания в розницу. Однако министр внутренних дел посчитал, что для этого нет оснований.

Месяц спустя, 13 марта, Совет отметил нарушение со стороны «Русских ведомостей», которые пренебрегли высочайшем повелением о запрете публикаций без разрешения министра Императорского двора сведений и известий о великом князе Николае Константиновиче. Запрет был связан с тем, что сын младшего брата Александра II находился в опале и был выслан из

¹ Справка о деятельности Совета Главного управления по делам печати за 1879 г. С. 1.

² Там же.

³ Там же. С. 2.

Петербурга в Оренбург, а затем в более далекий Ташкент по решению семейного совета Романовых.

Формальным поводом послужило «похищение им у родной матери из дворцовой иконы крупного бриллианта и поднесение его своей пассии, надевшей его при посещении одного парадного бала»¹. Он был лишен всех военных и придворных чинов, орденов, даже права носить военную форму, с сохранением, однако, звания «великого князя», почему в обращении к нему его по-прежнему до конца жизни титуловали «ваше императорское высочество».

Резолюция министра внутренних дел гласила: «Нахожу необходимым просить московского генерал-губернатора вызвать редактора и сделать строгое внушение, с объявлением, что за вторичное нарушение Высочайшего повеления редактор подвергнется личной ответственности»².

В этой связи следует отметить, что 5 апреля 1879 г. последовал Высочайший указ «О временных генерал-губернаторах в городах Санкт-Петербурге, Харькове и Одессе, и о предоставлении как сим Генерал-Губернаторам, так и Генерал-Губернаторам в Москве, Киеве и Варшаве некоторых особых прав для охранения порядка и общественного спокойствия во вверенном им крае», который имел отношение к документу министра внутренних дел. Согласно указу, введение должности временных генерал-губернаторов не только предусматривало предание лиц гражданского ведомства военному суду с применением наказаний, установленных для военного времени, применение административной высылки к лицам, дальнейшее пребывание которых во вверенной местности представлялось вредным и возможность личного задержания по своему усмотрению всех лиц, независимо

¹ Массон М. «Ташкентский» великий князь. Из воспоминаний старого туркестанца // Звезда Востока. 1991. № 12. С. 115.

² Справка о деятельности Совета Главного управления по делам печати за 1879 г. С. 2.

от звания и состояния, но и приостановку или запрещение издания журналов и газет «вредной направленности»¹.

Одно из самых влиятельных изданий России, насчитывавшее около семнадцати тысяч подписчиков², газета «Голос» традиционно ориентировалась на деятелей либеральной бюрократии. В период Восточного кризиса 1875–1878 гг. она заняла сдержанную позицию, поддерживая осторожную линию Министерства иностранных дел и выступая против вмешательства России в балканские события³, чем вызвала волну возмущения в среде периодической печати, выступавшей за войну против Турции.

Министерство внутренних дел отдавало должное позиции «Голоса», отражавшей официальные интересы во внешней политике, и когда в середине октября 1876 г. над газетой нависла реальная угроза очередной приостановки, министр внутренних дел А. Е. Тимашев избрал, вопреки мнению Совета Главного управления по делам печати, более мягкое наказание. Ей была запрещена розничная продажа всего на шестнадцать дней.

«Правильная» позиция газеты импонировала и новому министру внутренних дел Л. С. Макову, который на упомянутом совещании с редакторами и издателями выступил с откровенным признанием в том, что статьи «Голоса» «не раз просматривались им самим и исправлялись к лучшему; он иногда доставлял газете верные материалы, спасал ее своевременно от опасностей, указывал ложность того или другого известия; но рядом с этим, прибавил он, там появлялись всегда и статьи дурного направления»⁴. Правда, прямо накануне состоявшейся беседы, 3 апреля, «Голос» всё же получил второе предостережение.

¹ О временных генерал-губернаторах в городах Санкт-Петербурге, Харькове и Одессе, и о предоставлении как сим Генерал-Губернаторам, так и Генерал-Губернаторам в Москве, Киеве и Варшаве некоторых особых прав для охранения порядка и общественного спокойствия во вверенном им крае» от 5 апреля 1879 года // ПСЗ. Собр. 2. Т. 54 (1879 – 18 февраля 1880). Ч. 1. № 59476.

² *Никитенко А. В.* Записки и дневник: В 3 т. М.: «Захаров», 2005. Т. 3. С. 527.

³ *Луночкин А. В.* Национальный вопрос в газете «Голос» (1863–1883) // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Философия. Вып. 2. 1977. С. 36.

⁴ Из общественной хроники // Вестник Европы. 1883. Т. 4. Кн. 8. С. 900.

Однако особое отношение министра к «Голосу» опять-таки проявилось в том же апреле 1879 г., когда газете грозило третье предостережение с последующей приостановкой. Совет высказался на своем заседании 28 апреля за эти меры на основании цензурных претензий к ее статьям (корреспонденция из Венева в № 101, фельетон в № 110 и хроника Петербургской биржи в № 115). Однако Л. С. Маков не признал нужным объявлять за эти статьи предостережение¹.

В заседании, проходившем 29 мая 1879 г., члены Совета Главного управления по делам печати отметили статью об отношении Финляндии к пребыванию в составе Российской империи в № 21 газеты «Отголоски» (той самой, на которую правительство делало ставку). Было подчеркнуто, что «вызывающий тон», «натянутасть фактов», приводимых для защиты выдвинутых в газете аргументов, могут привести к весьма нежелательной полемике.

Министр оставил на журнале этого заседания свою резолюцию: «Иметь в виду, а редактору газеты "Отголоски" мною даны будут надлежащие указания»². О другом исходе не могло быть и речи: редактором газеты был Е. П. Карнович, но фактически издание являлось личным органом П. А. Валуева, который создал его за счет казны. За три года существования газеты он поместил там более 200 статей³. К тому же Л. С. Маков в бытность П. А. Валуева министром внутренних дел был правителем его канцелярии и всегда разделял взгляды своего шефа⁴. После отказа нового министра финансов С. А. Грейга финансировать «Отголоски», издание продержалось еще полтора года.

Ноябрьское обсуждение проблем печати в Совете Главного управления было связано с изданной в Австрии книгой «Oesterreich seit der Katastrophe Hohenwart-Beust, von Walter Roggo». В этом году это было первое обсужде-

¹ Справка о деятельности Совета Главного управления по делам печати за 1879 г. С. 3.

² Там же.

³ Зельдич Ю. В. Петр Александрович Валуев и его время // Историческое повествование. М.: Аграф, 2006. С. 562.

⁴ Там же. С. 416.

ние неперiodического издания. Примечательным было то, что цензурное ведомство не могло самостоятельно вынести решение по этой книге, поскольку речь шла о «передаче образа» верховной власти. На странице 173 австрийского издания описывалось пребывание российского императора в Вене и рассказывалось о принятых там по этому случаю полицейских предосторожностях. Совет, признавая возможным оставить это место в книге, решил все же переадресовать окончательное рассмотрение вопроса министру внутренних дел, который в свою очередь «признал необходимым снести с Министром императорского Двора»¹.

Дело в том, что к середине XIX в., по мнению властей, назрела необходимость в учреждении в России специального органа, занимающегося цензурой любой информации, содержащей упоминания о персонах государя императора и членов императорской фамилии. Вынесение решений по публикациям такого рода власти не считали возможным поручать ведомству, осуществлявшему общую цензуру в государстве. Считалось, что столь важная идеологическая задача должна была решаться в рамках Министерства императорского двора².

Наконец, на последнем заседании, состоявшемся 26 декабря, было рассмотрено «вредное направление» журнала «Слово», проявившееся в общем характере статей, помещенных в декабрьском номере. Совет вынес решение об объявлении этому изданию третьего предостережения, предоставив министру внутренних дел решение о сроке приостановки.

В ответ последовала следующая резолюция министра: «Вследствие личного соглашения моего с Шефом Жандармов, признаю возможным не объявлять ныне третьего предостережения за декабрьскую книгу, но при этом еще раз покорнейше прошу иметь неослабленное наблюдение за этим

¹ Справка о деятельности Совета Главного управления по делам печати за 1879 г. С. 3.

² Григорьев С. И. Придворная цензура и образ Верховной власти (1831–1917) СПб.: Алетейя, 2007. С. 9.

журналом, направление коего надлежит вообще считать, как совершенно справедливо постановил Совет, весьма вредным»¹.

Всего в 1879 г. было объявлено 11 предостережений, с приостановлением газет «Неделя» на 3 месяца и «Русская правда» на 5 месяцев; запрещено печатание объявлений в газете «Молва» с 20 ноября по 18 декабря; запрещена розничная продажа «Современных известий» с 21 января по 28 мая, «Нового времени» с 13 сентября по 14 октября, «St-Petersburger Zeitung» с 21 февраля по 14 марта, «Петербургского листка» с 3 по 27 апреля, «С.-Петербургских ведомостей» с 13 по 27 сентября. Кроме того были сделаны «внушения» редакторам шести изданий, находившихся под действием предварительной цензуры: через курского губернатора был поставлен на вид (т. е. за ним было установлено дополнительное наблюдение) чиновник цензирующий «Курский листок», из-за пропуска им «неуместных в подцензурной печати статей». Относительно «Донских областных ведомостей» сообщено военному министру с предложением прекратить издание в этой газете неофициального отдела, в виду постоянных нарушений в нем цензурного устава².

Таков был далеко неполный итог деятельности Совета Главного управления по делам печати в 1879 г. Следует отметить, что в сравнении с первыми годами, последовавшими после введения в действие «временных правил» в виде закона от 6 апреля 1865 г., когда усилиями министра внутренних дел П. А. Валуева удалось поставить периодическую печать в удобные для правительства рамки, система предостережений кардинально изменила свое внутреннее содержание. «За сорок последующих лет, когда в России продолжали существовать эти "временные правила", обраставшие законодательными и административными дополнениями, положение отечественной печати, которая испытывала подьёмы и разочарования, постоянно изменялось в

¹ Справка о деятельности Совета Главного управления по делам печати за 1879 г. С. 3-4.

² Там же. С. 6-7.

диапазоне от полной зависимости до состояния, когда средства информации могли диктовать свою волю правительству»¹.

Одной из важнейших причин неэффективности законодательства 1865 г. для периода конца 1870-х гг. являлось то, что оно было направлено против «толстых» журналов. Анализ отчета Совета Главного управления по делам печати и вынесенных периодическим изданиям взысканий показывает, что основные цензурные проблемы были связаны с содержанием газетных публикаций. В новых условиях заметно усилилась роль вмешательства министра внутренних дел в выносимые определения Совета. На примере 1879 г. можно выделить и основную мотивацию: от личных пристрастий и привязанностей до интересов государственных структур, боровшихся с ростом революционных настроений в стране.

¹ *Блохин В. Ф.* Из истории цензурного реформаторства: государство и легальная печать России в политическом контексте (1865–1905 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 6. С. 36.

2.2. История газеты «Русская правда» (1878–1880 г.) как специфическое отражение цензурной политики в отношении независимой печати

Как уже отмечалось, применительно к 1879–1880 гг. особый интерес, представляет газета с примечательным названием «Русская правда», которая практически начала свое существование в период наметившегося политического кризиса и в ходе его прекратила свое существование. Печаталась она в Петербурге с октября 1878 г. по 16 марта 1880 г. и успела получить за этот короткий срок семь предостережений. Дважды газета подвергалась после них приостановкам на четыре и пять месяцев.

Редактором этого издания на всем протяжении его существования был литератор Дмитрий Константинович Гирс. В своей газете он печатал фельетоны под псевдонимом «Добро-Глаголь». Его роман «Старая и молодая Россия», напечатанный еще до выхода газеты в свет, произвел, по словам одного из народнических публицистов, активно сотрудничавшего в легальной периодике, Н. С. Русанова, «огромную сенсацию», правда, «блестящих надежд, возлагавшихся на автора этой радикальной вещи, Гирс не оправдал, но продолжал оставаться очень передовым писателем и в своем органе <...> и сам, и при помощи своих сотрудников, проводил очень крайние по тому времени идеи»¹. Популярность этих идей у определенного круга молодежи обеспечивала газете подписку.

По словам Н. С. Русанова, особой популярностью в «Русской правде» пользовался обзор печати, который принадлежал перу Горшкова (псевдоним), печатавшемуся в «Отечественных записках» под другим псевдонимом «Н. Морозов». На самом деле под этими вымышленными именами скрывался Михаил Алексеевич Протопопов – литературный критик, также близкий народническому направлению.

¹ Русанов Н. С. На родине. 1859–1882 / Предисл.: Иван Теодорович. М. : Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. С. 172.

Значительный интерес у читателей вызвала полемика Горшкова с редакцией «Нового времени», обвиняемой публицистом «Русской правды» в национализме. Не только идейная близость, но и конкретное участие сотрудников «Отечественных записок», противопоставление своей позиции «суворинским нововременским соколам» не могли ни вызвать особого подхода к «Русской правде» главного цензурного ведомства страны. Получалось так, что в лице этой газеты читатель имел некое подобие газетного варианта «Отечественных записок».

Российское цензурное законодательство предполагало, что издаваемая газета от первого до последнего столбца представляет собой выражение личных целей, мыслей и убеждений редактора. Раз ему предоставлено широкое право выбора статей, подлежащих напечатанию, то его следует считать ответственным лицом за все, что было размещено на страницах издания. Каждый корреспондент являлся просто агентом редактора, вполне с ним солидарным.

Достоверность каждого известия также лежала на его совести. Цензурный комитет не интересовало, какими средствами располагал редактор для проверки верности сообщаемых им сведений. Таким образом, факт публикации в газете статьи якобы противозаконного содержания представлял преступление не только ее автора, но и самого редактора, который обязан был не допускать ее напечатания¹.

Настойчивость редактора «Русской правды» в проведении генеральной линии своего издания вызвала своеобразное удивление Александра II, которому министр внутренних дел докладывал о выдаваемых Главным управлением по делам печати предостережениях. Обычно император удостоивал полученный доклад короткой резолюцией: «Дельно» или «Совершенно дель-

¹ Судебный вестник. 1867. № 141.

но». В случае же с «Русской правдой» помимо традиционного «Дельно», последовал полный удивления вопрос: «Кто этот Гирс?»¹.

Д. К. Гирс во время русско-турецкой войны был военным корреспондентом сначала от газеты «Голос», а затем от «С.-Петербургских ведомостей». С октября 1878 г. он стал выпускать свою собственную газету, которая уже 8 октября получила первое предостережение. Следует отметить, что, несмотря на такую бурную историю и радикальность содержания, газета «Русская правда», на фоне активного внимания советских исследователей к средствам печати демократического и народнического толка была обойдена вниманием и не удостоилась специальных исследований.

Статья, вызвавшая предостережение, представляла собой открытое письмо, написанное самим Д. К. Гирсом. Послание было адресовано А. Р. Дрентельну, незадолго до этого назначенному шефом жандармов и начальником III Отделения вместо Н. В. Мезенцева, убитого террористом-народником С. М. Кравчинским.

В Зимнем дворце 8 августа 1878 г. под председательством Александра II прошло заседание Совета министров, на котором обсуждались чрезвычайные меры для подавления революционного движения. После него император отбыл в Крым через Одессу, куда был вызван произведенный 16 апреля 1878 г. «за отличие по службе» в генералы от инфантерии Александр Романович Дрентельн. После состоявшейся 15 сентября 1878 г. встречи произошло назначение генерала шефом жандармов.

В своем обращении к вступающему в должность новому начальнику жандармов редактор «Русской правды» высказывал серьезную озабоченность по поводу ситуации, сложившейся в России: «В последнее время тяжело живется, тяжело дышится русскому интеллигентному человеку. Это нужно признать вслух. И вы слышали это, знаете. Прискорбные события последних месяцев наводят на серьезные раздумья всех. Над этим глубоко приходится за-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 26.

думываться не одному правительству, но всякому мыслящему другу России, всякому верящему в ее будущее»¹.

Далее редактор газеты попытался представить происходившее в России не как закономерный итог развития страны, требовавший, по мнению властей, жестких мер противодействия, а в качестве исключительных, навеянных европейской цивилизацией явлений. «Каннибальские же приемы тыкания кинжалами и американскую манеру стрельяния друг в друга при малейшем недоразумении или несходстве во мнении – мы считаем дикими и плохо оправдываемыми приемами. За властью все вполне признают право привлекать к суду и добиваться, чтобы закон – пока он написан и существует – был исполняем... Но мы вместе с обществом взываем к милосердию, к снисхождению и человеческому пониманию причин этих прискорбных, ныне повсеместных в Европе, явлений»².

Завершая свое обращение, Д. К. Гирс призывал нового шефа жандармов быть осторожным в применении карательных мер, различая тех, кто оказался случайно причастным к революционной деятельности. Следует отметить, что 13 марта 1879 г. покушение было совершено уже на самого А. Р. Дрентельна: «Пусть понесут наказание, если это нужно, виновные; но пусть не переносится обвинение, со всеми его тяжелыми последствиями тюремных заключений, странствований по этапам, пребывания годами в мертвящих захолустьях – на тех, кто виновен лишь в слабохарактерности и увлечении, – взывал Д. К. Гирс. – Да торжествует тут строгая законность, которая всегда различает важное преступление от маловажного, зрелого от юного, умного от действовавшего под влиянием других»³.

В официальном сообщении от министра внутренних дел не были даны объяснения о причинах первого предостережения. Подобная практика широко использовалась Главным управлением по делам печати уже с первых лет

¹ *Гирс Дмитрий*. Воскресные сказки. Открытое письмо к генерал-адъютанту А. Р. Дрентельну // Русская правда. 1878. № 8. 8 октября.

² Там же.

³ Там же.

введения предостережений как вида наказания. Исключением были первые объявления о «вредном направлении», опубликованные сразу после 1 сентября 1865 г., когда закон только вступил в силу. Тогда указывались даже отдельные строки статьи, вызвавшие недовольство цензоров. Вероятно, с одной стороны действовала прежняя привычка вычеркивания, оставшаяся от предварительной цензуры, а с другой – предостережений удаивались журналы, в объемных статьях которых трудно было определить «нецензурные места».

С наступлением нового, 1879 г., «Русская правда» получила 21 января 1879 г. второе предостережение. Чиновники Главного управления по делам печати предполагали его выдать еще раньше, за материал в разделе под названием «Меж газет и журналов» в № 4 за 1879 г. и за передовую статью в № 6¹. Однако министр внутренних дел не захотел поддержать это решение, предполагая личным внушением редактору изменить политику газеты. Однако уже спустя шесть дней он согласился на выдачу «Русской правде» второго предостережения.

Официальным поводом послужила передовая статья в № 14 от 15 января. Министр внутренних дел в качестве обоснования наказания отмечал заявления газеты о необходимости для России внутренних реформ. При этом на первом месте стояла, по мнению «Русской правды», реформа финансовая. Газета также настаивала на необходимости «расширения прав и круга деятельности земских учреждений и собственного расширения прав печатного и устного публичного слова»².

На самом деле вопрос в статье ставился гораздо шире: «...без усиления и развитие производительных народных сил, простое сокращение расходов – мера паллиативная, временная, не исчерпывающая вопроса. Усилить, развить производительные народные силы – вот задача, к которой неизбежно, в конце

¹ Справка о деятельности Совета Главного управления по делам печати за 1879 г. С. 1.

² РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 6-6 об.

концов, придет "высшая" комиссия, когда внимательно вникнет в суть своей задачи. Без общей работы дальше идти нельзя»¹.

Был в этой статье и еще один материал, который вызвал неудовольствие цензурного комитета, но о котором министр внутренних дел не посчитал необходимым сообщать царю. Речь шла о «газетных шовинистах», как они были обозначены «Русской правдой», т. е. о тех периодических изданиях, которые «пытались вовлечь Россию в новую войну». Автор статьи отмечал, что как только они заметили, что общество начинает уставать от напряжения, связанного с военными событиями, а это было чревато для таких изданий потерей читателей, газеты этого толка начали искусственно разжигать националистические настроения.

«Вы говорите, – закричали они своим противникам, – что не о новой войне следует думать, а о внутренних русских делах! Нет, и не может быть у России никаких внутренних своих забот, пока мы не взяли Константинополь!»² – цитировала «Русская правда» одну из таких газет, не сообщая ее названия. Главному управлению по делам печати такие резкие выпады против «газетных шовинистов» не понравились, было также отмечено содержащееся в издании утверждение, что «шовинизм – это в настоящую минуту зло первой для России важности».

С момента получения второго предостережения «Русская правда» стала проявлять определенную осторожность. Однако опытные чиновники с особым вниманием следили за изданием и уже в феврале 1879 г. газета получила третье предостережение и была приостановлена на четыре месяца.

Доклад начальника Главного управления по делам печати Александру II удостоился подписи «Совершенно дельно». В нем говорилось о том, что после второго предостережения редакция прекратила проведение «вредных» тенденций в передовых статьях, а перенесла свои мысли «о несостоятельности будто бы нашего государственного строя» в отдел «Меж газет и журналов»,

¹ Русская правда. 1879. № 14, 15 января.

² Там же.

где стала их выражать при каждом удобном случае в форме недомолвок и намеков. В вину газете также ставилось заявление о том, что «если русское правительство, утверждая свободу в Болгарии, лучшим обеспечением ее нашло конституционные гарантии, то нет никакого основания думать, что русское общество, всегда идущее рука об руку со своим правительством, думает иначе о значении благодетельного конституционного режима»¹.

«Русская правда» в своих разделах «Меж газет и журналов» цитировала выдержки из отечественных изданий, сопровождая их собственными комментариями. Затрагиваемые темы носили исключительно политический характер. Так, в № 31 анализировалась статья в газете «Голос», которая рассматривала Константинопольский мирный договор, подписанный после русско-турецкой войны 27 января 1879 г. и отмечала «ряд новых уступок со стороны России, доказавшей свое великодушие в отношении побежденного врага.

«Русская правда» обвиняла «Голос» в непоследовательности, поскольку в том же номере газеты, в статье, помещенной рядом с цитированной заметкой», утверждалось, что причины политической изоляции, в которой оказалась Россия, заключались не в великодушии, а в ее «излишней доверчивости»². Здесь же шла речь «о закреплении государственной и народной связи освобожденными нами болгарами». «Русская Правда» предпочитала рассматривать такое единение «только с точки зрения общности интересов которые являются результатом одинаковости идей, идеалов, учреждений и т. п.»³ Справедливость этого утверждения подтвердилась очень скоро, когда Болгария в годы Первой мировой войны оказалась на стороне противников России.

В полемике с «С.-Петербургскими ведомостями» автор публикации в «Русской правде» заявлял: «Именем народа злоупотребляют все, на его желания опирается каждый, и эта печальная комедия, в которой с равным правом фигурирует и друзья, и враги народа, прекратится только тогда, когда

¹ РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 13.

² Меж газет и журналов // Русская правда. 1879. № 31. 1 февраля.

³ Там же.

наша жизнь даст место для тех или других органов, которые бы могли служить непосредственными выразителями "народного сознания"¹.

В № 37, полемизируя с тем же «Голосом» публицист «Русской правды» заявлял: «Государственное "могущество" находится в зависимости не от численности войск, не от обширности территории, а от той связи между народом и государством, которая возможна лишь при солидарности их взаимных интересов»².

В заметке об открытии в Тырнове болгарского Народного собрания, вполне проявилось то, о чем писал министр внутренних дел Александру II, разбирая редакционную политику «Русской правды»: говорить о «несостоятельности будто бы нашего государственного строя при каждом удобном случае», в форме недомолвок и намеков.

В данном случае было сказано следующее: «В принципиальном смысле, мы ничего не имеем сказать против этого восторга почтенной газеты (*«Новое время»*, – **В. Р.**) и готовы даже вместе с ней воскликнуть: Да здравствует свободная Болгария и да не обманет ее то светлое будущее, которое открывает ей сегодняшней день. Но во всяком деле есть свое "но" – как ни естественна, ни бескорыстна эта радость за Болгарию, нельзя не признать о наличии того скорбного, грустного и горького чувства, которое, в значительной мере, неизбежно сопутствует ей в сердце каждого порядочного русского человека»³.

Наконец, по словам министра, в № 43 совершенно явно проявилась критика российского государственного строя в заявлении, «что если русское правительство, утверждая свободу в Болгарии, лучшим обеспечением ее нашло конституционные гарантии, то нет никакого основания думать, что рус-

¹ Меж газет и журналов // Русская правда. 1879. № 31. 1 февраля.

² Там же. № 37. 7 февраля.

³ Там же. № 41. 11 февраля.

ское общество, всегда идущее рука об руку со своим правительством, думает иначе о значении благодетельного конституционного режима»¹.

Вернувшись к читателям спустя четыре месяца, в первом номере от 15 июня издатель сообщил, что практически все подписчики приняли предложенную компенсацию за неполученные номера газеты, а уже в августе «Русская правда» вновь была обвинена в «предосудительном направлении».

Именно тогда Александр II задался вопросом «Кто этот Гирс?» Министр внутренних дел констатировал, что издание упорно проводит мысль «о несовершенстве нашего государственного строя и о необходимости его изменения»².

Вплоть до 3 августа «Русская правда» высказывалась о различных актуальных проблемах с очевидной осторожностью. Однако в № 93 редакция, полемизируя со статьей профессора А. Д. Градовского, напечатанной в газете «Голос», «забыла о своей осторожности» и бросилась в рассуждения о том, что учение для молодежи, за которое ратовал автор статьи, далеко не всё, что в данный момент желательно. Более того, редакция задавалась вопросом: «Возможна ли теперь наука, свободная в своих суждениях по тем вопросам, которые в настоящее время имеют наиболее существенное значение и интерес?» Ее ответ на собственный вопрос и вызвал неудовольствие цензуры: «Наука, и интеллигенция ведут к прогрессу лишь при известных условиях, о которых у скованной, зависимой печати не может дать искреннего мнения»³. Главное управление по делам печати посчитало проведение подобных «агитаторских идей совершенно непозволительным», и объявило газете «Русская правда» первое после приостановки предостережение.

Следующие наказания также не заставили себя ждать. Уже 13 сентября 1879 г. за фельетон в № 125 под названием «Русская журналистика» газета удостоилась второго предостережения. Статья «Русской правды» являлась

¹ РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 12-12 об.

² Там же. Л. 26 об.

³ Там же. Л. 27.

ответом на публикацию профессора Градовского в сентябрьском номере «Русской речи» под названием «Прошедшее и настоящее». Полемизируя с автором, который выступал против всеобщего недовольства и разочарования, объясняя его недоверием к народным силам, приглашал общество мужественно отнестись к будущему, уверовать в себя и в свою страну, публицист «Русской правды», по словам министра внутренних дел, «глумясь над этим предложением, оправдывает общественное недовольство»¹.

Его слова звучали так: «Если желчь кипит в нас, если мы недовольны и озлоблены, то именно потому, что верим в свою страну, в ее будущее, даже если хотите, в себя, свои силы, видим, что путь широкий давно уже лежит перед нами, да только нельзя нам по нему ни летать, ни ходить»². Для большей убедительности Л. С. Маков в отчете царю приводил довольно большие куски из статьи: «Мы недовольны и озлоблены тем, продолжает он, что будущее, в которое мы верим, которым живем и дышим, постоянно, как мираж, уходит от нас, когда оно так близко, так возможно! В нашем современном обществе, то и характеристично, что крестьяне освобождены, суды преобразованы, местное самоуправление основано, печать находится в лучшем положении, а между тем мы слишком мало испытываем чувство достоинства и это недаром»³.

Возвращаясь к идее о необходимости решительных внутренних политических изменений в стране, которая рефреном звучала во все время существования издания, автор фельетона утверждал: «Ни в Вене, ни в Париже и ни в Лондоне, а только внутри России завоюем мы снова принадлежащее нам место в сонме европейских держав, ибо внешняя сила и политическое значение государства зависят не от родственных связей с царствующими дина-

¹ РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 28.

² Русская журналистика // Русская правда. 1879. № 125. 7 сентября.

³ РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 28 об.

ствиями, ни от ловкости дипломатов... и пр., а от цельности и крепости общественного организма»¹.

Сравнивая свое поколение с теми, кто после поражения в Крымской войне были полны надежд на перемены, «жили "накануне" и ждали светлого очаровательного дня», автор статьи приходит к выводу, что «наше время отличается совершенно другими свойствами, и "накануне" наших предшественников получило совершенно иное значение. «Они думали, что живут накануне светлого дня, мы же знаем, что они жили накануне обманутых надежд...»².

Подводя итог своим рассуждениям, публицист «Русской правды», а вслед за ним и министр внутренних дел дают ответ на поставленные в статье вопросы: «Дело в том, что мы действительно надели шитый золотом мундир европейской свободы и европейского просвещения, но надели его на крепостнический длиннополый архалук. Углы, концы и полы архалука видны, бросаются в глаза, как бы мы не повернулись. И нам с торжеством указывают на них... Сознавайте это, терпите невыносимый гнет мертвящих условий жизни и утешайтесь эфемерным представлением, что мы свободны, самоуправляемся, говорим и пишем, что хотим... Нет, профессор, "Кто живет без печали и гнева в наше время, тот не любит Отчизны своей"»³. И, наконец: «Мы верим в будущее, верим в наш народ в наше общество, настоящее возбуждает в нас желчь, недовольство и озлобление. Пусть же останется за нами это святое право всех мыслящих людей на Руси: честно любить и ненавидеть»⁴. Л. С. Маков к этим словам присовокупил: «Признавая подобные мысли совершенно неуместными, я, согласно заключению Совета Главного управления по делам печати, вынес решение о втором предостережении газете "Русская правда"»⁵.

¹ Русская журналистика // Русская правда. 1879. № 125. 7 сентября.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 29 об.

Всего спустя неполных две недели, 26 сентября 1879 г. газета получила третье предостережение и была приостановлена на пять месяцев. На этот раз поводом послужили фельетоны в № 131, 132 и 139 и передовая статья в № 136. Доклад министра внутренних дел поступил 10 октября в Ливадию, где находился Александр II.

В № 131 был помещен фельетон «Русская журналистика», в котором анализировались произведения беллетристики из трех «толстых» журналов: «Дело», «Слово» и «Вестник Европы». Уже сама подборка изданий не могла ни вызвать настороженного внимания цензоров. Однако автор статьи в «Русской правде» весьма критично отнесся к произведениям, напечатанным в этих журналах и отмечал, что «с разной степенью таланта и совсем без таланта» все авторы говорили об одном и том же: «все описывают душную атмосферу семейного гнета бессмысленной и тупой жизни <...> искалечивающей всю нравственную личность человека»¹. Если такая семья – основа, то расшатывать ее больше уже невозможно, ибо она уже в конец расшатана. Автор фельетона приходит к следующему выводу: «Идея семьи не должна стоять выше идеи человека. Если семья оскорбляет человеческое достоинство, если она не способствует, а препятствует развитию умственных и нравственных качеств человека, то к чему же она? Яснейшим следствием этого будет и должно быть отрицание – не идеи, не идеала, а существующего порядка дел»².

Министр внутренних дел в своем докладе резюмировал точку зрения Совета Главного управления по делам печати, обвиняя автора в том, что тот «обобщая частные недостатки нашей семейной жизни, возводит их в непререкаемое свойство каждой семьи и на этом основании приходит к отрицанию семейного начала»³.

Фельетон «*Errur si tuove!*» («И всё-таки она вертится!») в № 132 вызвал особое возмущение цензурных чиновников, поскольку в нем, по их мне-

¹ А. Вв-ский. Русская журналистика // Русская правда. 1879. № 131. 14 сентября.

² Там же.

³ РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 30.

нию, было «выражено крайне резкое глумление над охранителями основ существующего государственного и общественного строя, против "злостных новаторов", причем утверждается, что время возьмет свое, что никакие меры и преследования не могут оградить неподвижность современных порядков и остановить поступательное движение политической и социальной жизни»¹.

Публицист «Русской правды» в своей статье с примечательным названием «И всё-таки она вертится!», действительно пытался убедить читателей в том, что «не смотря на все усилия охранителей отстаивать неподвижность защищаемых ими основ, основы эти двигаются медленно и постепенно, но, тем не менее, безостановочно»². Используя факты из давнего, когда прозвучала ставшая крылатой фраза «*Errur si muove!*!», и недавнего прошлого, когда сама мысль об освобождении крестьян признавалась в России «преступной утопией, подрывающей основы всего нашего общественного порядка», он доказывал, что, несмотря на все усилия тогдашних консерваторов, которые старались, всеми «зависевшими от них административными и иными мерами, оградить неподвижность современных им порядков»³. «И все-таки она вертится!»

Цензурное ведомство, конечно, озаботили в первую очередь не очевидные исторические аналогии, а те выводы, которые были сделаны на их основе. Звучали они смело даже для «Русской правды»: «Суть дела заключается теперь в ограждении других основ – тех основ, на которых зиждутся нынешние политические и социальные порядки. Как тогда, так и теперь охранители порядка считают своим долгом бороться всеми зависящими от них мерами за общепринятые традиции. Новаторов, которые позволяют себе усомниться в

¹ РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 30-30 об.

² В. Р. *Errur si muove!* // Русская правда. 1879. № 132. 15 сентября.

³ Там же.

непогрешимости этих традиций, признают в наше время преступниками, для которых нельзя придумать достаточно тяжелой кары»¹.

В передовой статье в № 136 «Русской правды» речь шла о новом положении Комитета министров от 19 августа 1879 «О предоставлении губернаторам особых прав при замещении постоянных должностей по земским и городским учреждениям», расширявшем полномочия губернаторов. На земские и городские учреждения при замещении ими постоянных должностей, не подчиненных непосредственно губернатору или министру внутренних дел, распространялось положение, согласно которому «по требованию губернатора были немедленно освобождаемы от должностей лица, которые будут признаны неблагонадежными»².

Автор статьи обвинял газетных собратьев в том, что они высказались нерешительно относительно принятия нового положения, утешая себя и общество тем, что это лишь "временная" мера. Журналист «Русской правды» обвинял другие издания в том, что они забыли, например, то обстоятельство, что само "Положение о печати" является "временным" уже многие годы. Газета напоминала, что на основании указа 22 июля 1866 г. о расширении губернаторской власти, каждому начальнику губернии уже было предоставлено право отказывать в назначении чиновников по всем ведомствам, если "он признает их неблагонадежными"³.

По словам министра внутренних дел, «газета признает этот закон актом серьезного недоверия власти к представительным силам народа и выражает опасение за дальнейшее существование нашего самоуправления»⁴. Действительно, автор передовой статьи подчеркивал неопределенность «понятия о том, что следует считать "благонадежным", "благонамеренным" и что, на-

¹ В. Р. *Еppur si muove!* // Русская правда. 1879. № 132. 15 сентября.

² ПСЗ. Собр. 2. Т. 54 (1879 – 18 февраля 1880). Ч. 2. № 59947.

³ Русская правда. 1879. № 136. 19 сентября.

⁴ РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 30 об.

оборот, вредным и неблагонадежным»¹. «Есть за что пугаться в судьбе нашего юного самоуправления!»² – восклицал автор.

Последний фельетон, вызвавший неудовольствие цензурного ведомства был опубликован в № 139 газеты. Пересказывая претензии высказанные Главным управлением по делам печати, министр внутренних дел подчеркнул, что в фельетоне «положение нашего общества представлено в самом безотрадном виде, автор утверждает, что у нас всё молчит, что общество <...> задыхается от испарений загнившего болота, в которое его тащат»³.

Еще одна мысль, отмеченная в докладе министра, в самой газете выглядела так: «Последнее время были представлены литературой высокие образцы благонамеренности: литераторы, "мечтавшие о чудных ночах царградских", слышали вой и лай на земские учреждения и новые суды, читали о доблестях московских мясников и нравственном падении петербургской интеллигенции вообще и учащейся молодёжи в особенности, – всё это мы пережили и перечувствовали. И оказывается, несомненно, верной мысль, высказанная нами в одном из предыдущих фельетонов, что у нас не вообще нет людей, а только не пускают их туда, где им следовало бы быть, что есть у нас и силы, и разумение, да только нет приложения уже готовых, уже имеющихся в обществе сил и разумения...»⁴. Именно за мысль о том, «что этих людей не пускают будто бы туда, где бы следовало им быть», газета «Русская правда», по словам министра, получила предыдущее взыскание. Так завершился 1879 г. для газеты, получившей приостановку на пять месяцев.

В 1880 г. «Русская правда» свое первое предостережение получила только 14 марта, но не из-за того, что резко изменила свое политическое лицо, а просто потому, что после приостановки начала выходить только с 1 марта. В редакционной статье первого номера Д. К. Гирс среди важнейших событий последних пяти месяцев вынужденного молчания назвал покушения

¹ Русская правда. 1879. № 136. 19 сентября.

² Там же.

³ РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 30 об.-31.

⁴ Русская правда. 1879. № 139. 22 сентября.

на Александра II 19 ноября 1879 г. и 5 февраля 1880 г. и решил высказаться по этому поводу.

Он вспоминал статью 1878 г., за которую газета получила первое в своей истории предостережение. Это было открытое письмо шефу жандармов А. Р. Дрентельну, в котором редакция высказалась с осуждением подобного рода действий, тем более, когда они направлены на «личность, которая, по общепринятому народному убеждению, должна стоять во всяком государстве выше страстей и борьбы общественных партий и считаться неприкосновенной». Далее издатель отмечал, что «Русская правда» всегда «более всего дорожила независимостью наших мнений», что ничто не побуждало его в данную минуту высказывать эту «маленькую политическую исповедь. Но будучи независимы, мы считали долгом своей чести не обходить таких явлений молчанием и высказать свое осуждение открыто»¹.

Через две недели «Русская правда» получила очередное предостережение за помещенный 8 марта 1880 г. воскресный фельетон, после чего в последнем номере от 16 марта последовало следующее заявление издателя Д. К. Гирса: «Полученное нами сегодня предостережение окончательно убедило нас, что мы, при всей осторожности, не в силах избавить наше издание от цензурных взысканий. При таком убеждении мы не можем уже продолжать наше дело и вынужденно, – с глубокою болью в сердце, – приостанавливаем "Русскую правду" до более благоприятного времени»². Благоприятное время для газеты в этот период так и не наступило. Сам Д. К. Гирс в 1886 году в возрасте 50-ти лет умер в неизвестности.

Еще в начале своего возникновения, полемизируя с другими органами печати, «Русская правда» рассуждала о назначении прессы: «Дробление литературы на "направления", "кружки" не только не вредит, но прямо способствует интенсивности влияния ее на общество. Следуя известному направлению, журнал или газета исчерпывают его до дна, высказывают свою идею до

¹ Русская правда. 1880. № 1. 1 марта.

² Там же. № 16. 16 марта.

конца, до малейших оттенков – при условии, разумеется, полной возможности высказаться таким образом»¹. Этому принципа газета придерживалась весь период своего существования, «исчерпывая до дна» идею необходимости решительных перемен. Именно это внутреннее направление издания, в котором Главное управление по делам печати видело желание изменения государственного строя, вызывало активное цензурное противодействие².

¹ Русская правда. 1879. № 18, 19 января.

² РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 6 об.

2.3. Особенности цензурных предостережений, объявленных периодической печати в 1879 г.

Кризисные процессы конца 1870-х гг. происходили в России на фоне значительной активизации периодической печати. В условиях растерянности, которую проявляла власть, роль исследователя состояния страны и мер экономической, социальной и политической стабильности взяла на себя пресса¹. Еще сохранялись преграды, которые препятствовали превращению ее в трибуну общественной гласности, но она уже проникала в сферы, которые прежде были для нее недоступны. Как следствие, произошли изменения в отношениях между периодической печатью и контролировавшими ее государственными структурами. Министр внутренних дел А. Е. Тимашев еще 5 апреля 1878 г. докладывал Александру II, что все петербургские газеты стали вести себя вызывающе и обычные меры воздействия на печать не действуют².

Периодическая печать активно изменяла свое положение в обществе, расширяя ту роль, которую она приобрела в качестве единственного способа проявления общественной мысли и одновременно, в условиях политического кризиса, осторожнее стала касаться вопросов, волновавших общественное мнение, поскольку по-прежнему полностью зависела от усмотрения цензурных органов. Последние щедро наделяли ее предостережениями и запрещениями, выдаваемыми именно в то время, когда помощь печати, казалось, должна была быть особенно ценной: «Государство может быть приведено в смятение вследствие того, что говорят журналы; но оно может погибнуть вследствие того, что они молчат»³.

Очевидность этой ситуации для читателей газет и журналов выработывала особое отношение к публикуемым на страницах изданий материалам.

¹ Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М.: ОЛМА-ПРЕСС: Экслибрис, 2006. С. 324.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Оп. 6. Ед. хр. 243. Л. 89-90.

³ Право. 1904. № 51. 19 декабря.

Будучи осведомленными в многочисленных наказаниях, сыплющимся на периодическую печать, они понимали, что у публицистов «связаны руки», что открыто о многих вещах говорить пресса не может, поэтому надо искать в напечатанных словах иной, особый смысл, не доверяя прямому содержанию сказанного.

Это состояние интереса к печати образно представил известный российский библиограф Н. А. Рубакин. «И, правда, – восклицал он, – неужели российский интеллигентный читатель еще не отвык за десятки то лет бегать глазами по этим печатным простыням и искать, искать чего-то для него нужного, и вверху, и внизу, и на строках, и между строк? Да не отвык, – я на себе это чувствую. А искать между строк, – что ни год, то привыкает все больше и больше народа, начиная от князя Мещерского и кончая широкой публикой»¹. В итоге полностью оправдывались опасения тех, кто считал, что административные наказания, полученные за конкретные публикации не ослабляли произведенного впечатления на читающую публику, а, наоборот, привлекали к ним внимание. Читатель превращался в своеобразного судью между цензурными органами (шире – государством) и публицистами, чаще всего отдавая свое сочувствие последним, страдающим от административного произвола. Именно такая ситуация была характерна для конца 1878 г. Еще в большей степени она проявилась в 1879 г.

В своей статье, посвященной истории цензурных взысканий В. Розенберг привел интересное наблюдение, которое объясняет особое внимание к цензурным событиям 1879 г. Он отмечал: «Если бы изобразить графически колебания в силе репрессии на печать, выражаемые этими цифрами, то на кривой всех взысканий явственно обозначились бы два максимума: один, более высокий, к 1879 году, другой – к 1899, и оба они совпали бы с моментами брожения общественной мысли, обыкновенно предшествующими

¹ Рубакин Н. А. Взыскующие града. Из наблюдений над русским читателем // «Искорки». Очерки и наброски публициста. С.-Петербург: Типография П. Ф. Воицкой, 1901. С. 152-153. (С. 150-185).

и отчасти совпадающими с эпохами общественного движения и борьбы. Следующее пятилетие и в том и другом случае дает пониженные цифры цензурных взысканий; сходство между этими периодами увеличивается еще и тем, что и тогда, как и теперь, падение цифры цензурных кар зависало отчасти от временной простановки в деятельности карательной административной машины»¹.

На примерах цензурных взысканий 1879 г. попытаемся показать степень эффективности применяемых новых цензурных законов, определить возможности взаимоотношения печати, цензуры и общества в условиях политического кризиса конца 1870-х гг., выяснить те новые тенденции, которые стали проявляться в деятельности периодических изданий.

Уже 2 января 1879 г. состоялось первое заседание Совета Главного управления по делам печати. Тогда же было вынесено решение о наказании «Биржевой газете» и «Телеграфу», которое, как уже отмечалось, не было одобрено министром внутренних дел. Попытка в следующем заседании 9 января вынести предостережение газете «Русская правда» также натолкнулась на отказ министра Л. С. Макова утвердить это решение.

Счет предостережениям в 1879 г. был открыт 6 января, и получило его издание, менее всего для этого подходившее – «Новое время» А. С. Суворина. В первом же номере газеты в новом году были помещены оценки итогов прошедшего 1878 г. По мнению газеты, они были малоутешительными: «Год обманутых надежд, год путаницы, путаницы мнений, путаницы действий, трактатов, обещаний, год путаницы невероятной, в которой только потомству предстоит разобраться... Год, начавшийся славными успехами русского оружия, полным разгромом Турции – и окончившийся... Да, он кончился, кончился и слава Богу!..»² Далее следовала передовая статья

¹ Розенберг Вл. В мире случайностей // Русская печать и цензура в прошлом и в настоящем. Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1905. С. 146.

² Новое время. 1879. № 1021. 1 января.

под заглавием «Русское общество в 1878 году». Именно она вызвала главное недовольство цензуры.

По утверждению газеты, которая напечатала обзор 1878 г., этот года «застал Россию бодрствующей». Автор публикации заявлял, что вся страна ждала «со дня на день, с часу на час», что над Царьградом будет водружено знамя свободы»¹. По мнению газеты, русское общество понимало, «что ни Турция, ни Англия, ни Восток, ни Запад не в состоянии помешать России в этом великом подвиге, который наложил бы новую печать не на одни наши внешние сношения, но и на нашу внутреннюю жизнь»².

«Позволительно спросить, в самом ли деле кто-либо в России испугался мнимой войны с Англией, и мы теперь положительно утверждаем, что серьезно никто не верил в эту войну, не мог ее вообразить, так как сведущим людям должны быть известны скромные размеры вооружений Англии. Если, тем не менее, общее стремление к Царьграду было остановлено, то это надо приписать тому, что в нас самих не хватило духу сделать последний шаг, который взвалил бы на нас задачу обновления Востока в широких рамках»³.

Внутренние болезни также занимали общественное внимание. «Первая забота министра финансов – восстановить равновесие в бюджете посредством новых налогов, не требующих особенных преобразований, не вызывающих ломки до восстановления окончательного мира; первая забота общества – достигнуть уравнительности, оживить и заново создать, вызвать к жизни те производительные силы, которые составляют истинный, неиссякаемый источник государственных доходов. Первая забота общества при внутренних неурядицах – уяснить себе их причины и найти верное лекарство от них. <...> Заметим еще, что общественная требовательность к городскому пред-

¹ Русское общество в 1878 году // Новое время. 1879. № 1021. 1 января.

² Там же.

³ Там же.

ставительству, к прозябающим земским учреждениям дает себя чувствовать всюду. Общество зреет и только слепые этого разве не видят»¹.

Министр внутренних дел в своем докладе Александру II отмечал, что в целом газета А. С. Суворина регулярно оценивалась и оценивается положительно. Однако в своей передовой статье, посвященной обзору событий 1878 г. издание отнеслось к правительству «с такими советами и указаниями, которые выходят из пределов прав и обязанностей, указанных печати действующими постановлениями и потому не могут быть терпимы»².

Либерально-народническое направление, называемое редакцией «народно-прогрессивным», было представлено в российской печати газетой «Неделя»³. Издание пользовалось постоянным вниманием как читающей публики (тираж в 1879 г. достиг 9000 экз.), так и Главного управления по делам печати и регулярно получало административные наказания. Не стал исключением и 1879 г., когда за статью в первом номере газеты было получено третье предостережение, и она была приостановлена на три месяца.

Статья называлась «В чем выход». Ее автор попытался при помощи небольшого исторического экскурса определить современное состояние страны и найти выход из проблем, которые возникли в 1878 г. Публицист отмечал, что нынешнее настроение и состояние российского общества одно из самых оригинальных, не имеющих аналогов в прошлом. «Отдельные черты сходства, конечно, найдутся, но это все не то; комбинация, сочетание элементов у нас иное, какое-то причудливое»⁴. Эту причудливость автор публикации видел в непропорциональности двух общественных течений: отрицательного, критического и положительного, творческого.

Положительно оценивая ряд действительно серьезных реформ начала 1860-х гг., публицист отмечал, что это позитивное для страны время длилось

¹ Русское общество в 1878 году // Новое время. 1879. № 1021. 1 января.

² РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 1.

³ *Сонина Е. С.* Петербургская универсальная газета конца XIX века. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. С. 64.

⁴ В чем выход // Неделя. 1879. № 1. 7 января.

недолго и «общественный барометр скоро повернул на понижение». След за сильными скачками 1863 и 1866 гг. началось более медленное, но постоянное, систематическое опускание, заставлявшее время от времени думать, что спустились до предела, «но барометр продолжал понижаться». Далее в статье отмечалось, что этот ход событий был неожиданно прерван Балканским кризисом середины 1870-х гг., но вслед за тем наступило новое разочарование. Стал еще более очевидным факт, что внешнеполитические проблемы не решают вопросов, назревших внутри страны.

Несогласные почти ни в чем друг с другом до этого отдельные лица и целые направления сошлись в одном: «так жить нельзя». По утверждению автора, само правительство подтвердило этот взгляд недавними воззваниями и обращениями к обществу. Однако при этом единодушии возникла новая проблема: «как надо жить?». Автор статьи обозначил ряд ключевых вопросов, требующих немедленного разрешения: уменьшение платежей, увеличение крестьянских наделов, иная постановка земства и печатного слова – «всё это назрело и выработалось общим сознанием в достаточной степени»¹. При этом в статье отмечалось, что эти ответы частные, представляющие собой довершение того, что не было сделано в прошлые годы.

Правомерным разрешением нынешних проблемы автору виделся новый цикл реформ «со своим собственным новым центром». Примечательно, что он сам не знал «в чем этот новый центр». Для него было очевидно одно – реформы должны носить творческий, созидательный характер, а не упраздняющий, как это было в 60-х годах. «Мы, например, критику, можно сказать, берем почти готовой у Западной Европы; а в творчестве главным образом предоставлены самим себе»².

Общий вывод, к которому приходит автор статьи, таков: «запрос на перемены обширный единогласный; положительные же ответы по объему доброкачественности много меньше и притом в них царствует полная разноголо-

¹ В чем выход // Неделя. 1879. № 1. 7 января.

² Там же.

сица». Как же быть? – задается очередным вопросом автор, – Единогласие – прежде и раньше всего». Почва для этого есть. «Это свобода слова и тела – Альфа и Омега решительно всякой общественной деятельности»¹.

Повод к предостережению министр внутренних дел, отмечая неодобрительное вообще направление газеты, сформулировал следующим образом: «Несмотря на запрет касаться вопросов изменения государственного строя, "Неделя" в передовой статье № 1 "единственный исходом из сумятицы нашего настоящего положения может служить только новый цикл реформ со своим собственным новым центром» и что "в чем этот новый центр – никто не в состоянии ответить удовлетворительно, если не считать за ответ иностранное слово"»².

В приложениях к статье 4-й Устава о цензуре с изменениями по продолжению 1876 г. предполагало запрещение произведений печати, если в них содержалось что-либо, нарушающее неприкосновенность Верховной самодержавной власти или уважение к Императорскому дому и что-либо противное коренным государственным постановлениям»³. Статья предоставляла широкое поле цензурной деятельности, однако в тревожное время 1879–1882 г. регулярно появлялись циркуляры, практически повторявшие ее содержание. Таковы распоряжение от 2 марта 1879 г. за № 959 со ссылкой на Высочайшую волю (1877 г.) о не появлении в печати всяких вообще намеков на изменение нашего государственного строя, от 23 сентября 1880 г. за № 3532 по поводу весьма резких суждений о наших высших правительственных учреждениях, от 4 марта 1881 г. за № 947 (неуместные суждения о необходимости изменения нашего государственного строя, а также сомнения в недостатке истинного патриотизма в высших слоях общества)⁴. Проблема изменения

¹ В чем выход // Неделя. 1879. № 1. 7 января.

² РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 2.

³ Сборник узаконений и распоряжений правительства по делам печати. СПб.: типография Ретгера и Шнейдера, 1878. С. 96-98.

⁴ Докладная записка цензора С.-Петербургского Цензурного комитета ст. сов. Н. Соколова о циркулярных распоряжениях по Главному управлению по делам печати с 1-го сентября 1865 по 1 января 1900 года. СПб., 1900. С. 29.

государственного строя становится ключевой в объяснении причин наказаний, выдаваемых периодическим изданиям.

На очередном заседании Совета 16 января вновь обсуждались публикации «Биржевой газеты» и «Телеграфа». Вывод был устрашающим для этих изданий: вредное направление газет выражалось, по мнению членов Совета, «в крайне резких и неприличных выходках и против нашего правительства, по поводу почти каждого обсуждаемого газетою вопроса или события, – и против тех из иностранных правительств, которые принимают серьезные меры к охранению общества от анархических стремлений социал-демократической партии»¹. На этот раз министр высказался за объявление обоим изданиям по первому предостережению.

Пристальное внимание, которое Главное управление по делам печати уделяло «Биржевой газете», которая до декабря 1878 г. являлась приложением к «Телеграфу», а потом стала самостоятельной. После этого уже статьи из нее дублировались в «Телеграфе», поэтому оба издания и упоминались в цензурных решениях.

Министр внутренних дел отмечал наличие в газете известного издателя, одного из инициаторов создания в 1866 г. первого в России телеграфного агентства (Русское телеграфное агентство) Константина Васильевича Трубникова, большого количества «статей крайне резких и вредных»².

Так, в № 8 «Биржевой газеты» была опубликована передовая «Бесплодный спор», в которой автор отмечал, что в настоящее время «печать не находится на высоте событий; она, прихрамывая, плетется за ними»³. Рассуждая о внешнеполитических проблемах России, он отмечал, что общество охладело к восточному вопросу, поскольку «не в нем теперь сила», поэтому публицист «Биржевой газеты» предлагал не останавливаться исключительно на политических неудачах России, не переживать о них и не задаваться во-

¹ Справка о деятельности Совета Главного управления по делам печати за 1879 г. С. 2.

² РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 4.

³ Бесплодный спор // Биржевая газета. 1879. № 8. 10 января.

просом о том, как их исправить, поскольку «существует много других явлений, действие которых неотразимо и которые врываются в государственную общественную и частную жизнь, грозя разрушить многое, что добыто вековыми трудами»¹.

Пока одни желают вернуться к прошлому, другие сделать какой-то невероятный скачок в рисуемое их воображением светлое будущее, существует настоящее, которое и творит будущее. «Отказываться от участия в его трудах – значит махнуть рукой и на будущее»².

Автор статьи также утверждал, что российское общество, в отличие от печати, уже в полной мере это осознало и ощутило на себе, поэтому оно «отказывается от того, чтобы вместе с нею копаться в вещах, принадлежащих истории, или подогрывать в себе страсти, вполне уже улегшиеся»³. Он был убежден в том, что уход от проблем настоящего является со стороны периодической печати сознательным, поскольку принять на себя его многочисленные проблемы, обсуждать их гораздо сложнее и опаснее с цензурной точки зрения, чем продолжать переживать об упущенных возможностях в решении восточного вопроса. «Публицисты обязаны посвятить им свои силы и обращать во внешних вопросах внимание главным образом на то, что имеет ближайшее отношение к нам»⁴.

В следующем номере газеты цензурное ведомство обеспокоила статья «Источник будущих затруднений», которая была написана в продолжение темы, затронутой в предыдущем номере газеты. Министр внутренних дел докладывал о ее содержании Александру II в следующих определениях: «Автор советует оставить восточный вопрос в стороне и приготовиться встретить другую более серьезную опасность, которая грозит из Берлина, в виде нача-

¹ Бесплодный спор // Биржевая газета. 1879. № 8. 10 января.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

той борьбы князя Бисмарка "с конституционализмом и свободой во всех ее формах"»¹.

В статье говорилось следующее: «Облагодетельствование народа государственной властью составляет ныне уже историческое понятие; оно отжило или окончательно отживает свое время; выдвинут другой вопрос, – и он преобладает в науке и жизни над всеми другими, – вопрос о взаимном соотношении государственной власти и народа, о том, как должна быть организована первая, чтобы успешнее всего служить целям второго, которые являются альфой и омегой всей государственной деятельности»².

Далее автор, действительно, говорил об опасности, которая, по его мнению, грозила не с Востока, а исходила из Берлина и угрожала Европе в недалеком будущем. «Туда должны быть направлены наши взоры; там ныне завязывается узел, который, быть может, придется разрубать мечем», предсказывал публицист.

Далее речь шла о князе Бисмарке, который «окончательно сбросив маску», толкует о якобы существующих признаках грядущей страшной революции, пугая ее перспективой европейские правительства. «Может ли после этого подлежать сомнению, где кроется истинный источник будущих затруднений»³, – восклицал автор статьи.

Не обошли своим вниманием цензоры и передовую статью в № 12 «Россия и Европа в чумном вопросе». Министр внутренних дел обвинил газету в голословном обвинении «об отчаянном положении наших санитарных и медицинских условий»⁴. В статье речь шла о болезни, которая считалась побежденной – о последней в Европе эпидемии чумы, разразившейся в станции Ветлянской Енотаевского уезда Астраханской губернии в 1878–1879 гг. Автор статьи сетовал на то, что жизнь «на каждом шагу убеждает, что нам

¹ РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 4 об.

² Источник будущих затруднений // Биржевая газета. 1879. № 9. 11 января.

³ Там же.

⁴ РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 4 об.

нужно еще много сделать, чтобы Запад мог признать в нас Европу, а не Азию»¹.

Власти не хотели допускать обсуждения этого вопроса в печати. Эпидемия унесла жизни 434 человек и в значительной мере вина на этом была на государственных структурах различной степени важности. Меры были запоздалыми, ущерб – значительным. «Биржевая газета» отмечала, что недоверие иностранных государств к возможности России справиться самостоятельно с эпидемией вполне объяснимо, поскольку российские «врачи-специалисты на месте долгое время не могли определить болезни и толковали о каком-то крупозном или тифозном воспалении легких, когда на лицо были все признаки настоящей чумы»².

Примечательно, что в январе 1879 г. специальная комиссия во главе с М. Т. Лорис-Меликовым была направлена в Ветлянку для ликвидации эпидемии и ее последствий. Туда же одновременно отправилась группа медиков, среди которых было 11 представителей из европейских стран. События широко освещались в российской и европейской печати, будущий министр внутренних дел своими действиями вызвал симпатии российского общества.

Однако в результате вспышки эпидемии был нанесен удар по репутации России, о чем, собственно и говорил автор статьи: «Европа, заслышав о появлении чумы в Астраханской губернии т. е. за тысячи вёрст от границы ближайших наших соседей, переполошилась и немедленно заявляет, что она нисколько не доверяет ни нашим силам, ни нашему умению в борьбе с ужасной болезнью. Специалисты по эпидемическим болезням, вторгающимся с Востока в Россию, пришли к тому заключению, что бороться с этими ужасными бичами человечества можно успешнее всего в самых центрах их возникновения, азиатские народы де сами не в состоянии бороться с ними, вследствие своего невежества и административного неустройства»³. Послед-

¹ Россия и Европа в чумном вопросе // Биржевая газета. 1879. № 12. 14 января.

² Там же.

³ Там же.

ствия проявлялись в самых разнообразных сферах, например, в международной торговле, при формировании новых политических союзов в результате изменений, произошедших после русско-турецкой войны.

«Интересно при этом, – рассуждал автор статьи, – что полное недоверие к нашим силам и умению является общим, что одинаково проявляется как органами, относящимися к нам с крайней враждебностью, так и теми, которые сочувствуют нашему отечеству. Одни выражаются мягко, другие резко, но все говорят одно и то же, и никто не выражает и тени надежды, чтобы Россия могла собственными силами справиться с обрушившимся на нее бедствием»¹. В заключение статьи публицист «Биржевой газеты» затронул еще один болезненный вопрос, обсуждаемый, но не находивший официального разрешения, вопрос о предоставлении права врачебной практики врачам-женщинам, «явившим столько доказательств знания своего дела, добросовестности и самоотвержения в исполнении своих обязанностей и жаждущих приносить посильную пользу нашему народу, столь сильно страдающему от всякого рода болезней и необеспеченному даже против такого ужасного бедствия, как чума»².

Наконец, еще газетный материал, вызвавший недовольство цензуры, был помещен в разделе «Ежедневная беседа». Автор заметки в разделе «Ежедневная беседа» сообщил об обсуждении в среде петербургских журналистов вопроса о создании, по инициативе газеты «Голос», литературного суда чести. Против проекта выступил Суворин, «доказав тем, что не особенно дорожит своей литературной честью»³. Здесь следует сделать небольшое пояснение. Дело в том, что К. В. Трубников являлся до 1876 г. владельцем мало популярной газеты «Новое время». В итоге он предложил Алексею Сергеевичу Суворину купить у него это издание. Сделка состоялась и с 16 февраля 1876

¹ Россия и Европа в чумном вопросе // Биржевая газета. 1879. № 12. 14 января.

² Там же.

³ Ежедневная беседа // Биржевая газета. 1879. № 8. 10 января.

г. А. С. Суворин стал издателем газеты¹. К. В. Трубников передал А. С. Суворину 1562 подписчика, а в 1879 г. число подписчиков достигло 25000². «Новое время» стало одной из самых популярных газет, а Трубников – одним из самых ярых врагов Суворина.

На членов Совета Главного управления по делам печати произвела впечатление эта заметка «Биржевой газеты», в которой «журналисты приравниваются к собакам, запертым фурманщиком в тесный, решетчатый фургон и объясняется, что положение, в которое поставлена у нас печать и обусловливает будто бы развращающееся влияние на общество»³.

В заметке этот текст выглядел так: «...собаки, чувствуя себя за решеткой и в тесноте, постоянно огрызаются друг на друга, не смотря на то все находятся под одинаковым надзором одного и того же фургонщика и их всех ожидает одна и та же участь. Если бы собаки вздумали судиться за оскорбления в этой непрерывной грызне, то они были бы крайне затруднены в выборе себе судей из своей среды, а со стороны никому не может быть и понятна грызня собак, по-видимому, без всякой причины»⁴.

В соответствии с общим заключением Совета, за продолжавшееся вредное направление «Биржевой газеты» и «Телеграфа», было вынесено первое предостережение⁵. В приведенном примере цензурного наказания проявился довольно распространенный случай цензурной практики, когда при обсуждении различных статей, вызвавших раздражение членов Совета, выдвигались причины, которые не только не соответствовали основным законам, регламентирующим цензуру, но и многочисленных циркуляров, ограничивавших высказывания по тем или иным вопросам. Вред рассматриваемых публикаций прежде всего определялся желанием наказать рассматриваемые газеты и ключевым в определении было слово «продолжавшееся». В 1879 г.

¹ Дело по изданию «Нового времени» // РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Ед. хр. 440. Л. 7.

² *Сонина Е. С.* Петербургская универсальная газета конца XIX века. С. 79.

³ РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 4 об.-5.

⁴ Ежедневная беседа // Биржевые ведомости. 1879. № 8. 10 января.

⁵ Справка о деятельности Совета Главного управления по делам печати за 1879 г.

вышли только тридцать номеров «Биржевой газеты», а затем она была переименована в «Новости и Биржевая газета» и в ближайшие два года предостережений не получала.

Спустя несколько дней, 21 января 1879 г., на основании решения Совета Главного управления по делам печати, министр внутренних дел объявил второе предостережение газете «Русская правда»¹. Этому изданию будет посвящен отдельный параграф, поскольку оно имело свою особую историю, возникнув и прекратив свое существование в период этого кризиса.

Еще одна петербургская газета под громким названием «Русский мир» 4 февраля 1879 г. получила третье предостережение и была приостановлена на четыре месяца. Формальным поводом послужили две статьи из одного, тридцать второго номера издания.

В небольшой передовой статье говорилось следующее: «Наше политическое положение, внешнее и внутреннее, настолько не выигрывает ни от подписания окончательного мира с Турцией, ни от новой европейской системы карантин, отбрасывающей нас формально в круг государств азиатских. Наши обычные жалобы на ненависть к нам Европы суть только и жалкие пустые слова, если в них не слышится сознание действительных причин этой ненависти, – причин глубоких и правдивых, связанных со всей нашей затхлою "политической" репутацией <...> с нашими старинными, чуждыми уже Европе, недугами и с их настоящими тяжелыми проявлениями, тщетно ожидающими исхода»².

Примечательно, что с 1873 г. владельцем газеты «Русский мир» стал генерал М. Г. Черняев, оставивший военное ведомство и активно боровшийся против преобразований военного министра графа Д. А. Милютина. Против других реформ Александра II, а точнее – некоторых из их последствий, выступал другой известный генерал, сотрудничавший в газете, Р. А. Фадеев.

¹ РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 6.

² Русский мир. 1879. № 32. 4 февраля.

Будучи органом консервативным, «Русский мир» в то же время не скатывался на путь поддержки махровой реакции. Например, «являясь противником нигилизма и «нигилистической прессы», к которой Р. А. Фадеев причислял всю легальную «домашнюю» демократическую и либеральную журналистику, <...> он в то же время нигде не заявлял, что она не имеет права на существование»¹. Газета поддерживала реформы, но при условии, чтобы в делах управления и самоуправления первенствующая роль принадлежала представителям дворян-землевладельцев, а Р. А. Фадеев был одним из тех, кто считал, что «Россия и после петровских реформ, пойдя по пути вестернизации, автономна, а иногда и противоположна Европе и вполне конкретно и пространно интерпретировал эту идею. Так же как и славянофилам, путь Европы представлялся ему проблематичным для копирования его в России»².

С переходом в 1877 г. газеты в собственность еще одного военного, публициста и писателя Евгений Кириллович Раппа, также участвовавшего в качестве добровольца в сербско-черногорско-турецкой войне, направление газеты резко изменилось, что следует и из приведенного отрывка, вызвавшего неудовольствие цензуры. «Мы, очевидно, жестоко ошибались, когда видели в славянском движении и в самоотверженном порыве добровольцев признаки общественного пробуждения и серьезного поворота к лучшему. Это движение, в котором "Русский мир" играл такую деятельную энергическую роль, осталось лишь мимолетным проблеском народного чувства, вырвавшегося на минуту из-под грузной оболочки государственного организма. <...> Остается теперь сидеть спокойно в своем родном болоте до тех пор, пока солнце, ветер и "авось" не принесут нам лучших времен»³, – этими словами заканчивалась передовая статья.

¹ Антонова Т. В. Цензура и общество в пореформенной России (1861–1882). М., 2003. С. 157.

² Куксанова Н. В. Государство и русское общество в публицистике Р. А. Фадеева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, Вып. 6. С. 7.

³ Русский мир. 1879. № 32. 4 февраля.

В том же номере газеты была помещена еще одна публикация, вызвавшая гнев Главного управления по делам печати. Называлась она «На очереди» и перечисляла те ключевые проблемы, которые требовали немедленного разрешения в России: «Мы говорим о той простой истине, что существенные интересы государства не могут быть разрешены без живого участия общества и народа; что если разрешение их не согрето народным желанием, если они вершатся персоналом бюрократии, – то вся жизнь государства является какою-то безжизненной канцелярской формулой, она подвержена всякого рода случайностям, не стойка для внешних сношений и в полной силе представляет собой топтание на месте в своих внутренних делах»¹.

Публицист «Русского мира» утверждал, что в истории России в делах государства не раз проявлялось народное участие, но это проявление выливалось или в виде протеста, или форме придворных переворотов. Новым, необычным проявлением отзывчивости к государственным делам, стало в середине 1870-х гг. сочувствие славянским народам на Балканах. Однако против всех случаев народного участия обыкновенно создавалась «правительственная оппозиция, которая в первом случае восполняла всё новыми законами устав о предупреждении и пресечении преступлений, во втором, спланивала наверху партии временщиков, наконец, в третьем – противостояла народным влечениям искусством канцелярского охлаждения для успокоения страстей и для водворения в массах надежды, что дело в сильных руках правительства»². Газета констатировала, что ни для народной мысли, ни для народного желания в России не существовало законной формы проявления.

Примечательно, что для «Русского мира» времен Р. А. Фадеева, и для газеты, издаваемой Е. К. Раппом, была характерна одна общая черта: борьба против административного произвола. Однако в конце 1870-х гг. выступления против него зазвучали гораздо резче: «Становимся на путь мирного пре-

¹ На очереди // Русский мир. 1879. № 32. 4 февраля.

² Там же.

успеху. Заработают комитеты, комиссии. Начнется перебор старого хлама, накопившегося в разного рода канцеляриях. Образована особая "высшая" комиссия об уменьшении государственных расходов; образуется еще комиссия о пересмотре законов о подрядах и поставках. Но будет ли вдохнута во все эти работы живая мысль, жизненные нужды, или вместо этого только явятся чахлая продукция душевной канцелярской сферы? Полагаем второе»¹.

Мы уже отмечали, что в условиях политического кризиса, пресса в большинстве случаев осторожнее стала касаться вопросов, волновавших общественное мнение. Вряд ли это в полной мере относится к «Русскому миру», претендовавшему на расширение той роли, которую печать приобрела среди всеобщей безгласности в качестве единственного способа проявления общественной мысли.

Публицист газеты отмечал, что при декларировании государством необходимости уменьшения государственных расходов «идут в то же время факты раздач из государственных имуществ миллионных аренд, как, например, заповедных лесов Царства Польского», при признании необходимости пересмотра порядка подрядов и поставок, по-прежнему распахнуты «двери задних ходов министерств», не прекратилась деятельность лиц, «умеющих "проводить" дела». «Да, наконец, разве может, способна бюрократия сама на себя сокращать расходы!»²

Выражая веру в стремление высшей правительственной верховной власти решить все эти проблемы, «Русский мир» выступает с предложениями, которые главным цензурным органом страны воспринимались как попытка изменения государственного строя: «...разве можно в виду этих обязанностей не дать обществу права контроля над расходованием государственных сумм? <...> Разве можно оставить без народного участия внешние сношения, в особенности во времена ожидаемого разрыва? <...> У нас есть бесцензурная печать: так пусть же будет громко раздаваться свободное, честное на-

¹ На очереди // Русский мир. 1879. № 32. 4 февраля.

² Там же.

родное слово, а не являться подневольным переливанием из пустого в порожнее»¹.

Министр внутренних дел, не посчитал возможным перечислить все проблемы, поставленные в статье «Русского мира» в своем отчете Александру II, перечислив следующие: «В статье "На очереди" в № 32 корень окружающей нас в Европе антипатии заключается в особенности нашего "внутреннего состояния", что существенные интересы государства не могут быть разрешены без живого участия общества "безжизненной канцелярской формулой"»².

В декабре 1879 г. издатель Е. К. Рапп передал газету в аренду, но она так и не смогла вернуть себе массового читателя. В результате, издание было продано с аукциона всего за 13 руб. 50 коп.³ Ее новым владельцем стал С. М. Проппер, который путем соединения двух принадлежавших ему изданий: журнала под названием «Биржевой указатель», реформированного в газету «Биржевой вестник», и газеты «Русский мир» создал новое издание – «Биржевые ведомости», начавшие выходить с 1 ноября 1880 г.

Не сумел избежать наказания в начале 1879 г. (14 февраля) и журнал «Отечественные записки» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Взыскание было выдано за содержание «Внутреннего обозрения», опубликованного в первом номере журнала. Обозрение входило в публицистический отдел журнала и ставило цель оперативно откликаться на текущие события. Поскольку «Отечественные записки» выходили только раз в месяц, постоянный автор этого раздела Г. З. Елисеев (до июля 1881 г.) подчеркивал, что отбор материала имел свою специфику. Он был не обязательно самый свежий, но отражал те явления, «которые или по своим последствиям могут иметь большее значение для внутреннего строя и течения общественной жизни, или которые рез-

¹ На очереди // Русский мир. 1879. № 32. 4 февраля.

² РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 8 об.

³ *Сонина Е. С.* Петербургская универсальная газета конца XIX века. С. 104.

че, нагляднее, полнее изображают внутреннее состояние общества в тех или других отношениях»¹.

В отмеченной цензурой публикации отражались сразу две актуальных проблемы. Первой, положению и деятельности земств, редакция уделяла традиционно особое внимание, рассматривая их как первый выборный орган самоуправления, выступая за расширение их прав. Об этом шла речь в интересующей нас публикации журнала, а рассматривалось это расширение в связи с обращением правительства к обществу «в оказании ему содействия в борьбе с внутренними врагами»². Название раздела «Внутреннего обозрения» носило специфический характер: «Абрис того, что могло бы отвечать оно (земство. – В. Р.) на приглашение правительства о помощи против преступной пропаганды».

Г. З. Елисеев попытался объяснить на страницах журнала необходимость привлечения земства не только к хозяйственным, но и к политическим вопросам, а в правительственном обращении он «сумел разглядеть» это желание властей. «Ведь не такой же смысл имело правительственное приглашение, чтобы земство занялось ловлей бродящих по губернии или случайно попадающих в нее пропагандистов. Если бы вопрос шел о том, чтобы ловить, то правительство не имело бы нужды ни в чьей помощи. У него столько полиции и пешей, и конной, столько войска, что было бы с кем словить всех врагов, сколько бы их ни было. Но в том и дело, что ловить некого, что враг – внутренний, но не только внутренний, но и невидимый, никому неизвестный, одним словом, враг – не лицо, а отвлеченное понятие»³.

«Отечественные записки» считали, что правительство хотело выяснить корень тех проблем, которые вызвали активизацию революционного движения в стране и взялись оказать ему посильную помощь. Автор публикации отмечал рост числа людей, которые подвергаются административному и су-

¹ Отечественные записки. 1879. № 4. С. 219.

² РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 10.

³ Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1879. № 1. С. 117.

дебному преследованию за свои политические и социальные учения и несут строгие наказания, но при этом, по его мнению, в обществе существовали смутные представления о том, кто такие эти «внутренние враги».

«Сначала довольствовались данной им с легкой руки И. С. Тургенева кличкой *нигилисты*, кличкой так обширной по своему смыслу, что содержанием ее ровно ничего не определялось»¹, а затем – не долго думая, окрестили названием «социалиста», поскольку считалось, что аналог подобных политических направлений уже есть за границей, а, «главным образом, потому, что некоторые из внутренних врагов, попадавших на скамью подсудимых, объявляли себя твердо и непреклонно социалистами»².

Публицист высказывал убеждение, что влияние заграничной пропаганды не было бы столь сильным и не проявлялось бы на протяжении двух десятков лет, как это уже происходило в России, если бы в реальной жизни страны не было того, что его поддерживало и подпитывало. Этого, конечно, не могло бы быть, если бы наш социализм был чисто подражательный, заимствованный из иностранных книжек или настраивался заграничной агитацией. Корень этой поддержки революционных идей журнал видел в современном бедственном положении крестьян, в безземелье, в тяжести лежащих на них налогов. Именно этим объясняли подсудимые причины своих антиправительственных действий на проходивших политических процессах 1870-х гг.

«Отечественные записки» утверждали также, что эти общепризнанные проблемы ежедневно трактуется в научных статьях, в периодической печати. «Разница только в том, что то, что легко укладывается в идеях, что не мешает никому в теоретических рассуждениях, на практике не всегда легко удобоисполнимо... а молодость нетерпелива... Отсюда легко может возникнуть то, что у нас слывет под именем социализма»³. По мнению автора статьи, земство могло бы тщательно изучить эти проблемы, собрать фактические сведения

¹ Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1879. № 1. С. 118.

² Там же.

³ Там же. С. 119.

о крестьянском землевладении, посчитать размеры уплачиваемых налогов и тем самым оказать неоценимую услугу государству в борьбе против так называемого «социализма».

В определении причин наказания, выданного «Отечественным запискам», министр внутренних дел отмечал «редакция объясняет, что у нас никаких нигилистов и социалистов не имеется, не существует даже социализма в западноевропейском смысле, а есть только нетерпимая молодежь, которая с увлечением, свойственной молодежи жаждет тотчас же, сразу помочь несчастному народу в его современном бедственном положении¹. Также в вину «Отечественным запискам» ставилось то, что в их статье «явно отрицается существование у нас преступной шайки агитаторов, вопреки правительственным о том заявлениям, и с умыслом, совершенно голословно, изображается состояние крестьян в безвыходном положении, и, сверх того, имея в виду, что журнал вообще не отличается благонамеренностью направления»².

Несмотря на постепенное изменение роли журналов, в конце 1870-х гг. они продолжали играть значительную роль в развитии общественно-политической жизни страны. Направление того или иного издания такого вида складывалось из сложного сочетания беллетристики, литературной критики, публицистики. Журналы старались в своих ежемесячных обзорах подробно освещать и хронику текущих событий, зачастую выступали в качестве регулятора развития общественной мысли. К числу таких изданий относился журнал «Слово», возникший в результате слияния журнала «Знания» и газеты «Молва».

Причины тогдашних объединений изданий, как это произошло с «Русским миром» и «Биржевым указателем», объяснялись довольно просто. Официального разрешения на расширение программы в Министерстве внутренних дел добиться было почти невозможно, и объединение печатных изданий означало одновременно и объединение таких программ. Нельзя сказать, что

¹ РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 10-10 об.

² Там же. Л. 10 об.-11.

министерство не понимало сути такого «обходного маневра», более того, оно зачастую охотно соглашалось на него, если в конечном итоге из двух «проблемных» изданий оставалось только одно. Так и получилось с журналом «Слово», который, по условию, должен был сохранить сугубо научную направленность, характерную для «Знания».

Заявленная ориентация на «образованную публику» также устраивала Главное управление по делам печати, которое позволяло некоторые вольности «толстым журналам», если они не становились излишне популярными и не обретали массового читателя. То, что было завуалировано в программном заявлении журнала проясняется в воспоминаниях одного из редакторов «Слова» И. А. Гольдсмита, который дал объяснения того, что понимала под «научностью» радикальная часть редакции. «Это было, прежде всего, изучение таких явлений в жизни русского народа, которые могут послужить для образования действительно научных выводов. Для этой задачи нам нужны были сотрудники, которые не верили бы больше в прогресс свыше и не думали бы, что изменить настоящий порядок вещей могут только образованные классы»¹.

Подобного рода научные статьи не могли ни вызвать пристального внимания цензуры, еще одной проблемой было привлечение в качестве сотрудников лиц, не пользовавшихся доверием III Отделения, и журнал просуществовал всего четыре года. За «обнаруженные «признаки материалистического и социалистического направления», а эта формулировка сопровождала весь период существования журнала, был задержан к выходу в свет и уничтожен сентябрьский номер «по положению Комитета министров от 31 октября 1878 года»². В заседании цензурного комитета от 29 августа было заслушано донесение цензора о содержании статьи о Вольтере, помещенной в № 9 «Слова». Журнал обвинялся в «умышленной тенденциозности против рели-

¹ Цит. по: Коновалов В. Н. К характеристике общественно-литературной позиции журнала «Слова» (1878–1881) // Русская журналистика в литературном процессе второй половины XIX века. (Сборник научных трудов). Пермь, 1980. С. 30-31.

² РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 14.

гиозных верований и монархического принципа»¹, было предложено ходатайствовать об аресте этого номера.

Министр внутренних дел вынес специальный доклад по делу о «Слове» на заседание Комитета министров: «Журнал "Слово", начавший выходить в свет с января текущего года, не замедлил уже обнаружить признаки материалистического и социально-демократического направления; но для избежания карательных мер направление это высказалось в нем с большой осторожностью и раздроблялось в таких мелких и отрывочных дозах, что доселе не было еще помещено ни одной статьи, в которой оно было бы выражено вполне определительно и приведено к окончательным выводам. Редакция журнала, сознавая невозможным проводить идеи материализма и социализма в форме целых и связных статей, намерена действовать на своих читателей, хотя отрывочным и замаскированным, зато частым повторением и восхвалением этих идей при всяком удобном случае и столь же учащенным дискредитированием идей противоположного порядка. При этом она предоставляет самим читателям договаривать недосказанные ею мысли, угадывать смысл условной терминологии, унаследованной от журналов 60-х гг. и сводить воедино разбросанные по разным местам отрывочные нападки на монархическое правление, на современное распределение собственности и начала религии и нравственности. В справедливом расчете на то, что читатели журналов, подобных "Слову", не владеют ни серьезными знаниями, ни способностью критически относиться к прочитанному, редакция этого журнала особенно часто прибегает к такому приему: в подтверждение проводимого ею она непрерывно приводит будто бы результаты науки и исторические факты, но при этом совершенно извращает как научные истины, так и историю, выдавая разные гипотезы крайнего направления за несомненные открытия науки, прикрашивая и преувеличивая значение одних исторических фактов и тща-

¹ Цит. по: *Евгеньев-Максимов В.* Судьбы журнала «Слово» в связи с революционными выступлениями 70-х – 80-х гг. // *Евгеньев-Максимов В., Максимов Д.* Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы. Л., 1930. С. 267.

тельно умалчивая о фактах, имеющих противоположное значение»¹. В итоге, 22 декабря 1879 экземпляров № 9 были уничтожены «посредством обращения в массу».

Содержание этого доклада стало своеобразным руководством для цензоров, просматривавших журнал «Слово». Поэтому и в дальнейшем от их пристального внимания не удалось скрыть «замаскированного, но зато учащенного повторения и восхваления материалистических и социалистических идей при всяком удобном случае, при столь же учащенном дискредитировании идей противоположного порядка»². Итогом стало объявление 2 марта 1879 г. первого предостережения от имени Совета Главного управления по делам печати, проводившего свое пятнадцатое в этом году заседание 27 февраля 1879 г. В качестве главных публикаций журнала, вызвавших наказание, были названы статьи: «Нашим национал-либералам. (Письмо со стороны)», «Сенатские выборы во Франции» и «Trade-unions» (продолжавшаяся публикация).

По аналогии с политической партией национал-либералов Германии, поддерживавшей начинания канцлера Бисмарка во внешней, экономической и церковной политике, журнал «Слово», не называя конкретных лиц в российской политике, обращался к сторонникам идеи преобразований в сторону независимости и некоторых свобод в России при сохранении монархии и традиционного уклада жизни. Пропагандистами идей либерального национализма в российской печати были Михаил Никифорович Катков, Алексей Сергеевич Суворин и их ближайшие сподвижники, вероятно, к ним обращался автор объемной статьи в журнале «Слово».

«Вы, пожалуйста, не обижайтесь. Название "национал-либералы" для вас очень подходящее; но, конечно это не в прямом, а больше в переносном смысле. Оно самое, так сказать, благородное. На большее вы, право, не рас-

¹ Цит. по: *Евгеньев-Максимов В.* Судьбы журнала «Слово» в связи с революционными выступлениями 70-х – 80-х гг. С. 268-269.

² РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 14 об.

считывайте. Хотя вы и не совсем похожи на немецких национал-либералов; но все-таки масса публики, в своей наивности или в своем добродушии, будет вас приравнять к такой партии, в которой есть люди вроде Ласкера и других, правда, ограниченных, но всё же либералов»¹. Далее автор статьи обвинял доморощенных национал-либералов в том, что они присвоили себе после двух войн, сербской и русско-турецкой, право толковать обо всем от имени всей нации, якобы лучше всех остальных понимать «благо и нужды», устраивать нагоняй Западной Европе, одобрять объявление войны или заключение мира, одобрять или не одобрять трактаты. Публицист «Слова» отмечал, что именно прошедшие войны позволили сделать карьеру новоявленным «отечестволюбцам». «Что ж мудреного возбудить в таком рыхлом, неустойчивом, вялом и все еще мало развитом обществе внешний интерес, даже некоторое увлечение, если воспользоваться двумя войнами, которым масса сочувствовала из-за их освободительного характера»².

Резким выглядит один из выводов публициста «Слова»: «Без *внутреннего дела* всё остается по-прежнему, война ни малейшим образом не возбудила нравственных сил нашей страны. Потрачены миллиарды, потеряны сотни тысяч людей; а внутри всё то же, и вам приходится пускаться опять в бесплодное обличение, повторять прежние либеральные зады»³.

Другая статья, послужившая основанием для выдачи предостережения, называлась «Сенатские выборы во Франции». Ее автором был французский журналист Жакляр, печатавшийся под псевдонимом «Жика». Именно Жакляру принадлежала статья о Вольтере, вызвавшая гнев цензуры в 1878 г.

Результатом выборов, проходивших 5 января, явилась перестановка сенатского большинства. Республиканцы выиграли 44 места. Следовательно, общая цифра республиканских сенаторов дошла до 177 из 300, т. е. общей цифры всех сенаторов верхней палаты. «Таким то образом пала последняя

¹ Нашим национал-либералам. (Письмо со стороны) // Слово. 1879. Февраль. С. 1.

² Там же. С. 4.

³ Там же. С. 9.

твердыня, за которую укрепились реакция, считавшая, что владеет достаточными силами, чтобы затормозить на неопределенное время успехи республиканизма»¹.

Публицист журнала «Слово» обвинял монархистов в стремлении «изменить смысл выборов и ввести в заблуждение избирателей», поскольку им казалось, что избираемый мелкими общинами Сенат должен был гарантировать их большинство. «Но есть вещи, которыми реакция не может играть безнаказанно. Всенародное голосование, в какой бы форме оно ни явилось, есть оружие обоюдоострое, которое легко может быть обращено против руки, управляющей им в свою пользу»².

Таким образом, очередной этап борьбы за предотвращение реставрации монархии принес победу республиканцам, а журнал «Слово» не скрывал своих симпатий и антипатий, выражая их на материале французской Третьей республики.

Статья «Trade-Unions» раскрывала деятельность объединений работников наемного труда, на примере Союза углекопов в Англии. Там же содержался обзор теоретических и практических воззрений руководства этой организации, результаты, которые им удалось добиться. В статье говорилось о том, что это движение вылилось в прямую борьбу рабочих с хозяевами, в том числе за принятие законов, защищавших права трудящихся. Результатом явилось создание Английским парламентом особого комитета для расследования жалоб рабочих.

«В 1871 г. спрос на каменный уголь сильно возрос, а с тем вместе увеличился и спрос на рабочих. Последние решили воспользоваться этим обстоятельством для увеличения своей платы и для сокращения рабочего дня. Эти требования и были причиной множества стачек среди углекопов в 1871 г.»³, о которых рассказывает журнал «Слово». Ссылаясь на зарубежную печать,

¹ Жика В. Сенатские выборы во Франции // Слово. 1879. Февраль. С. 46.

² Там же.

³ Н. Д. Trade-Unionsc // Слово. 1879. Февраль. С. 64.

русское издание повествовало о событиях 1878 г.: «Новые сражения между трудом и капиталом начались в этой стране - и эти сражения принимают колоссальные размеры»¹. Примечательно, что автор статьи констатировал, что итоги деятельности союзов по отношению к требованию законодательной защиты труда «не увенчались блестящими результатами»². Напрямую вопрос не ставился относительно других методов борьбы, о которых уже шла речь в статье, но необходимый вывод для читателей лежал на поверхности.

Главное управление по делам печати прекрасно понимало, что рабочие в России не являлись массовым читателем периодических изданий, но все равно в цензурных циркулярах он, с точки зрения его обсуждения, имел категорический и безусловный характер. В распоряжении от 5 июня 1870 г. за № 1714 было запрещено рассказывать о несогласиях между рабочими и хозяевами, от 27 сентября 1872 г. за № 3854 из-за беспорядков на Кренгольмской мануфактуре запрещалось печатать статьи о движениях рабочего класса в Европе. С развитием рабочего движения число запретительных мер росло и в 1897 г. в циркуляре за № 108 категорически запрещалось печатать какие-либо статьи, заметки и рассуждения по рабочему вопросу³.

Как уже отмечалось, накануне состоявшейся беседы редакторов периодических изданий с министром внутренних дел Л. С. Маковым, 3 апреля 1879 г., «Голос» «в лице издателя статского советника Андрея Краевского и временного редактора, статского советника Василия Бильбасова» получил второе предостережение. Поводом послужили фельетоны в № 87 и 91, а также третья передовая статья в № 91.

Содержание этих публикаций позволяет понять причину недовольства как со стороны членов Совета Главного управления по делам печати, так и министра внутренних дел. Первый фельетон под названием «Наши грады и

¹ Н. Д. Trade-Unionsc // Слово. 1879. Февраль. С. 65.

² Там же. С. 68.

³ Докладная записка цензора С.-Петербургского Цензурного комитета ст. сов. Н. Соколова о циркулярных распоряжениях по Главному управлению по делам печати с 1-го сентября 1865 по 1 января 1900 года. СПб., 1900. С. 25.

веси» был посвящен проблемам российской провинции. Автор статьи отмечал общие черты содержания хроники провинциальной жизни столичных газет: она наполнялась известиями о том, что бешеный или просто голодный волк искусал десяток-другой людей; выгорело село; лопнули два-три банка; убили или ограбили кого-нибудь на улице, среди бела дня; проворовался какой-нибудь казначей. «Должна же быть, однако, какая-нибудь внутренняя, причинная связь между такого рода фактами и явлениями? – задавался вопросом автор статьи. – И связь, надо полагать, довольно сильная, если характер проявлений нашей внутренней жизни, в общем, не изменяется с годами»¹.

Более того, по мнению «Голоса», «еще с прошлой осени в газетах довольно часто начали появляться известия о воровствах, грабежах и разбоях». Уделив значительное место подробному описанию происходивших в различных районах страны преступлениях, газета пришла к выводу, что «нет школ, чтоб разогнать эту непроглядную тьму душевную; мало заботится об этом и духовенство» и через восемнадцать лет после освобождения крестьян требуется решительная борьба с темным наследием рабства: «Нужны и слёзы, и кровь, и борьба, // Чтобы человек создался из раба»².

В определении Главного комитета по делам печати относительно этой статьи говорилось следующее: автор, «обобщая случаи грабежей и разбоев, преимущественно в селах и деревнях, старается доказать, что эти преступления являются последствием недостаточности крестьянского надела и излишнего, доходящего до варварской жестокости, усердия уездных властей в сборе недоимок, с каковою целью приводит в совершенно извращенном виде несколько случаев таково усердия»³.

Передовая статья в № 91 «Голоса» была посвящена проблемам внешней политики и «чувство умеренности» на этот раз подвело редактора. В статье говорилось о проблемах, которые «неминуемо» должны возникнуть по-

¹ Наши грады и веси // Голос. 1879. № 87. 23 марта.

² Там же.

³ РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 16.

сле ухода русских войск из Восточной Румелии и Болгарии при буквальном осуществлении Берлинского трактата. Автор видел единственный выход для замедления взрывоопасной ситуации в «продлении русской оккупации», а это может в свою очередь произойти только при условии изменения постановлений Берлинского конгресса 1878 г.: «Без такой гарантии дальнейшее пребывание русских войск за Дунаем будет не более, как одним из способов, который употребляет враждебная нам Европа для постепенного, без борьбы, истощения наших государственных сил...»¹.

Главное управление по делам печати руководствовалось соображением, что несвоевременные разоблачения в прессе тех или иных предположений по вопросам внешней политики могли бы оказывать при определенных стечениях обстоятельств отрицательное воздействие на деятельность Министерства иностранных дел. Дело в том, что за границей, сложилось довольно объективное представление о положении российской прессы, и многие, зачастую, были уверены, что публикации газет, выходивших в России, представляют официальную позицию правительства, а потому статьи в периодических изданиях время от времени порождали сложности для российской дипломатии².

В связи с этим, к внешнеполитическим проблемам, освещаемым в прессе, традиционно применялись многочисленные, согласно статье 140 цензурного Устава, ограничения от имени министра внутренних дел или на основе Высочайших повелений. Одно из них от 20 февраля 1879 г. за № 841 о предстоящем выборе болгарского князя, появилось относительно незадолго до статьи «Голоса» имело довольно широкое применение, в чем смогла убедиться и редакция газеты.

Помимо Министерства внутренних дел, активный контроль над печатью, осуществляло Министерство народного просвещения, возглавляемое в

¹ Санкт-Петербург. 31 марта 1879 г. // Голос. 1879. № 91. 1 апреля.

² См.: Речь М. М. (Стасюлевича) в Комиссии по пересмотру закона о печати, 1880 г. // М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1911. Т. 1. С. 545.

тот период Д. А. Толстым, известным своими консервативными взглядами. Министр регулярно выступал в прессе с опровержениями. Газета «Голос», вызвавшая гнев цензурного ведомства, старалась избегать освещения острых политических вопросов, крайне резко осуждала действия революционеров, но пыталась оставить за собой право полемики с правительством по проблемам образования. Однако именно за статьи, освещавшие некоторые из вопросов гимназического и высшего образования, газета, не без участия Д. А. Толстого, получила второе предостережение в начале апреля 1879 г.

В фельетоне, под общим названием «Листок», помещенном в том же № 91, имелось несколько разделов, касавшихся проблем образования. Их подзаголовки, видимо, должны были настроить читателей на соответствующую волну: «Выбивание вредного духа» и «Обязательные пациенты». Общее связующее содержание касалось права периодической печати касаться различных вопросов повседневной жизни.

С этой целью автор фельетона поместил своеобразное обращение к главному цензурному органу, объясняя и смягчая свою позицию: «Да, печать, в самом деле, во многом виновата; будем вполне откровенны – печать виновата во всем, чем мы наслаждаемся в настоящем, что сулит нам светлую будущность. Она и одна она не устает еще обличать, наставлять, проповедовать. Замолкнет печать – погибнет и то хорошее, чем гордимся мы и внукам нашим гордиться накажем; перестанет печать будить – погрязнет общество опять в тех тенётах, что разорваны светлым словом Царя, озарившим русскую землю 19-го февраля 1861 года»¹. Завершалась статья новым обращением: «Не кляните печать, <...> она не только бичует, не только раздражает. Посмотрите, какой неподдельной радостью возрадовалась она при чтении указа об отмене подушной подати – это продолжение той радости, что зажглась в сердцах восемнадцать лет назад, как и самый указ есть продолжение дела 19-го февраля»².

¹ Листок // Голос. 1879. № 91. 1 апреля.

² Там же.

В фельетоне рассказывалось о случае, произошедшем в Новочеркасске, когда «директор колотит ученика, разбивает ему нос и стаскивает за волосы с лестницы! Мало того: он приказывает сторожам "дать ему по оплеухе и в конце концов предписывает полиции засадить ученика в часть»¹. Фельетонист отстаивал право периодической печати освещать жизнь школы и считал неправомерными обвинения в том, что газеты «вынесли школьную жизнь на улицу», доводят дело до того, что «в школьные дела вмешивались посторонние элементы, подрывая авторитет учителей, начальства»². По его убеждению, сама школа «выталкивает себя на улицу», давая пощечины, засаживая в часть, таская учеников по судам за разбитое стекло,

Фельетонист также обвинял Министерство народного образования в том, что оно выбрасывало ежегодно за двери гимназий четвертую часть учащихся, обращая шалости в преступление, заменяя педагогические взыскания и нравственное влияние «колотушками, общими полицейскими и уголовными мерами»³. Он справедливо утверждал, что от степени внимания родителей, общества, печати к школе, можно судить в целом о развитии страны. «Чем холоднее, чем апатичнее это внимание, тем хуже»⁴.

В публикации также подвергались сомнению те нравственные начала, которые насаждались в школе. «На основании откровений инспектора Новочеркасской гимназии, сделанных им торжественно на суде, от учеников требуется теперь подсматривание, наушничество, они принуждаются доносить, выдавать товарищей; за устойчивость от подобной "откровенности" им грозит тягание по судам в качестве прикосновенных к делу "о разбитом стекле" в квартире директора»⁵. Эта часть фельетона была расценена министром внутренних дел как «крайне дерзкие нападки на управление учебными заве-

¹ Листок // Голос. 1879. № 91. 1 апреля.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же..

дениями вообще», на основе «некоторых совершенно исключительных, хотя и действительно прискорбных фактов из нашей училищной жизни»¹.

В другой части фельетона речь шла о преобразованиях в Военно-медицинской академии, в результате которых обучение сокращалось на два курса из-за расширения военной подготовки. Фельетонист с иронией заявлял, что не будет лечиться у выпускников такой академии, на что получил ответ от воображаемого оппонента: «И не нужно, никто не просит. Для обязанных службой докторов найдутся и обязательные пациенты»².

Наконец, последний сюжет фельетона, был построен в виде диалога со священником и затрагивал проблему светского образования для выпускников духовных училищ: «Да, батюшка, сыновья то ваши в университеты да в светские академии стремились, так мы их обратно, в бурсу. – Уж и не говорите! Хоть бы приходы новые для них учреждали, а то и старые сокращают, под предлогом обеспечения быта. Доходы от паствы год от года мельчают, против отщепенцев одни становые проповедуют, куда же детям нашим деваться прикажете?»³ Эта часть статьи также удостоилась оценки министра, обвинившего газету в том, что она «отнеслась с нескрываемым осуждением к последним мерам правительства относительно как будущего устройства медико-хирургической академии, так и правил приема воспитанников семинарий в университеты»⁴. Общая оценка сводилась к тому, что в публикациях «Голоса» содержался «умышленный подбор фактов и тенденциозное искажение некоторых из них, с очевидной целью возбуждения недоверия действиям правительства»⁵.

Вот такие публикации министр внутренних дел Л. С. Маков называл на встрече с редакторами и издателями петербургских газет и журналов «ужасными статьями». Однако особое отношение министра к «Голосу» всё же про-

¹ РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 16-16 об.

² Листок // Голос. 1879. № 91. 1 апреля.

³ Там же.

⁴ РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 16 об.

⁵ Там же.

явилось в том же апреле 1879 г. когда газете грозило третье предостережение с последующей приостановкой. Совет на своем заседании 28 апреля высказался за эти меры на основании цензурных претензий к ее статьям (корреспонденция из Венева в № 101, фельетон в № 110 и хроника Петербургской биржи в № 115). Однако Л. С. Маков не признал нужным объявлять за эти статьи предостережение¹. Впрочем, спустя несколько месяцев он кардинально изменит свое отношение к изданию, о чем будет сказано позже.

Последнее весеннее предостережение было выдано 23 апреля 1879 г. «Церковно-общественному вестнику» за статью «К вопросу о раскольниках». Она была опубликована еще 11 апреля и потребовались многочисленные согласования для вынесения окончательного решения по второму предостережению. Дело в том, что продолжавшая существовать духовная цензура оставалась предварительной, но «Церковно-общественный вестник», начавший выходить в свет в 1874 г. под редакцией Александра Ивановича Поповицкого, был подчинен светской цензуре и ставил задачи освещения общественно-го положения духовенства, социальных и экономических условий его существования. Однако это не освобождало его от пристального внимания со стороны официальных церковных структур.

Достаточно привести отрывок из письма К. П. Победоносцева: «Я уже давно убеждаю (*курсив мой.* – В. Р.) графа Д. А. Толстого², что необходимо взять под духовную цензуру две эти газеты: «Восток» и «Церковно-обществ[енный] вестник». Обе они, пользуясь свободой, в разном смысле и с разных точек зрения, положительно приносят вред церкви и вносят соблазн по церковным делам и в общество, и в духовенство»³.

¹ Справка о деятельности Совета Главного управления по делам печати за 1879 г. С. 3.

² Граф Дмитрий Андреевич Толстой до 1880 г. совмещал должности обер-прокурора Святейшего Синода и министра народного просвещения.

³ Письма К. П. Победоносцева к Е. М. Феоктистову / Вступительная статья Б. Горева. Публикация и комментарии И. Айзенштока // Литературное наследство. М.: Жур.-газ. объединение, 1935. Т. 22/24. С. 503.

Первое предостережение этот «орган либерально-обличительного направления в духовной публицистике» получил в 1878 г. за статьи «К реформе консисторского суда» и «По поводу учительского известия», опубликованные в № 60 и 67. Статья 1879 г. была написана священником Иоанном Беллюстином, активно публиковавшимся в различных журналах. В протестантском духе он рассмотрел преобразования, осуществленные в Византии времен Константина Великого.

Даже для современного восприятия текст передовой статьи выглядит смелым: «В Византии христианство было превращено в фарисейство – с его фанатическим догматизмом, с его ревностью об обрядовых внешностях... Константин, преследуя политические цели, взял церковь под опеку. Этот, так называемый историками "мир церкви", данный Константином, и положил начало всем тем насилиям в христианстве, которые сделали из него религию неисчислимых и самых варварских кровопролитий, до каких даже языческие религии редко доходили.

Опека государства превратила представителей церкви в пронырливых льстецов, бесконечно больше заботившихся об императорских милостях, чем о деле Христовом на Земле. Из этого и сложилась вся Византийская история: нескончаемые религиозные споры взамен великих дел; всегда изощренный и ничем не удерживаемый меч слова, взамен того меча, с каждым днем тупевшего и ржавевшего, который так нужен был для защиты несчастной империи от полчищ варваров, с каждым годом теснее облежавших ее. Так и закончилась эта поучительная, к несчастью, никого как следует не вразумившая история: под стенами Константинополя уже почти неодолимый враг, а в стенах его самые яростные, с драками и кровопролитиями теологические споры»¹. В 1883 г.

¹ *Беллюстин. К вопросу о раскольниках // Церковно-общественный вестник. 1879. 11 апреля. С. 1-3.*

«Церковно-общественный вестник» был всё же передан под контроль духовной цензуры¹.

Верный своей концепции об эффективности цензурных наказаний, В. В. Григорьев завершил на «Церковно-общественном вестнике» весенний этап раздачи предостережений газетам и журналам. Следующей после «летних каникул» была газета «Русская правда», получившая первое, второе и третье предостережения 8 августа и 13 и 26 сентября 1879 г. соответственно. Об этом будет сказано позже.

До конца года лишь два издания, помимо «Русской правды» были отмечены таким наказанием. Первой из них была газета «Голос», получившая его за вредное направление 18 ноября 1879 г. Поводом к нему послужил фельетон под заглавием «Дневник» в № 319, точнее, только один сюжет из недельного дневникового обзора, посвященный назначению грека Менагиоса, уличенного в плагиате, в Петербургскую духовную академию. До этого события герой фельетона получил докторский диплом в Гёттингенском университете, где сочинение «О греческой истории Ксенофонта» греческого ученого Киприаноса, изданное в 1858 г. в Афинах, было представлено в 1871 г. под новым названием: «Критическое розыскание о греческой истории Ксенофонта», и под новой фамилией Д. Менагиоса.

Подлог вскрылся тогда, когда «автор» этой работы попытался получить кафедру в Петербургском университете. Автор фельетона, ссылаясь на слухи относительно предстоящей университетской реформы, в результате которой профессора будут не избираться, а назначаться на свои должности, иронизировал: «Г. Менагиос может не унывать. Был он назначен в академию, будет, пожалуй, назначен и в университет, если справедливы слухи о предстоящем вскоре изменении университетского Устава 1863 года. <...> Тогда – чего доброго! – Все Менагиосы, уличенные в обманах, подлогах и невежестве, поднимут голову и со спокойной совестью займут кафедры и будут препода-

¹ О подчинении газеты «Церковно-Общественный вестник» духовной цензуре // РГИА. Ф. 796. Оп. 164. Ед. хр. 2342.

вать своим слушателям науку подлогов и обманов, как единственную, в которой они сильны»¹.

Почему-то в интересной статье современного автора А. В. Луночкина, посвященной газете «Голос», критика предстоящей университетской реформы в газете была названа «ничтожным поводом» к предостережению. Не оправдывая действия Главного управления по делам печати и министра внутренних дел, отметим, что неудовольствие по поводу этой публикации полностью вписывалось в предыдущую и последующую цензурную практику этого учреждения и затрагивало интересы Министерства народного просвещения, давно испытывавшего неприязнь к этому изданию.

В оценке статьи министр внутренних дел отмечал, что «Голос» позволил себе «такое глумление над правительственными распоряжениями по ведомству народного просвещения, которое совершенно не может быть терпимо в печати»². Утверждалось, что этот фельетон был направлен «на возбуждение общественного мнения и в особенности молодёжи против предстоящего преобразования университетов и следовавшего уже в виде подготовительной меры усиления по отношению к ней власти правительства, не может ни произвести те, безусловно, вредные влияния на общество и ни действовать самым растлевающим образом на наше учащееся юношество»³. «Голос», с одобрения Александра II получил третье предостережение и был приостановлен почти на максимальный срок в пять месяцев.

Однако суровые меры, принятые против газеты вызвали неоднозначную реакцию в обществе. Даже в отчетах, которые министр внутренних дел отправлял царю, не было случаев такого подробного обоснования предполагаемого предостережения, как это было сделано в отношении «Голоса». В итоге, уже спустя ровно месяц неожиданно для всех газета вышла вновь. В номере от 20 декабря 1879 г. было помещено следующее, довольно самоуверенное объ-

¹ Дневник. Прошлая неделя // Голос. 1879. № 319. 18 ноября.

² РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 40.

³ Там же.

явление: «Распоряжением министра внутренних дел, от 18 декабря сего года, разрешено продолжение издания газеты "Голос", приостановленное 18 ноября, и "Голос" с нынешнего дня будет выходить безостановочно, как в последние дни 1879 года, так и в течение наступающего 1880 года»¹.

Дело в том, что издатель-редактор А. А Краевский сумел добиться приему у наследника престола, будущего Александра III, а тот переправил его просьбу о сокращении срока наказания министру внутренних дел, с предложением разобраться в этом деле. Л. С. Маков воспринял это как прямое указание и разрешил досрочный выход в свет издания. Поняв, позднее, что допустил оплошность, министр изменил свое покровительственное отношение к изданию.

Журнал «Слово» получил второе предостережение за ноябрьский номер 1879 г. Примечательно, что если предыдущие взыскания назначались, по определению министра внутренних дел, «за признаки материалистического и социалистического направления, которое, наконец, высказались в нем настолько осязательно», то ноябрьское наказание постигло издание за «большую, чем прежде, осторожность и изворотливость при изложении своих тенденций»². Александр II написал на докладе «Дельно».

По словам историка русской журналистики В. Е. Евгеньева-Максимова, «случайно или не случайно повторилось то, что произошло в феврале: вслед за ноябрьским выступлением террористической партии на ноябрьскую же книжку журнала обрушилась цензурная репрессия»³. Разумеется, что это не было делом случая: 19 ноября 1879 г. состоялась попытка взорвать царский поезд и во след, как это происходило и в предыдущие годы, как это будет происходить в будущем, власти энергично взялись за тех, кто якобы подстрекал к подобным действиям.

Цензурное ведомство выделило две статьи «предосудительного направления». В первой, озаглавленной «Задачи западноевропейской цивили-

¹ Голос. 1879. № 320. 20 декабря.

² РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 46-46 об.

³ Цит. по: *Евгеньев-Максимов В.* Судьбы журнала «Слово» в связи с революционными выступлениями 70-х – 80-х гг. С. 280.

зации и современная Франция». «Автор статьи, отмечая поступательное движение европейской цивилизации, выражает, между прочим, сетование на то, что социалистические союзы ограничились доселе одними словами, а не приступили к практическому действию»¹.

Первая статья была подписана «В. В – вь» (В. Васильев). В объемном материале публикации нашлось место и для оценки Интернационала, отличительной чертой которого, по мнению автора, было то, что его члены «остаются при речах и вовсе не переходят в дело»². Автор определяя организацию «скорее как призрачную, чем действительную», такого типа объединения «при известных общественных обстоятельствах могут казаться разросшимися до громадных размеров, но это тень, разлетевшийся пар или цветной газ, их истинная консистенция незначительна и очень слабо сплочена»³.

Таким образом, публицист своеобразно успокаивал российские власти, но для тех даже обычные рассуждения с «признаками материалистического и социалистического направления» были для печати неприемлемы.

Автором второй статьи под названием «Диалектика и ее применение к науке» был «первый российский марксист» Н. И. Зибер. В ней, по мнению министра внутренних дел, «под видом опровержения философии Дюринга доказывается и существование общечеловеческой, и личной морали, и изменчивость, вследствие сего устройства общества и государства, причем указываются эпохи, с помощью которых может произойти такое изменение»⁴. В статье это звучало следующим образом: «Действительная общечеловеческая мораль, стоящая выше классовых (*классовых*. – **В. Р.**) и воспоминаний о них, станет возможной лишь на такой ступени общества, которая не только преодолевает противоречие между классами, но и забудет о нем в жизненной практике»⁵.

¹ РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 47.

² В. В–вь. Задачи западноевропейской цивилизации и современная Франция // Слово. 1879. Ноябрь. С. 114.

³ Там же. С. 115.

⁴ РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 47.

⁵ Н. З. Диалектика в ее применении к науке // Слово. 1879. Ноябрь. С. 137.

Министр внутренних дел «предложил цензурному ведомству усугубить наблюдение за этим изданием»¹. Результатом явилось то, что в следующем декабрьском номере журнала цензорами были удалены некоторые материалы. Во-первых, продолжения статей, которые вызвали претензии в ноябрьской книге. Во-вторых, новую публикацию «Генезис нравственности» (по Спенсеру). Однако цензурное усердие вызвало неожиданную реакцию В. В. Григорьева, который в декабре 1879 г. заявил председателю Петербургского цензурного комитета А. Г. Петрову, что считает возможным «изменение представленного в цензурный комитет экземпляра бесцензурного периодического издания лишь для тех журналов, которые, по своему благонамеренному направлению, могут заслуживать столь важного снисхождения, как устранение статей, подающих повод к объявлению предостережения»². «Слово» к таким благонамеренным изданиям не относилось, поэтому при обнаружении в материалах журнала «вредного направления» следовало немедленно принимать против издания надлежащие меры взыскания.

Однако на последнем заседании Совета Главного управления по делам печати, состоявшемся 26 декабря, было рассмотрено «вредное направление» журнала «Слово», проявившееся в общем характере статей, помещенных в декабрьском номере и вынесено решение об объявлении этому изданию третьего предостережения, предоставив министру внутренних дел право определения срока приостановки.

В ответ последовала следующая резолюция министра: «Вследствие личного соглашения моего с Шефом Жандармов, признаю возможным не объявлять ныне третьего предостережения за декабрьскую книгу, но при этом еще раз покорнейше прошу иметь неослабленное наблюдение за этим

¹ Справка о деятельности Совета Главного управления по делам печати за 1879 г. С. 4.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 6. Ед. хр. 245. Л. 104-105 об.

журналом, направление коего надлежит вообще считать, как совершенно справедливо постановил Совет, весьма вредным»¹.

В книге В. Е. Евгеньева-Максимова содержатся документы, разъясняющие эту ситуацию. Шеф жандармов А. Р. Дрентельн в особом отношении за № 8235 изложил министру внутренних дел Л. С. Макову свои соображения относительно журнала «Слово». Вывод сводился к следующему: «...партия, выразителем мнений которой служит "Слово" в последнее время окрепла и приобрела большую смелость»². Шеф жандармов привел перечень материалов из декабрьского номера журнала, которые являлись якобы подтверждением его мыслей: это и «двусмысленная» краткость журнала в сообщении о покушении 19 ноября 1879 г. на Александра II, и статья по поводу юбилея польского писателя Крашевского, и стихотворение «Последняя воля» Н. Минского³. Совет Главного управления по делам печати поспешил вынести «Слову» предостережение, как уже отмечалось, без обозначения статей, которые послужили для этого основанием, что являлось нарушением действующего законодательства. Л. С. Маков не рискнул в этой ситуации пренебречь существующими нормами и только выразил свое неудовольствие действиями цензора Юферова, цензуровавшего журнал, за его якобы снисхождение к крамольному изданию⁴.

Такова история предостережений, выданных периодическим изданиям в 1879 г. Она была полна проблем, накопленным в практике российской цензуры с момента принятия закона 6 апреля 1865 г. К ним можно отнести избирательное использование законодательства к органам печати, находящимся на хорошем или плохом счету у представителей цензурных органов. Следствием являлось то, что запрещенное для одних свободно размещалось на

¹ Справка о деятельности Совета Главного управления по делам печати за 1879 г. С. 3-4.

² Цит. по: *Евгеньев-Максимов В.* Судьбы журнала «Слово» в связи с революционными выступлениями 70-х – 80-х гг. С. 282-283.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 284.

страницах других изданий, а закрытое для обсуждения вчера, становилось доступным сегодня или запрещенным завтра.

В 1879 г. было выдано 16 предостережений, приостановлены издания были 6 раз (одно из них, «Русская правда», два раза); розничная продажа была запрещена на время 7 раз, было также запрещено печатание объявлений газете «Молва» с 20 ноября по 18 декабря¹. Примечательно, что до этого года не было случаев запрещения периодическому изданию печатания частных объявлений (23 ноября была таким способом наказана газета «Молва»), не было и простановок изданий, находившихся под предварительной цензурой: 28 апреля была приостановлена газета «Sakala» (на эстонском языке) на 8 месяцев; 17 октября – «Смоленский Вестник» на 3 месяца; 1 ноября – «Гамелиц» (на древнееврейском языке) на 5 месяцев. Эти взыскания, как уже отмечалось, были вынесены на основании временных правил, принятых еще в 1862 и 1863 гг., т. е. до закона 6 апреля 1865 г. Таким образом, до 1879 г. эти правила не только не применялись, но даже и не значились в цензурном законодательстве, но теперь были востребованы.

Кроме того были сделаны «внушения» редакторам шести изданий, находившихся под действием предварительной цензуры: через курского губернатора был поставлен на вид (т. е. за ним было установлено дополнительное наблюдение) чиновник цензирующий «Курский листок», из-за пропуска им «неуместных в подцензурной печати статей». Относительно «Донских областных ведомостей» сообщено военному министру с предложением прекратить издание в этой газете неофициального отдела, в виду постоянных нарушений в нем цензурного устава². Таков был далеко неполный итог деятельности Совета Главного управления по делам печати в 1879 г., показывающий, что характерной чертой политической линии правительства в сфере печати в 1879 г. следует признать усиление преследований оппозиционных выступлений в печати.

¹ Подсчитано по: *Патрушева Н. Г.* Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865 – 1905 гг. Система административных взысканий. С. 151-158.

² Справка о деятельности Совета Главного управления по делам печати за 1879 г. С. 6-7.

ГЛАВА III. ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ» И ВОССТАНОВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-РЕПРЕССИВНОЙ СИСТЕМЫ В ОТНОШЕНИИ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ В 1880 – 1881 ГОДАХ

3.1. Цензурная политика в условиях «политической оттепели» начала 1880-х гг.

После взрыва в зимнем дворце 5 февраля 1880 года для борьбы с крамолой была создана Верховная распорядительная комиссия во главе с графом М. Т. Лорис-Меликовым. Конкретных документальных свидетельств тому, что послужило причиной назначения генерала на должность с широкими полномочиями до сих пор не найдено. Он уже был известен некоторыми либеральными мероприятиями в управляемом им Харьковском генерал-губернаторстве, но, вероятно, не эти заслуги учитывались при назначении его диктатором. По мнению известного юриста А. Ф. Кони, М. Т. Лорис-Меликова выгодно отличало от других умение «действовать примирительно и твердо, находчиво и решительно, что было блестящим образом подтверждено энергическим локализованием ветлянской чумы, на борьбу с которой он был посылаем»¹. А. Ф. Кони привел в своем очерке также высказывание самого М. Т. Лорис-Меликова, которое также может помочь в определении причин его назначения: «У меня было и другое в данном случае достоинство: я не был связан ничем с петербургской бюрократией, у меня были свободны руки и ничто в прошлом меня не связывало»².

Известно, что наследник престола на совещании 8 февраля предлагал Александру II учредить особую следственную комиссию, «настаивая на экстраординарных средствах борьбы с заговорщиками. Против этого высказались

¹ Кони А. Ф. Граф М. Т. Лорис-Меликов // Собрание сочинений: В 8 т. М.: Юридическая лит-ра, 1968. Т. 5. С. 186.

² Там же. С. 197.

председатель Комитета министров П. А. Валуев и военный министр Д. А. Милютин»¹. Император не принял официального решения по итогам этой встречи, но уже на следующий день, 9 февраля 1880 г., объявил о создании специальной комиссии во главе с М. Т. Лорис-Меликовым, причем наделив его диктаторскими полномочиями. Начальнику Верховной распорядительной комиссии 12 февраля 1880 г. было предоставлено право выбирать нужных ему людей для работы, но при этом учитывать мнение царя и наследника престола, других влиятельных представителей высшей бюрократии. «В итоге в новом правительственном органе оказались и консерваторы, противники преобразований, и люди, остро чувствующие их необходимость»².

Среди ключевых задач Верховной распорядительной комиссии исследователи выделяли следующие: объединение карательных органов для борьбы с революционным движением, экстренный разбор политических дел, разгрузка столичных тюрем, ускорение судебного рассмотрения всех дел и административная расправа с частью арестованных и т. п.³ Уже спустя шесть месяцев после своего образования по настоянию самого М. Т. Лорис-Меликова Комиссия была упразднена.

Именной Высочайший указ от 6 августа 1880 г. «О закреплении Верховной Распорядительной Комиссии, упразднении III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и учреждении Министерства Почт и Телеграфов» устанавливал, что дальнейшие меры по охранению государственного порядка и общественного спокойствия могут приводиться в действие в общеустановленном законом порядке с некоторым лишь расширением круга ведения Министра внутренних дел⁴. Документ был направлен

¹ Итенберг Б. С., Твардовская В. А. Граф М. Т. Лорис-Меликов и его современники. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 102.

² Там же. С. 113.

³ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России: Учебник для вузов. 3-е изд. М., 1983. С. 203.

⁴ Именной Высочайший указ «О закреплении Верховной Распорядительной Комиссии, упразднении III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и об учреждении Министерства Почт и Телеграфов от 6 августа 1880 года // ПСЗ. Собр. 2. Т. 55 (19 февраля 1880 – 28 февраля 1881). Ч. 1. № 61279.

на укрепление централизации, усиление единоначалия. К министру внутренних дел переходило высшее руководство следствиями по государственным делам, все полномочия, принадлежавшие Верховной распорядительной комиссии, III Отделение было преобразовано в особый департамент государственной полиции Министерства внутренних дел. М. Т. Лорис-Меликов занял должность министра, в ведение Л. С. Макова было передано вновь созданное Министерство почт и телеграфов и департамент иностранных духовных исповеданий.

Газета «Молва», делая обзор российской и зарубежной печати, пришла к следующему выводу, который она приписывала самому М. Т. Лорис-Меликову: «Долговременный опыт доказал, что одними караниями (*так в тексте.* – В. Р.) ничего достигнуть нельзя, что карания не только не устрашают и не уменьшают числа крамольников, но точно увеличивают их. Вообще под влиянием карательных мер революционное движение приняло характер массового, стихийного, подражательного, в котором не усматривалось ни корней, ни нитей, и которое хотя совершалось иногда при посредстве агитации, но где агитация прежде своего появления, видимо, ожидалась уже»¹.

Начинал свою деятельность во главе Верховной распорядительной комиссии М. Т. Лорис-Меликов с обращения от 14 февраля 1880 г. к жителям столицы через «Правительственный вестник»: «Могу обещать лишь одно – приложить всё старание и умение к тому, чтобы, с одной стороны, не допускать ни малейшего послабления и не останавливаться ни перед какими строгими мерами для наказания преступных действий, позорящих наше общество, а с другой – успокоить и оградить законные интересы его здравомыслящей части. <...> На поддержку общества смотрю как на главную силу, могущую содействовать власти возобновлению правильного течения государственной жизни, от перерыва которого страдают интересы общества»².

¹ Из газет и журналов. (Русских и иностранных) // Молва. 1880. № 82. 23 марта.

² Правительственный вестник. 1880. № 39. 15 февраля.

В ходе начавшихся преобразований, помимо создания Верховной распорядительной комиссии, были произведены и другие перестановки в высших эшелонах власти. Коснулись преобразования и цензурное ведомство. Вместо В. В. Григорьева в апреле 1880 г. начальником Главного управления по делам печати стал считавшийся либералом, бывший рязанский, а до этого тамбовский и херсонский губернатор Николай Саввич Абаза.

Новый начальник имел медицинское образование и не обладал опытом работы в государственных учреждениях масштаба Главного управления по делам печати. Будучи единомышленником М. Т. Лорис-Меликова, Н. С. Абаза попытался выступить защитником прав периодической печати, что отразилось на налагаемых на печать взысканиях. Так, за 1880 г. было выдано лишь 4 цензурных предупреждения и два из них приостановлены. В первые два месяца 1881 г. не было вынесено ни одного взыскания¹. «Двери его кабинета были широко открыты для писателя, а беседа всегда была располагающей к полной откровенности»².

По утверждению газеты «Новое время», между российской прессой и Главным управлением по делам печати, благодаря Н. С. Абазе, установилось согласие, которое, с одной стороны, устраняло чрезмерные стеснения печатного слова, а с другой отнимало у этого слова нравственную возможность того невольного озлобления, которое читается между строками, когда у прессы отнята возможность говорить правду»³. Представители периодической печати дружно отмечали вежливость и деликатность нового начальника. С ним можно было не соглашаться и отстаивать свою точку зрения.

Журнал «Отечественные записки» осенью 1880 г. констатировал, что «гимны весне в стихах и прозе уже слышаться со всех сторон», т. е. в периодической печати наблюдался небывалый подъем: «Очевидно, во всяком слу-

¹ Список периодических изданий, подвергшихся административным взысканиям в 1865–1904 гг. // Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1905. С. 193–226

² Новое время. 1881. № 1838. 10 апреля.

³ Там же.

чае, что правительство убедилось в неправильности того пути стеснения мысли и слова, на который его увлекли люди, усердные не по разуму. Тем не менее, всё, пережитое нами, в только что заканчивающийся период тесноты, еще слишком свежо, чтобы можно было открыто и без всяких предосторожностей касаться еще не заживших ран»¹. Далее автор публикации в «Отечественных записках» отмечал, что было много «прорицателей», которые утверждали, что как только «ослабнет узда, сдерживавшая литературу, так вся литература поголовно заговорит языком революции и террора»: «Узда, очевидно, ослабла, а литература в огромном большинстве только "благодарит, приемлет и ни мало вопреки глаголет", обнаруживая в этом направлении, может быть, даже излишнее усердие»².

Однако при этом практика использования административной власти сохранялась, хотя и не использовалась в масштабах предшествующего времени. Начальник Главного управления не был свободен в своих решениях, и дело было не только в министре внутренних дел или в императорской воле, но и в многочисленных ведомствах, перед которыми цензурный орган нес ответственность. На основании статьи 140 Устава о цензуре, которая ограничивала освещение вопросов государственной важности, в печати устранялась из обсуждения деятельность ведомств, учреждений и комиссий. Так, по-прежнему многочисленными распоряжениями свобода была урезана в освещении решений Государственного совета, Дирекции императорских театров, Министерства путей сообщения, Министерства государственных имуществ, Комитета Сибирской железной дороги, почтово-телеграфных учреждений, администрации Санкт-Петербургского воспитательного дома. Нельзя было рассказывать о банкротстве и деятельности некоторых банков и крупных промышленных учреждений, говорить о составе и численности сыскной полиции. Ограничения касались Императорской Академии художеств, Московского училища живописи и ваяния, Императорского общества поощрения

¹ Литературные заметки // Отечественные записки. 1880. № 9. С. 135.

² Там же.

художеств, Особого совещания по вопросу о понижении выкупных платежей, Совещания по делам дворянского сословия¹.

Большинство из представленных учреждений обладали правом инициативы по выдаче взысканий печати и уклониться от таких требований зачастую не удавалось ни начальнику Главного управления по делам печати, ни министру внутренних дел. Более того, сами представители средств печати считавшие себя обиженными, задетыми независимыми высказываниями в прессе, не были готовы по-новому выстраивать свои отношения с администрацией. По словам самого Н. С. Абазы, приведенным в газете «Новое время»: «Одним не нравится, что задевают их административную деятельность, другим, что существуют газеты с либеральным направлением; третьим, что существуют газеты с направлением консервативным и все готовы адресоваться к администрации, чтобы она удовлетворила своим влиянием на печать всем этим желанием»². Начальник Главного управления по делам печати с иронией говорил о том, что при посещении им Москвы сами представители прессы убеждали его, что новый режим печати должен начаться с выдачи предостережения «Московским ведомостям» М. Н. Каткова, что такой мере будет «рукоплескать вся Россия»³.

Уже 9 августа 1880 г. при М. Т. Лорис-Меликове в должности министра внутренних дел редакторам петербургских изданий лично, а московских – через Московский цензурный комитет было запрещено помещать «резкие отзывы» о деятельности упраздненного III Отделения⁴, а 6 сентября было подтверждено запрещение относительно публикации статей о Земском соборе, об изменении государственного строя России. Наконец, 23 сентября редакторам периодических изданий было циркулярно сообщено о "неудовольствии"

¹ Докладная записка цензора С.-Петербургского Цензурного комитета ст. сов. Н. Соколова о циркулярных распоряжениях по Главному управлению по делам печати с 1-го сентября 1865 по 1 января 1900 года. СПб.: 1900. С. 11-12.

² Новое время. 1881. № 1838. 10 апреля.

³ Там же.

⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 6. Ед. хр. 470. Л. 1-4.

Александра II "весьма резкими суждениями" о высших правительственных учреждениях России¹.

Граф Лорис-Меликов пригласил 6 сентября 1880 г. к себе редакторов всех петербургских изданий на своеобразную пресс-конференцию «со специальной целью разъяснить им, чтобы они не волновали напрасно общественных умов, настаивая на необходимости привлечения общества к участию в законодательстве и управлении, в виде ли представительных собраний европейских, в виде ли бывших наших древних Земских соборов, что ничего подобного в виду не имеется, и что ему, министру, подобные мечтательные разглагольствования прессы тем более неприятны, что напрасно возбуждаемые ими надежды в обществе связываются с его именем, хотя он, министр, никаких полномочий на это не получал, и сам лично в виду ничего подобного не имеет, будучи твердо убежден, что в настоящее время самое необходимое, чем надобно заняться и на что он обратит все свое внимание и труд – это дать должную силу новым учреждениям, уже существующим, а также привести в сообразность и гармонию с последними учреждениями старого порядка, видоизменив их, насколько то потребуется для этой цели»².

На собрании от «Отечественных записок» вместо М. Е. Салтыкова-Щедрина, тогдашнего редактора журнала, находившегося за границей, присутствовал Г. З. Елисеев. Придя домой, он записал всё, что говорил М. Т. Лорис-Меликов, а затем передал ему эти записки через Н. С. Абазу, с просьбой разрешить напечатать их в журнале, что и было сделано.

М. Т. Лорис-Меликов выдвинул перед редакторами свою программу, «исполнение которой, по его словам, должно было потребовать 5-7 лет времени. В этой программе один пункт касался печати; а именно: граф Лорис-Меликов считал необходимым "дать печати возможность обсуждать различные мероприятия, постановления, распоряжения правительства, с тем только

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 6. Ед. хр. 392. Л. 7.

² Русская пресса и цензура. Материалы для характеристики положения русской прессы. СПб.: типография «Россия». Б. г. С. 30.

условием, чтобы она не смущала и не волновала напрасно умы своими помянутыми мечтательными иллюзиями»¹.

М. Е. Салтыков-Щедрин скептически отнесся к программе М. Т. Лорис-Меликова, подметив: «Поживем – увидим. Только трудно будет жить в виду столь категорически либеральных заявлений, ибо как ни категоричны эти заявления, но *отыскать границу возможного остается столь же трудным, как и прежде (курсив мой. – В. Р.)*, особенно в беллетристике. Опасаюсь, что настанет конец эзоповскому языку, который так хорошо было привился. Ужели, в самом деле, это будет?»² Знаменитый писатель-сатирик и опытный издатель был прав в своих опасениях. О «границах возможного» будет еще сказано при анализе предостережений, полученных во время пребывания М. Т. Лорис-Меликова в должности министра внутренних дел, а «эзоповский язык» так и не успел исчезнуть со страниц прессы за короткий период «политической оттепели».

Однако озвученная во время встречи программа всё же имела несомненные положительные последствия. По словам Г. З. Елисеева она «отбила у добровольцев-цензоров из патриотов охоту и возможность совать свой нос в не принадлежащее им дело прессы»; «упрощало и облегчало отношения цензуры официальной к прессе»; «в особенности подняло и оживило прессу»³.

Еще до назначения М. Т. Лорис-Меликова на должность министра внутренних дел, летом 1880 г. Л. С. Маков обратился к Александру II с просьбой об учреждении Особого совещания для пересмотра действующего законодательства о печати. Во главе его предполагалось назначить П. А. Валуюева, что и произошло, но уже при министре М. Т. Лорис-Меликове.

Первое заседание созданного органа состоялось 5 ноября 1880 г. На него были приглашены редакторы и издатели столичных газет и журналов:

¹ Русская пресса и цензура. Материалы для характеристики положения русской прессы. СПб.: типография «Россия». С. 30-31.

² М. Е. Салтыков в письмах к Гр. Зах. Елисееву // Заветы. 1914. № 4. Апрель. С. 24.

³ Там же. С. 25.

М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. П. Гиляров-Платонов, М. М. Стасюлевич, А. А. Краевский, А. С. Суворин, В. В. Комаров, В. А. Полетика. План преобразований был разработан начальником Главного управления по делам печати Н. С. Абазой. В очерке о законодательной деятельности по цензуре он отмечал, что главное зло административных распоряжений состоит в том, что отсутствие точного и ясного закона в делах печати мешает многим «благомыслящим людям» заниматься журналистикой, что, в свою очередь, весьма неблагоприятно сказывается на интересах государства¹.

По поводу присутствия в совещании редакторов была написана специальная небольшая брошюра служащим канцелярии Главного управления по делам печати К. И. Вороничем, которой последовательно на 21 страницах текста доказывал «несостоятельность» редакторов и издателей в вопросах конструктивного решения проблем, возникавших между прессой и правительственными структурами: «Трудно придумать что-либо бесцветнее, бессодержательнее, постыднее той роли, какую *решающее* большинство приглашенных представителей периодической печати играло в заседании комиссии, всё время своего там нахождения»², – утверждал чиновник. Досталось от него и российской печати в целом: «Ведь вся наша пресса, за сравнительно ничтожным исключением, уже много последних лет, никому и ни в чем хорошем не помогает, а всё путает, всему благому мешает – своею бестактностью и невежеством, своим алчным стремлением к материализму, шантажом, цинизмом и всем, чем только хотите гадким, узким и пошлым...»³ Таковы были оценки человека, который, пусть даже и не на первых ролях, принимал участие в работе совещания, разрабатывавшего новый цензурный закон. Да и брошюра его увидела свет, будучи утвержденной цензурным ведомством.

Досталось от К. И. Воронича персонально «Голосу» в лице А. А. Краевского, не сумевшего, по его мнению, сказать ничего пригодного для Ко-

¹ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 53 об.-55.

² Воронич К. И. Представители печати в Комиссии. СПб., 1880. С. 10.

³ Там же. С. 8.

миссии: «Да и не легко говорить, господа, человеку, как говорить, "с ветру" в присутствии образованнейших представителей власти»¹, «Отечественным запискам», представленным «злым сатириком» М. Е. Салтыковым-Щедриным, оказавшимся «слабою посредственностью на почве общих вопросов». К. И. Воронич считал это естественным, поскольку в Комиссии потребовалось говорить в смысле созидательном, а «сатирик привык обличать, обличать и обличать, или, выражаясь проще – привык над всем надсмехаться, т. е. говорить в духе разрушительном...»²

Единственным, по утверждению представителя цензурной канцелярии, кто «повел весьма обстоятельную речь, правда, несколько растянутую, сухую и не совсем твердою»³, был издатель «Вестника Европы» ученый-историк М. М. Стасюлевич.

В своем выступлении он говорил о том, что «положение нашего общества в последние годы было вовсе не таково, чтобы вызывать те, по нашему убеждению, суровые отношения цензуры к печати, какие мы испытывали еще не так давно. Другими словами, принцип о необходимости соответствия в положении печати с положением общих дел, был нарушен»⁴.

По убеждению издателя «Вестника Европы», многочисленные запреты на обсуждение различных тем в печати, боязнь самих редакций освещать животрепещущие вопросы приводили к тому, что интересовавшие общество проблемы не находили отражения в прессе и порождали подозрительность, преувеличение реальных масштабов происходившего, поскольку об этом газеты и журналы молчали. В результате складывалась ситуация еще более невыгодная для власти.

М. М. Стасюлевич в своем выступлении привел случай, произошедший в 1860-х гг. Тогда в «Биржевых ведомостях» появилась заметка о

¹ Воронич К. И. Представители печати в Комиссии. С. 6.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 6.

⁴ См.: Речь М. М. (Стасюлевича) в Комиссии по пересмотру закона о печати, 1880 г. С. 545.

злоупотреблениях в Государственном банке, в котором происходил обмен бумажных денег на серебряные. На двери банка висело объявление о том, что обмена нет, а с черного хода для знакомых обмен шел полным ходом. Цензура статью пропустила, но другое ведомство посчитало, что ее следует запретить. Наконец, в дело вмешался бывший тогда министром финансов М. Х. Рейтерн, который заявил, что статья не только не вредная, но и полезная, поскольку благодаря ей удалось прекратить злоупотребления, которые действительно существовали не только в Государственном банке, но и в уездных казначействах¹.

Таким образом, одна и та же заметка вызвала совершенно различные оценки в трех разных инстанциях. На основе этого примера М. М. Стасюлевич доказывал, что «такие явления повторялись и всегда будут повторяться до тех пор, пока литература и печать будут находиться под надзором цензуры, которая в свою очередь не была бы свободна и совершенно самостоятельна»². Выход, по его мнению, был один: «...между печатью и цензурой должен быть положен закон и суд; одно это поставит в независимое положение и самую цензуру, так как на ее обязанности останется одно наблюдение, но не осуждение и кара. Пока никаких других средств к установлению порядка в печати не открыто, или иначе в западных государствах давно прибегли бы к такому средству»³.

Как уже отмечалось, практика судебных разбирательств и вынесенных оправдательных приговоров еще больше убедили цензурное ведомство в необходимости практически исключительного административного преследования «нарушений» в печати. Именно от председателя Особого совещания П. А. Валуева исходила инициатива если не прекращения, то, по крайней мере, существенного сокращения использования судов в делах наказания прессы. М. М. Стасюлевич в своем выступлении пытался доказать,

¹ См.: Речь М. М. (Стасюлевича) в Комиссии по пересмотру закона о печати, 1880 г. С. 547.

² См.: Там же. С. 548.

³ Там же.

что «суд не лишен способности судить по совокупности всей статьи, а, следовательно, судья может не хуже члена Главного управления по делам печати, совершить тот же самый процесс мысли»¹.

Итогом работы Комиссии явился проект основных правил цензурного устава, состоявший из четырёх записок: «О правах административной власти, заведующей делами печати»; «Основные положения для пересмотра уголовного закона по делам печати»; «Перечень предполагаемых изменений и дополнений карательных постановлений о печати»; «Основные положения для пересмотра административной части действующих постановлений о цензуре и печати»². Однако Комиссия не завершила своей работы из-за смерти Александра II и для российской печати снова наступили очередные «новые времена».

Начав преобразования в сфере печати, М. Т. Лорис-Меликов доказывал Александру II, что создать прессу, которая бы выражала лишь нужды и желания разумной и здоровой части общества и в то же время являлась верным истолкователем намерений правительства – есть дело весьма трудное и достижимое только продолжительным временем»³. Император подчеркнул последнюю часть фразы в тексте доклада. Для достижения этой цели просто необходимо было допустить некоторую свободу в деятельности отечественной печати, чего не могли допустить многочисленные представители консервативных кругов.

Брошюра К. И. Воронича является ярким тому доказательством: «...и это не я один говорю; это говорит сама печать во всеуслышание – прося правительство *больше верить ей и надеяться на нее* (курсив в тексте. – **В. Р.**). Вдумайтесь в это во всё, – призывал К. И. Воронич, – и взвесьте и вы придете к убеждению, что правительство право, не доверяя печати, ее

¹ Речь М. М. (Стасюлевича) в Комиссии по пересмотру закона о печати, 1880 г. С. 549.

² Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 262-269.

³ Всеподданнейший доклад министра внутренних дел графа М. Т. Лорис-Меликова Александру II 20 сентября 1880 г. // Былое. 1917. № 4. (26). С. 36.

безнравственным идеалам, ее направлению»¹. Чиновник подкрепил своё личное мнение оценками видных сановников, фамилии которых он не называл, но подчеркнул, что это люди «большого ума и таланта». Один из них ответил кратко: «Она теперь стоит на самом низком уровне умственном и нравственном. Другой взял номер газеты, издаваемой знакомым нам юмористом, и подал его мне со словами: "Взгляните на статью, на выражения... С чем это сообразно..." Я прочел статью, о чем-то, наполненную одной площадной бранью и отвечал, что это – заурядное явление в печати в наше время. "Грустно сознавать, до чего она пала. Чему оно служит", – прибавил сановник. Вот два мнения умнейших государственных деятелей новейшей эпохи»².

Нет сомнения в том, что эти мнения были господствующими в правящих кругах, и М. Т. Лорис-Меликов не мог для пользы дела и для сохранения собственного положения ни прибегать к привычной цензурной практике. В одном своём письме из Ниццы, написанном 14 октября 1881 г. и адресованном бывшему правителю канцелярии Министерства внутренних дел А. А. Скальковскому, Лорис-Меликов поделился своими ощущениями того, что с ним происходило в то время: «Некоторая свобода, предоставленная с прошлого года нашей прессе, послужила поводом к наиболее ужесточенным на меня нападкам со стороны претендентной нашей аристократии, фрейлин вкупе с Победоносцевым и К⁰. Наватам и сплетням, доходившим неоднократно до государя, не было конца. Стараясь выставить меня каким-то революционером. <...> Я бывал вынужден давать предостережения газетам в тех случаях, когда они резко нападали на кого-либо из министров или высокопоставленных лиц; так, за г-на Макова "Голос"

¹ *Воронич К. И.* Представители печати в Комиссии. С. 17.

² Там же.

получил предостережение, за Валуева – внушение; за статью "О Грейге" "Новому времени" было дано предостережение»¹.

В 1880 г. при М. Т. Лорис-Меликове и Н. С. Абазе в должности начальника Главного управления по делам печати было выдано минимальное количество предостережений и запрещений розничной продажи номеров изданий. Их насчитывалось всего два: «Русскому курьеру» и газете «Россия». Как уже отмечалось, «Голос» дважды был наказан запрещением печатать частные объявления. Зато 1880 г. превзошел 1879 г. по числу циркуляров министра внутренних дел и начальника Главного управления по делам печати: в 1879 – 11, в 1880 г. – 14, что объяснялось в том числе и переменами, происходившими в цензурном ведомстве.

Таким образом, являлось очевидным снижение цензурного давления на периодическую печать, наметились тенденции к облегчению положения прессы, которая стала более открыто высказываться по важнейшим текущим проблемам.

Содержание публикаций этого периода отличаются как от материалов, которые были характерны для периодической печати в предшествующее время, так и от более поздних публикаций. Причем это не означает, что в печатных текстах присутствовали призывы к революционным действиям или к отказу от существующей системы государственного управления. Издания задавались целью служить тем задачам, необходимость решения которых стала для всех очевидной. Большинство из них не выходили за рамки уважительного отношения к правительству, веры в его благие устремления, только при этом указывали или на злоупотребления, характерные для представителей власти в различных местах, на препятствия, которые искусственно создавались на пути развития самоуправления, ставя его в более узкие рамки, чем они были определены законом, или призывали общество к активной самостоятельной деятельности, опять же в рамках существующих законов.

¹ Исповедь графа Лорис-Меликова. Сообщил С. Шпицер // Каторга и ссылка. 1925. № 2 (15). С. 123.

В то же время ослабление цензурных строгостей, не выбивалось за пределы уже не раз практиковавшихся "веяний" или тенденций. Ни одна из принятых мер не имела законодательного характера, ни одно из последних предписаний Главного управления по делам печати не было отменено.

Наконец, этот год, как и большинство предшествующих, имел в своем послужном списке и образец вопиющего нарушения прав периодических изданий, хотя и отмеченный в российской провинции.

В одесской газете «Правда» 26 октября 1880 г. была напечатана заметка «Николаев счастливее Одессы! Там, по-видимому, менее "непредвиденных обстоятельств", чем у нас, в Одессе. Николаевцы, узнав о том, что в Одессе созывается экстренное заседание думы для обсуждения двух вопросов, о важности которых мы уже имели случай говорить, возымели желание подать и свой голос в подкрепление ходатайства одесситов, и беспрепятственно привели это своё желание в исполнение. 25 октября, согласно предложению гласного д-ра Прусакова, Николаевская дума сделала постановление, изложенное в телеграмме нашего корреспондента. Но вот вопрос: Николаевская дума постановила присоединиться к одесскому ходатайству. Как же это исполнить, когда оказывается, что соединиться то не к чему, ибо "по непредвиденным обстоятельствам" никакого ходатайства со стороны Одессы не последовало пока. Лучшим исходом из этого затруднения было бы изменение постановления Николаевской думы в самостоятельное, независимое от действий одесского муниципалитета. Раз николаевцы признали солидарность свою с Одессой в вопросах "о посылках учебного ведомства" и о медицинском факультете, то при неблагоприятно сложившихся для одесситов обстоятельствах им остается только принять на себя хлопоты за двоих»¹.

Трудно до конца объяснить причины резкого недовольства местных властей этой небольшой заметкой, но через два дня в «Ведомостях Одесского градоначальства» было напечатано: «Признавая вредным направление газеты

¹ Русская пресса и цензура. Материалы для характеристики положения русской прессы. С. 31.

"Правда" и находя, что в заметке видно стремление волновать общество и возбуждать общественные учреждения к действиям, несогласным с законами, генерал-губернатор (Дрентельн), на основании представленной ему Высочайшим указом власти, постановил: прекратить издание газеты "Правды"¹. Следует признать, что и в этой ситуации со стороны центрального цензурного ведомства, работавшего в новых условиях, была предпринята попытка смягчить ситуацию и через некоторое время из Петербурга пришло дозволение продолжить газету, но со стороны местного начальства встретились препятствия, и газета больше не выходила.

Таким образом, в бытность М. Т. Лорис-Меликова в должности министра внутренних дел сложилась, хотя и привычная для других периодов, но имевшая свои особенности в 1880 г. ситуация, когда цензура наблюдала за литературой, а все другие ведомства наблюдали за цензурой, болезненно воспринимая наметившиеся новшества и ожидая случая вернуть всё в прежнее состояние. Проявлялось это в обращении в цензурные органы различных ведомств со своими замечаниями, которые в зависимости от ситуации теряли или обретали свою настойчивость.

¹ Русская пресса и цензура. Материалы для характеристики положения русской прессы. С. 31-32.

3.2. Реализация системы цензурных предостережений в 1880 году

Перемены, начавшиеся в стране должны были неминуемо затронуть цензурный режим, существовавший в России.

Пока же до начала апреля 1880 г. на посту начальника Главного управления по делам печати оставался В. В. Григорьев, до августа этого же года должность министра внутренних дел сохранял за собой Л. С. Маков, а первые месяцы нового года в цензурном ведомстве прошли с характерной активностью.

Прежде всего, до логического завершения была доведена история с журналом «Слово». После обвинений со стороны III Отделения в сочувствии террористическим актам и неудачной попыткой еще в декабре 1879 г. вынести изданию третье предостережение, было очевидно, что участь его решится в ближайшем номере. Так и произошло: целый ряд статей январского «Слова» были обвинены в «предосудительном» содержании: рассказ Максима Белинского (Иеронима Иеронимовича Ясинского) «На чистоту», стихотворения Мартова (Владимира Петровича Михайлова) «Мимо», статья Андрэ Лео «Государственное устройство Италии» и рассказы молодых французских писателей, имевшие политическую направленность, за подписью Quidam (Некто) «Слесарь Гамэн» и Леона Кладеля. «Генеральша с деревянной ногой».

Рассказ «Слесарь Гамэн», по мнению цензора, возбуждал «ненависть к монархическому принципу в лице Людовика XVI»¹. В нем утверждалось, что это – подлинная история, произошедшая в 1792 г. во время Великой французской революции. Слесарь Гамэн являлся учителем Людовика XVI в. одном из его увлечений – в слесарном мастерстве. Спасая ценные бумаги и деньги во время революции, король сам сделал тайник в стене дворца и изготовил для него железную дверцу, но сам «не сумел приделать железной двери, которая прикрывала бы отверстие, и вот почему он обратился за помо-

¹ *Евгеньев-Максимов В.* Судьбы журнала «Слово» в связи с революционными выступлениями 70-х – 80-х гг. С. 285.

щью к своему учителю»¹. Работа длилась целых восемь часов, а когда она была закончена, королева Мария-Антуанетта сама поднесла Гамэну стакан вина со сладкой булкой, которые оказались отравленными. Благодаря случайности, Гамэн выжил, рассказал эту историю и получил по декрету Конвента «ежегодный пенсион в 1200 ливров»².

Содержание рассказа «Генеральша с деревянной ногой» было оценено официальной цензурой как вызывающее сочувствие подвигам коммунаров и «явное сочувствие к социальным переворотам прошедшего времени»³. В нем прославлялся героический образ девушки-коммунарки, которая «дитя народа, послушалась голоса своей совести и с стесненным сердцем приняла сторону пролетариев, которым, я надеюсь, некогда беспристрастное потомство отдаст полную справедливость»⁴. Девушка сражалась на баррикадах, была тяжело ранена, в результате чего ей пришлось ампутировать ногу. Поскольку ее преследовало «свободоубийственное» французское правительство, героине рассказа пришлось с фальшивым паспортом перебраться в Соединенные штаты, где она вышла замуж за потомка «французских эмигрантов», генерала американской армии. Теперь под защитой «звездного знамени свободной Америки» героиня рассказа приехала в Париж⁵.

Сюжет рассказа «На чистоту» был тесно связан с настроениями провинциальной интеллигенции в период, после разгрома революционного народничества. Действие происходило на вечеринке, где случайно, по праву знакомого из далекого прошлого оказался главный герой, некий Сергеев. Участники званого вечера именуют себя «либеральными элементами» и не лишены некоторого вольнодумства. Хозяин, Степан Федорович, произносит такой спич: «Мы живем в тяжелое время. Удушлива атмосфера, которою мы дышим. Реку нашей общественной жизни вдруг запрудили плотиною непред-

¹ *Quidam*. Слесарь Гамэн. // Слово. 1880. Январь. С. 6.

² Там же. С. 7.

³ РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 1.

⁴ *Леон Кладель*. Генеральша с деревянной ногой // Слово. 1880. Январь. С. 14.

⁵ Там же. С. 15.

виденных обстоятельств, и она, по-видимому, готова обратиться вспять. Но если последнее случится, то все плоды нашей молодой цивилизации – наши суды, наше земство, наше земское самоуправление, наша городская автономия, наша адвокатура, наша печать, наши банки – всё это погибнет. <...> Поэтому я предлагаю тост за всякого, кто станет способствовать скорейшему очищению засорившегося русла нашей общественной жизни»¹.

На фоне общности взглядов присутствующих, Сергеев выглядит чуждым элементом, но еще до того как он решил демонстративно покинуть вечеринку, стало известно, что некто Шумейко, погибший «в цвете лет»², распродал всё своё имущество и «завещал нотариальным актом, совершенным еще за несколько месяцев до смерти, этот капитал Сергееву»³. Завещанный нигилисту значительный капитал на какое-то общее «дело» явился предметом цензурного вмешательства. В министерском отчете царю содержание журнала было представлено как «явное сочувствие к социальным переворотам прошедшего времени и преступной агитаторской деятельности нынешних социал-демократов»⁴.

Небольшое стихотворение Мартова под названием «Мимо», которое состояло всего из четырех строк, вызвало гнев цензурного ведомства прежде всего следующими словами: «А та толпа, где мог я встретить брата // И с ним борьбу святую продолжать, // Глубокой тьмой невежества объята, // В когтях нужды, неволи и разврата, // И ей моих мучений не понять...»⁵

В статье Андрэ Лео «Государственное устройство Италии», по мнению Главного управления по делам печати, высказывалось явное сочувствие социалистическому правительству, что подтверждало политику издания, проводимую в прошлом году: «...нескрываемое, хотя и маскируемое различны-

¹ *Максим Белинский*. На чистоту // Слово. 1880. Январь. С. 158.

² В своих воспоминаниях Ясинский утверждал, что рассказ был вызван известием о казни в Одессе Дмитрия Лизогуба, которого он знал лично. См.: Евгеньев-Максимов В. Судьбы журнала «Слово» в связи с революционными выступлениями 70-х – 80-х гг. С. 284.

³ *Максим Белинский*. На чистоту. С. 154.

⁴ РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 1-1 об.

⁵ *Мартов*. Мимо // Слово. 1880. Январь. С. 56.

ми условными выражениями ненависть к существующему государственному и общественному порядку...»¹. Журнал получил третье предостережение и был приостановлен на три месяца, после чего издательские права перешли к Александру Андриановичу Головачеву.

Среди журналов этого периода, помимо «Слова», особым вниманием цензуры пользовались «Отечественные записки», но, вероятно, только авторитет М. Е. Салтыкова-Щедрина охранял издание от серьезных взысканий. Зато журнал претерпевал практическое действие предварительной цензуры.

«Разгромом» назвал редактор действия цензора в отношении февральского номера 1880 г. «Отечественные записки» вышли в свет без рассказа А. О. Осиповича-Новодворского «Карьера (Записки молодого человека)», без басни А. Л. Боровиковского «Воробей», были исключены две страницы из статьи Н. Ф. Анненского «Финансовые итоги последних лет», из-за чего текст пришлось пускать с разрядкой, было вырезано также «Внутреннее обозрение». Наконец, рассказ самого М. Е. Салтыкова-Щедрина под названием «Вечерок» по требованию цензуры был исключен из этого номера журнала. В следующем номере редактор сам отвел две статьи А. Н. Энгельгардта из-за опасения ареста книжки².

Следующими изданиями, которые получили 14 марта 1880 г. предостережения, были «Русская правда», о которой уже рассказано в отдельном параграфе, но для полноты картины, сложившейся ситуации в 1880 г., последнее взыскание, выданное этой газете, разберем здесь. В этот же день наказание последовало и ежедневной газете, выходившей в Москве с 26 июня 1879 г. под названием «Русский курьер». На тот момент она принадлежала Екатерине Матвеевне Селезневой, а редактором являлся ее муж – Владимир Николаевич Селезнев.

¹ РГИА. Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 1.

² *Теплинский М. В.* «Отечественные записки» (1868 – 1884). История журнала. Литературная критика. Южно-Сахалинск: Дальневосточное книжное издательство, 1966. С. 109.

Предостережение, на этот раз первое, «Русская правда» получила за воскресный фельетон в № 8 от 9 марта 1880 г. В нем автор иронизировал по поводу того, что в заботе «об искоренении зол», не только фельетонисты, но даже московские мясники заняты изобретением новых мер, которые помогут выйти из сложившегося кризиса и одолеть крамолу. Его собственное предложение он назвал «теорией взаимного наблюдения», сущность его: «Я наблюдаю за вами, вы за мной, каждый за всеми и все за каждым. Функция общественного надзора таким образом разделилась бы на всё общество, что приучило бы его к самодеятельности, на недостаток которой все жалуются»¹.

Ирония заключалась в том, что это абсурдное предложение за неделю до этого, но вполне серьезно изложил автор фельетона в «С.-Петербургских ведомостях», подкрепив ее объяснением исторического, культурного и воспитательного значения доноса и сославшись на примеры из европейской прессы.

Серьезная часть статьи была посвящена действительному поиску проблем, приведших российское общество к серьезному кризису. Автор статьи в «Русской правде» причислял и себя к тем, кто после отмены крепостного права «проповедовали теорию невмешательства», возмущались, что «мужик сделался баринном», считали вправе легально и нелегально грабить деревню, «обзывая мужика скотом, для которого закон не писан», почитали роскошью для него даже начальное образование, а подати возводили чуть ли не в закон природы. В итоге, народ сделался «нищ, беспомощен, как малый ребенок и придавлен, как может быть только придавлен русский человек»².

Фельетонист «Русской правды» напоминал, что те, к кому в стране выработалось такое отношение, «с беззаветностью умирали на Шипке за славян, с Суворовым за восстановление сардинского престола, а с Паскевичем за австрийского императора. <...> Мы осмеливались, – писал он, – говорить от лица русского народа, причем превозносили его качества, и, в конце концов,

¹ *Откровенный писатель*. Воскресные сказки // Русская правда. 1880. № 8. 9 марта.

² Там же.

опять-таки равнодушно смотрели на все беды, выпавшие на долю тех, кого мы, для красоты слога и в пику Европе, величали избранным народом, который внесет в Европу новые идеи, на подкладке славянофильского смиренно-мудрия, во вкусе Ф. М. Достоевского, с примесью постного маслица, мистицизма и всепрощения»¹

В завершении статьи автор обращается к читателю: «Взгляните на положение деревни... Попробуйте серьезно поработать для нее, дайте возможность мужику стать подобием Божиим, а не скотом, которого не эксплуатирует только ленивый, сделайте его всегда "любимым" народом, а не тогда только, когда приходится мечтать о Константинополе и нам с вами не придется трепетать за своих детей и повторять уложение о наказаниях...»² Таково было содержание статьи, послужившей основанием для определения «вредного направления» «Русской правды».

На том же заседании Совета Главного управления по делам печати, как уже отмечалось, взыскание было определено и газете «Русский курьер». Основанием стала передовая статья, в № 66 посвященная торжественному дню 19 февраля 1880 г., точнее, как сказано в газете «кабинетному» письму германского императора, адресованному Александру II, который в этот день праздновал юбилей его вступления на российский престол.

«Русский курьер» свое особое внимание к этому документу объяснял тем, что «в теперешнюю во всех отношениях тревожную эпоху, Россия, помня уроки истории, должна зорко следить за отношениями к ней иностранных государств и преимущественно ближайших соседей»³. Однако следует отметить, что изначально, принимаясь за подготовку к публикации, автор должен был учесть ряд ограничений, которые в своих временных распоряжениях определило Главное управление по делам печати для обсуждения затрагиваемых в передовой статье проблем.

¹ *Откровенный писатель*. Воскресные сказки // Русская правда. 1880. № 8. 9 марта.

² Там же.

³ Русский курьер. 1880. № 66. 9 марта.

Примечательно, что некоторые из них появились буквально накануне: в начале января. Согласно устному указанию председателя цензурного комитета, в статьях, посвященных предстоящему 25-летию царствования Александра II запрещались всякие сравнения с предшествующими правлениями¹, в распоряжении от 18 января 1880 г. за № 255 не рекомендовалось распространяться о текущей политике Германии и Австро-Венгрии², а 13 февраля 1880 г., уже при М. Т. Лорис-Меликове в качестве главы Верховной распорядительной комиссии было напомнено издателям, что «помещение каких бы то ни было раздражающих и вызывающих статей против германского правительства было запретным»³.

Помимо этих «свежих» запретов были и продолжавшие действовать прошлогодние: 9 ноября было запрещено допускать «враждебный тон» в статьях о Германии и Австрии⁴. Более того, продолжало действовать устойчивое правило, которым руководствовалось Главное управление по делам печати при оценке освещения в прессе внешнеполитических проблем. Оно касалось жестких ограничений относительно несвоевременных разоблачений действий как российского Министерства иностранных дел, так и аналогичных ведомств зарубежных государств в ситуациях, когда отношения России с той или иной страной или группой стран обретали особую актуальность.

Между тем газета, вероятно, полагаясь на то, что ее статья несет в себе патриотический настрой, а поэтому не должна вызвать неудовольствие цензурного ведомства, заявляла, что юбилей явился удачным поводом для Германии засвидетельствовать свое дружественное отношение, тем более, что «русские патриоты», судя по ее поведению на Берлинском конгрессе, по действиям, к которым она «сочла нужным прибегнуть» и по настроениям гер-

¹ Самодержавие и печать в России / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: типография А. Э. Венике, 1906. С. 66.

² Докладная записка цензора С.-Петербургского Цензурного комитета ст. сов. Н. Соколова о циркулярных распоряжениях по Главному управлению по делам печати с 1-го сентября 1865 по 1 января 1900 года. СПб.: 1900. С. 22.

³ РГИА. Ф. 776. Оп. 6. Ед. хр. 478. Л. 6.

⁴ Там же. Ед. хр. 398. Л. 16.

манской прессы, сомневаются в этой дружбе¹. Германский император Вильгельм подчеркивал, что эта дружба «доказана была на деле», но газета выразила сомнение в этом, приводя факты из истории взаимоотношений двух государств².

Автор статьи подчеркивал, что лавры, пожатые прусскими войсками под Седаном, являются результатом не только мужества прусских войск и даровитости прусских стратегов, но и могущественной дружбы России, «которая не вынимая меча, смогла парализовать в те времена» всякое вмешательство соседей в пользу «несчастной Франции»³.

«Русский курьер» также обвинял Пруссию в двусмысленном нейтралитете в эпоху Крымской войны, упоминал польское Восстание 1863 г., когда она не присоединилась к коллективному заступничеству европейских держав. Однако и в этой ситуации газета усматривала в первую очередь соблюдение прусских интересов, сводившихся к «сохранению status quo на восточной границе», а также благоприятных отношений с Россией. В итоге, «Пруссия достигла того и другого»⁴.

В год Франкфуртского мира, даровавшего Германии единство, совместно с другими державами она подписала 13 марта 1871 г. трактат, предоставившей России и Турции свободное увеличение их морских сил на Черном море, но и тогда Германия не могла поступить в отношении к России менее дружественно, чем сама Турция и ее покровители – Англия и Австрия. «Какими же положительными деяниями в отношении к нам выказывалась дружба Германии <...> за последнее десятилетие?»⁵ – задавалась вопросом газета. Ответить на него она обещала в следующей статье, но уже за этот опубликованный материал ей было выдано первое предостережение.

¹ Русский курьер. 1880. № 66. 9 марта.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

«Прощальное» предостережение было выдано В. В. Григорьевым на его последнем заседании Совета Главного управления по делам печати 27 марта 1880 г. в должности начальника цензурного ведомства газете «Молва». В 1879 г. «Биржевые ведомости» публициста Василия Аполлоновича Полетики, по профессии горного инженера, который свыше 25 лет являлся управляющим рудниками Алтайского округа, крупным владельцем предприятий в Петербурге, были переименованы в «Молву», с тем, чтобы сделать издание более универсальным, не ограниченным биржевыми новостями. Следует отметить, что в том же 1880 г. с 1 ноября снова стали выходить «Биржевые ведомости», но теперь это была уже другая газета, не имевшая отношения к «Молве».

Первое предостережение газета получила за статьи, помещенные в № 82 под рубриками «За неделю» и «Мимоходом». В недельном обзоре издания говорилось о тяжелом положении общества, находящегося в неведении из-за обрывочных сведений об угрозах со стороны таинственных революционных сил. Автор публикации отмечал при этом определенную тенденцию, становившуюся все более очевидной: «...не менее десяти лет явная и тайная полиция ловит этих невидимых разрушителей, но странная вещь – чем настойчивее эта ловля, чем строже кары, чем исключительнее меры, тем более усиливается таинственный враг, тем дороже его действия. Русское общество чувствует всем своим существом, что эта страшная, но происходящая как-то в стороне от него борьба обходится дорого всему строю русской жизни. Ради нее нарушается обычная законность, приостанавливаются обычные условия общежития; во имя нее создается своего рода осадное положение, ограничивается область действия суда и расширяется до небывалых, чрезвычайных пределов административная власть...»¹

Публицист «Молвы» также затронул в своей публикации проблему нездорового морально-общественного климата, насаждаемого в этих экстремальных условиях: «Доносы, ложь, <...> лицемерные фразы, заподозривания

¹ За неделю // Молва. 1880. № 82. 23 марта.

каждого шага и каждого слова – вот та нравственная сфера, в которой мы прозябаем в последнее время¹.

«Молва» также укоряла официальные власти в неразборчивости средств, в том, что они пытаются пренебречь законностью, обычной нравственностью для достижения главной цели – «искоренению врагов». Газета упрекала также М. Н. Каткова, его «Московские ведомости» в том, что они бросают в лицо русскому обществу, интеллигенции, периодической печати тяжкие обвинения в потворстве "подпольной смуте". Газета отмечала, что во время встречи предводителей дворянства Тверской губернии с графом М. Т. Лорис-Меликовым, глава Верховной распорядительной комиссии заверил тверское дворянство в своей решимости выполнить установленную программу, действуя в союзе с обществом. «Молва» подчеркивала, что в сложившихся обстоятельствах эти слова способны внести успокоение, они резко противоречат тому недоверию, которое проповедают «Московские ведомости», возбуждая общественное спокойствие, в том числе и обвинениями Верховной распорядительной комиссии в бездействии.

Сюжет о Каткове и «Московских ведомостях» был связан не просто с неприятием изданий друг друга. Создание Верховной распорядительной комиссии М. Н. Катков и его единомышленники восприняли как собственную победу, поскольку неоднократно высказывались о необходимости установления диктаторы для борьбы с крамолой. Историк В. А. Твардовская в своей работе, посвященной М. Н. Каткову, привела выдержки из писем Е. М. Феоктистова, Б. М. Маркевича, А. А. Киреева, А. И. Георгиевского, обращенных к редактору «Московских ведомостей», в которых они были единогласны в том, что именно благодаря ему Александр II пошел на решительные меры: «воззвание Ваше к "Диктатуре", встреченное со скрежетом зубов нашими фельетонистами, по-видимому, совпало с решением, принятым государем»².

¹ За неделю // Молва. 1880. № 82. 23 марта.

² Твардовская В. А. Идеолог самодержавия в период кризиса «верхов» на рубеже 70–80-х годов XIX в. // Исторические записки. М., 1973. Т. 91. С. 241.

Не только единомышленники, но и политические оппоненты связывали современное им состояние общества с деятельностью М. Н. Каткова и его окружения.

Поводом для другого сюжета недельного обзора явился приказ петербургского градоначальника, направленный на упорядочение делопроизводства. Озабоченность вызывало увеличение нагрузки канцелярии за счет расширения переписки, мешавшей полиции заниматься «живым делом», подменяемым бесцельной, бессодержательной чисто технической работой.

Автор публикации в «Молве» отмечал, что «централизация составляет неизбежное последствие бюрократизма», что множество инстанций создано для того, чтобы подчинить «каждый шаг общества и частных лиц опеке, надзору и предварительному разрешению»¹, поэтому желание градоначальника избавиться от канцелярской рутины неисполнимо. Административный контроль, опека и надзор высших структур над средними, средних над низшими является единственным способом ограничения злоупотреблений.

Вместе с тем, забота о таком контроле порождает систему, тормозящую решение текущих дел. В результате, «низшие агенты смелее в отказах, но, естественно же, осмотрительнее в разрешениях. Отказ может вызвать только жалобу, новую просьбу в высшую инстанцию; разрешением же можно чаще не угодить начальству и лишиться его доверия»².

Единственный способ уменьшения вредного канцеляризма автор публикации видел в «законе и законности»: «Там, где деятельность общества и частных лиц ограничена законом, там обязанности администрации ясны и немногосложны. Она исходит только из принципа: всё то дозволено, что не запрещено законом. Бюрократизм же руководствуется иным принципом: здесь ничего не дозволено без особого разрешения»³.

¹ За неделю // Молва. 1880. № 82. 23 марта.

² Там же.

³ Там же.

Другая статья, вызвавшая недовольство цензуры, была напечатана под рубрикой «Мимоходом. (Наброски, штрихи, заметки и пр.)». «Мимоходом» в статье затрагивалось несколько проблем, которые представлялись газетой как одни из самых актуальных.

Первая включала в себя обзор ряда уголовных процессов, проходивших в Петербурге, Одессе и Варшаве. Все обвиняемые на них – молодые люди, офицеры, двое из них имели отличия за военные подвиги, все трое были на хорошем счету у начальства и все отличились, совершив жестокие убийства. Автор публикации утверждал, что одна из причин, влиявшая на рост преступности, была прошедшая война. «Резать и резаться, истязать и истязаться, вешать и вешаться, стрелять и стреляться, не дорожить своей жизнью и прекращать чужую – становится каким-то легким, обыденным делом»¹, – констатировал публицист «Молвы».

Продолжая тему преступности, газета отмечала, что за последние десять лет в уголовных процессах на скамье подсудимых побывали представители всех сословий: «Помещик или купец до полусмерти засекает жену и сажает ее на цепь; офицер нравственными, систематически рассчитанными и размеренными истязаниями доводит жену до самоубийства; крестьянин убивает жену топором или топчет ее в колодце; крестьянка убивают мужа поленом или обваривает его сонного кипятком»². Газета отмечает, что преступления в полной мере затронули институт семьи. Дети, «вырываясь из-под кулака, кнута и палки», сами становились преступниками. В тюрьмах находились 8–10-летние воры, на каторге – 15–17-летние убийцы-грабители, поджигатели и т. п. «Семейная и общественная русская жизнь отразилась в уголовном процессе, как в зеркале, со всеми ее скрытыми и замаскированными заплатами, швами и складками»³.

¹ Мимоходом. (Наброски, штрихи, заметки и пр.) // Молва. 1880. № 82. 23 марта.

² Там же.

³ Там же.

«Молва» пыталась доказать, что именно печать должна хранить общественные идеалы как руководство для толпы, как залог для спокойствия и счастья в настоящем и будущем. «Горе народу и обществу, у которого печать стоит не на этой гражданско-государственной дороге»¹. Продолжая эту мысль, публицист газеты обвинял те средства информации, в которых место общественных идеалов занимает «неусыпающий шовинизм», «скабрезную, циничную, скандальную» литературу, которая, по мнению автора, оказывала прямое «подстрекающее на преступления влияние»².

На выдаче предостережения «Молве» закончилась целая эпоха руководства Главным управлением по делам печати В. В. Григорьева. Было символично, что при новом начальнике цензурного ведомства Н. С. Абазе первой явилась приостановка, 14 мая 1880 г., правда, всего на неделю, пресловутой газеты «Берег».

Проблема правительственных субсидий время от времени поднималась в российской печати и большинство изданий склонялось к точке зрения, озвученной Л. А. Полонским во «Внутреннем обозрении» «Вестника Европы»³: «...лучше полное отсутствие гласности, чем гласность монополярная, деланная, гласность не общественного мнения, – но мнений, пускаемых в общество»⁴.

Газеты периодически обвиняли друг друга в получении средств от властей «за лояльность», но конкретных доказательств постоянно не доставало. Газета «Берег» явилась на свет в результате очередного такого эксперимента со стороны Министерства внутренних дел и факт попытки создания лояльной прессы на этот раз неожиданно стал предметом гласности. В январе 1881 г. в «Новом времени» было опубликовано письмо в редакцию бывшего сотрудника «Берега» Александра Дьякова, известного в литературе под именем «Незлобина».

¹ Мимоходом. (Наброски, штрихи, заметки и пр.) // Молва. 1880. № 82. 23 марта.

² Там же.

³ Статья была вырезана цензурой.

⁴ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 1-5. СПб, 1912. Т. 2. С. 204.

Любопытна судьба Дьякова-Незлобина, участвовавшего, по сведениям «Молвы», «много лет тому назад в так называемых нигилистических кружках и их деятельности, но затем порвавший с ними всякую связь и выступивший против них в литературе с талантливymi и правдивыми обличениями той развращенной среды, в которой сам некогда вращался¹. Дьяков после участия в ограблении почты бежал за границу, вернулся под собственным именем, был привлечен к суду и после раскаяния оказался на свободе.

Из его рассказа в «Новом времени» следовало, что переговоры о создании «Берега» начались в ноябре 1879 г. Министром внутренних дел Л. С. Маковым была выдана сумма субсидии в 125 000 руб., снята казенная квартира для редакции, типография, определены расценки гонораров – по 5 коп. за каждую строку газеты. По словам А. Дьякова, «смету составляли чиновники, не понимавшие в этом деле, когда сотнями оплачивали одну статью»². Высокопоставленные лица обещали также рекомендовать умных знающих чиновников в качестве авторов публикаций.

На самом деле вопрос об издании такой газеты начал обсуждаться еще в июне 1880 г., когда Комитет министров под председательством П. А. Валуева рассматривал меры к прекращению «преступной деятельности злоумышленников». Тогда же были затронуты проблемы современной печати и выработано решение. Н. Емельянов привел в своей статье секретный документ, поступивший в Главное управление по делам печати из канцелярии министра внутренних дел 21 июля 1879 г.: «По высочайшему Государя Императора повелению... с взаимного соглашения главн[ого] нач[альника] III отдел[ения] С[обственной] Его Вел[ичества] канц[елярии] и мин[истров] вн[утренних] дел и финансов [состоялось] обсуждение вопроса об издании, при пособии от правительства, новой ежедневной общедоступной по цене газеты, которая влиянием своим могла бы противодействовать вредному на-

¹ Из газет и журналов. (Русских и иностранных) // Молва. 1880. № 82. 23 марта.

² Александр Дьяков. Как утопили «Берег». Письмо в редакцию // Новое время. 1881. № 1753. 14 января.

правлению русской периодической печати, причём обратить особенное внимание на выбор лица, способного принять на себя издание данные газеты...»¹.

Несомненный интерес вызывает фигура редактора «Берега». Им стал одесский профессор права из Новороссийского университета Петр Павлович Цитович, известный своими политическими брошюрами, направленными против идей Н. Г. Чернышевского и Н. К. Михайловского. Публицистический задор автора был отмечен в Министерстве внутренних дел и в III Отделении. Однако, судя по рассказу А. Дьякова, отсутствие издательского опыта и безинициативность П. П. Цитовича привели к тому, что к моменту выхода в свет 15 марта 1880 г. «в портфеле редакции не было ни одной статьи»².

Редактор «ждал на казенной квартире, когда министры навезут статей, докладов, прожектов и соображений»³. Вскоре в редакции действительно появились два чиновника, получавшие оклад за иностранный и внутренний отдел в издании, но быстро выяснилось, что они журналистскими талантами не обладали.

Пытаясь оправдать официозность «Берега», А. Дьяков в своем письме в редакцию «Нового времени» отмечал, что при просмотре всех номеров издания нет «ни одного сведения, ни одной статьи, которые давали бы понять близость редакции органам власти...»⁴

На самом деле администрация не рассчитывала на то, что субсидируемые ею издания смогут завоевать твердые позиции среди читающей интеллигенции. Это предположение подтверждается упрощенным подходом этих газет к проблемам, вызывающим общественный интерес. Например, попытки доказать в повторяющихся из раза в раз публикациях, что новые суды выносят несправедливые решения по большинству дел и они не лучше старых, дореформенных. Земство нерационально расходует средства, не принося на-

¹ Цит. по: Емельянов Н. Из истории русских официозов 1879–1880 гг. // Вопросы журналистики. Вып. 2. Л., 1960. Кн. 2. С. 76.

² Александр Дьяков. Как утопили «Берег». Письмо в редакцию. // Новое время. 1881. № 1753. 14 января.

³ Там же.

⁴ Там же.

роду никакой пользы, женское образование не несет в себе ничего, кроме вреда и т. д.

Одной из «излюбленных» тем являлось описание многочисленных случаев крестьянской «испорченности» (пьянство, бездельничанье, неподчинение законам), которая напрямую якобы вытекала из того, что крестьянина перестали сечь. Необходимо к этому вернуться и он снова превратится в прекрасного человека, каким он был во времена крепостной зависимости. Такого рода публикации были рассчитаны, прежде всего, на тех, кто желал вернуть прежние времена, кто понес ощутимые потери в результате проведенных в России в 1860-х – 1870-х гг. реформ.

«Берег», по определению редакции «Нового времени», «не напечатал ни одного документа, ни одной статьи, на которые можно было бы смотреть, как на имеющую какую-нибудь политическую важность. Впрочем, раз это случилось, но документ этот был... программа революционного комитета, прямо перешедшая из тайных листков на страницы официальной газеты. В другой раз «Берег» обратил на себя внимание тем, что нарушил один из циркуляров министра внутренних дел и был за это на неделю приостановлен»¹. В своем письме в «Новое время» А. Дьяков говорил о довольно большом числе подписчиков газеты – 2500 человек, однако начальник Главного управления по делам печати Н. С. Абаза в своем письме М. Т. Лорис-Меликову говорил о том, что газета не имела и 700 подписчиков².

После закрытия издания П. П. Цитовича вызывали в полицию по делу о растрате казенных денег, но дело замяли, и он благополучно отбыл на жительство во Францию.

История с этим изданием вызвала широкий общественный резонанс. Рассуждения касались в целом проблемы создания подконтрольной прави-

¹ Как утопили «Берег»? // Новое время. 1881. № 1753. 14 января.

² Письмо Н. С. Абазы – М. Т. Лорис-Меликову // РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 37 об.

тельствственной печати¹, казенных расходов на такие несостоятельные проекты². В целом же имя Цитовича приобрело нарицательный характер. Например, в журнале «Слово», в статье, получившей название, применительно к национал-патриотам: «Должны вы также знать, что от вас отшатнулись и все деятели нашей науки – и университетской, и вольной. Правда, в университетах заводятся у нас такие идеалисты, как Одесский профессор Цитович. <...> Но и тут вам нельзя действовать вполне прямолинейно, как бы следовало честным публицистам. Вы как будто бы негодуете на обскурантизм подобных Собакевичей, вы язвите их, правда, слегка, но все-таки язвите. Напрасно, вам бы следовало заботиться о приобретении таких профессоров в кадры ваших главных застрельщиков»³. «Отечественные записки» о субсидированном издании отзывались исключительно в уничижительных тонах: «Топорно-грубый и неумелый "Берег", начиненный обычной доносительской дребеденью»⁴.

С изданием «Берега» связана еще одна история, которая дает представление о том, за что периодические издания могли получить предостережение. Еще до выхода этого издания, 23 января 1880 г. в московской газете «Современные известия» была опубликована корреспонденция из Одессы, в которой говорилось о том, что бывший профессор здешнего университета Цитович покидает Одессу и уезжает в Петербург, где по приглашению Комитета министров будет издавать всеобщую русскую газету «Берег». «Правительство, как говорят, выдала ему на первых порах в субсидию 100000 рублей, открывая для него все портфели министров для всестороннего их разбора и будет способствовать распространению газеты во всех своих учреждениях...»⁵

Министр внутренних дел Л. С. Маков, которому немедленно была предоставлена эта заметка, направил в Главное управление по делам печати ре-

¹ Как утопили «Берег»?

² Во что обошёлся казне «Берег» // Современные известия. 1881. № 21. 22 февраля.

³ Нашим национал-либералам. (Письмо со стороны) // Слово. 1879. Февраль. С. 9.

⁴ Современное обозрение // Отечественные записки. 1880. № 10. С. 199.

⁵ Там же. № 22. 23 января.

золюцию: «Оставить без внимания эту статью решительно нельзя. На каком основании здесь упомянут Комитет министров? <...> Это верх неприличия, и мне кажется, что если редактор не укажет, от кого он получил эти сведения или не даст удовлетворительного объяснения насчет известного ему одному положения Комитета министров, то следует наложить взыскание на газету»¹. Издателю-редактору «Современных известий» Н. П. Гилярову-Платонову, который когда-то сам служил цензором, пришлось не только дать объяснения, но и напечатать в своей газете 29 января 1880 г. опровержение. Зато официальное взыскание не было наложено.

Статья, за которую «Новое время» получило 2 октября 1880 г. второе предостережение, называлась «По поводу одного обеда». Это было первое предостережение, полученное периодическими изданиями в период пребывания Н. С. Абазы в должности начальника Главного управления по делам печати, поэтому к этой статье было приковано всеобщее внимание. В 1880 г. «Новое время» стало самой читаемой газетой и действия против нее также требовали определенной решительности со стороны цензурного органа. Наконец, полученное газетой взыскание должно было ответить на вопрос о том, насколько новые веяния изменили существующий цензурный режим.

Практически все из этих вопросов имели отрицательные ответы. Исключением было только то, что весьма умеренная по своим политическим взглядам газета обрушилась с резкой критикой на Министерство финансов, что, вероятно, в любое другое предшествующее этому событию время было недопустимо.

Странное название статьи было связано с подготовкой одесскими купцами обеда по подписке в честь ожидаемого в Одессе министра финансов, Самуила Алексеевича Грейга, который занимал эту должность с 1878 г. Один из представителей консерваторов в составе Комитета министров, он отличался самоуверенностью, по бытовавшему мнению, являлся одним из наиболее слабых министров финансов в России.

¹ РГИА. Ф 776. Оп. 6. Ед. хр. 418. Л. 13.

«Новое время» заговорило об этом обеде в связи с финансовым положением, которое выглядело далеко не лучшим образом. Газета соглашалась с тем, что С. А. Грейг принял тяжелое наследие от своего предшественника: огромный дефицит, чрезмерные расходы, устаревшая совершенно неудовлетворительная налоговая система, государственный банк, требовавший реформирования, избыток кредитных билетов и низкий их курс, торговый баланс не в пользу России и т. д.

Однако прошло уже три года с момента занятия новым министром его должности и российское общество имело полное право обратиться к Министерству финансов и спросить, что сделало оно за то время, которое прошло с момента ухода М. Х. Рейтерна?

Далее «Новое время» приступило к самостоятельному анализу этой деятельности. «Пессимисты говорят: если дефицит пополнился то помимо усилий Министерства финансов, а от прироста питейного и таможенного дохода»¹. Правда, министерство «сочинило кое-какие новые налоги, но эти налоги только поразили своей оригинальностью»; они дополнительно обложили водку и до того обложенную, страхование, хлопок, т. е. рубашку мужика, пассажирские билеты, усложнив тем самым отхожие промыслы. При этом, утверждал автор статьи, пессимисты не уверены, что дефицит сократился, поскольку «фабрика кредитных билетов работает денно и ночью».

Министр финансов настоял на учреждении комиссии по сокращению государственных расходов. Однако эта комиссия не собиралась уже полтора года, а до этого не сократила расходов ни на одну копейку. Министерство финансов образовало также комиссию для преобразования подушной подати, она уже спроектировала «какой-то личный налог», т. е. ту же подушную подать, но в худшем виде. Зато от подоходного налога комиссия решила освободить подземельную и городскую недвижимую собственность, т. е. $\frac{9}{10}$ бо-

¹ По поводу одного обеда // Новое время. 1880. № 1649. 30 сентября.

гатства России. Опять же «соляной налог не отменяют, а справедливейший налог с добычи золота почему-то не восстанавливают»¹.

Газета также утверждала, что Государственный банк находится в зависимости от Министерства финансов и до тех пор, пока эти отношения будут сохраняться, все финансовые реформы в России будут тщетными. «Одно право бесконтрольного выпуска кредитных билетов чего стоит!»²

«Новое время» иронизировало по поводу Евгения Ивановича Ламанского, который на протяжении двадцати лет распоряжался делами Государственного банка. Публицист привел выдержки о нем из одной газеты, описывавшей его катание на тройках. «По Стрельне на таких тройках ездит, что страшно делается. Сегодня черная, завтра серая, послезавтра караковая, там буланая³ и т. д. Кучер на козлах в шелковой рубаше, в бархатной безрукавке, сапоги лакированные, пояс золоченый и т. д.»⁴ «Новое время» утверждало, что за двадцать лет Е. И. Ламанским ничего не сделано для улучшения денежной системы, «напротив того, государственным банком сделано очень много для ухудшения вексельного курса»⁵.

Далее речь шла о невыгодном торговом балансе, который «зависит более всего от курса, как курс в свою очередь от баланса. Теперь мы за всё заграничное платим вдвое, своё собственное отдаем в полцены, таможенный тариф наш – верх несообразности. Под видом покровительства он лупит одним концом по потребителю, другим по производителю, не обогащая казначейство»⁶. Газета также констатировала, что за три года ничего не было сделано для создания новых отраслей промышленности в России, не было осуществлено крупных государственных сооружений. Всё это, по словам «Ново-

¹ По поводу одного обеда // Новое время. 1880. № 1649. 30 сентября.

² Там же.

³ Караковая – черного окраса с рыжими или коричневыми подпалинами, буланая – светло-желтая, с черным хвостом и гривой. – **В. Р.**

⁴ По поводу одного обеда // Новое время. 1880. № 1649. 30 сентября.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

го времени», говорят пессимисты, а оптимистов просто напросто вообще не было.

Выдача предостережения за статью в «Новом времени» была предопределена не только резкостью высказываний о финансовом состоянии страны и нападками на двух влиятельных чиновников, но и тем, что буквально неделю назад до этого события, 23 сентября 1880 г., последовало циркулярное сообщение редакторам периодических изданий о недовольстве Александра II по поводу появления в печати «резких суждений» о высших правительственных учреждениях России¹. Пренебречь этим распоряжением не могли Н. С. Абаза, ни М. Т. Лорис-Меликов. Однако и эта ситуация всё же отличалась от предшествующей практики выдачи цензурных взысканий, поскольку периодические издания взялись обсуждать произошедшее, что ранее было чревато последствиями.

«Новое время» воспроизвело фрагменты этих обсуждений, акцентируя свое внимание на публикациях в «Молве» и «Голосе». «Молва» заявляла: «Характернее всего, что первое по возобновлении "предостережение" явилось по отношению к той газете, которая в недавно прошедшие, самые тяжкие времена русской печати, пользовалась особым покровительством, рекомендовалась другим изданиям, как назидательный пример "откровенного служения и нашим, и вашим", и счастливо избавлялась от административных преследований, градом сыпавшихся на все другие, даже самое осторожное журналы и газеты»². При этом газета отмечала, что она вполне согласна с прежними методами ограничения печати, если они делаются открыто, а не в виде «тайных предостережений и внушений».

Автор публикации в «Новом времени» высказался резко в отношении «Молвы», которая, по его утверждению «сидела, вечно поджав хвост, никаким административным карам не подвергалась и начала болтать только то-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 6. Ед. хр. 392. Л. 7.

² Среди газет и журналов // Новое время. 1880. № 1657. 8 октября.

гда, когда узнала, что может это делать вполне безопасно»¹. Примечательно отношение газеты к полученным предостережениям и запретам на розничную продажу. Вызванные неудовольствием властей, обвинявших издание во «вредном направлении», они в журналистской среде представлялись как «шрамы», как «послужной список», украшавшие орган печати.

Газета «Голос», суждение которой также было приведено в этой публикации, задавался вопросом о том, «можно ли будет, оставаясь при старом законодательстве, остановиться на мерах мягких, не прибегая к более крутым?»² Ответ был, разумеется, отрицательным. Более того, публицист издания высказал свое видение причин предостережения, выданного «Новому времени»: «Если для печати существуют "независящие обстоятельства", то они существуют также и для администрации и вызываются силой вещей. Наклонная плоскость административных взысканий так поката, что, сделав один шаг, нельзя впоследствии не сделать второго и третьего»³.

Газета была убеждена, что следующий этап, в который вступала страна, потребует активного участия печати, которая на этом пути, наверняка, будет «несвободна от некоторых увлечений», поэтому и власть, и пресса нуждаются в более прочных гарантиях, «закрывающихся в хорошо составленном уголовном кодексе, применяемом независимым и авторитетным судом»⁴. «До сих пор оно [правительство] искало этих обеспечений [от вредных последствий] в карательной власти самой администрации. Опыт показал, что власть эта ничего не обеспечила, установив только крайне ненормальное отношение печати к администрации и заставив общество с удивлением смотреть на быстрый рост карательных мер. Не время ли обратиться к иной системе, более согласной с пользою дела?»⁵ – задавалась вопросом газета.

¹ Среди газет и журналов // Новое время. 1880. № 1657. 8 октября.

² Там же

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Таким образом, среди мероприятий, которые были направлены на восстановление порядка в стране, наряду с репрессивными мерами, присутствовал ряд уступок обществу, направленных на смягчение обострившихся противоречий. Среди этих мероприятий были и те, которые касались цензурных ограничений. В 1880 г. с точки зрения раздачи предостережений в значительной мере отличался как от предшествующего, так и последующего годов. В это время было выдано лишь пять таких видов административных наказаний столичным изданиям: одному журналу «Слово», и четырем газетам «Русская Правда», «Русский курьер», «Молва», «Новое время».

Очевидные изменения в цензурной практике породили надежду если не на отмену, то, по крайней мере, на существенное сокращение использования на практике системы административных взысканий. Вместе с тем, по словам начальника Главного управления по делам печати Н. С. Абазы: «Год этой деятельности доказал, что переход от системы административных кар к дарованию большей свободы печатному слову, не успел улучшить положение нашей печати, далеко еще не установившийся, он ознаменовался другим, весьма существенным результатом – русское общество не удовлетворяется более общими местами и устоями, проводимыми в печати, оно отвратилось от печати бессодержательной, вредной по-своему отрицательному направлению, перед которой прежде преклонялось, в нем проявляется потребность в печати разумной, патриотической, преданной интересам государства, способной знакомить страну ее действительными нуждами и облегчать заботы правительства о справедливом удовлетворении их. Разительное падение подписки на такие газеты и журналы, как «Молва», «Русский курьер», «Слово» и др. служит тому доказательством»¹.

¹ Письмо Н. С. Абазы – М. Т. Лорис-Меликову // РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 35-36.

3.3. Цензурные предостережения на новом витке восстановления административно-репрессивной системы в 1881 г.

Незадолго до своей отставки 5 апреля 1881 г. «по состоянию здоровья», состоявшейся на месяц раньше ухода с поста министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова, Н. С. Абаза, в письме от 29 марта 1881 г. отмечал: «В настоящие дни общей скорби и тревоги высказываются два мнения: одни требуют беспощадного применения административных кар, которое повело бы к закрытию большинства газет, другие высказываются в пользу подкупа. Первого я никогда не посоветую, за второе не взялся бы»¹.

Освобождение прессы от «административного усмотрения» и освобождение администрации от необходимости регулировать «наименее всего на свете поддающееся регуляции печатного слова» было видимым желанием Н. С. Абазы, при котором прежняя цензурная система сохранялась, но использовалась гораздо реже и мягче. За время пребывания Н. С. Абазы в должности начальника Главного управления по делам печати последовало 3 запрета на розничную продажу периодических изданий, было выдано 7 предостережений, последовало 3 приостановки, прекращено издание газеты «Правда», а журнал «Фаланга» прекращен по распоряжению главноначальствующего на Кавказе². Следует все же отметить, что при этом у печати были надежды на скорые более существенные изменения законодательного порядка.

Трудности для российской прессы вернулись с приходом нового министра внутренних дел и начальника Главного управления по делам печати. Надежды на изменение законодательства в лучшую для печати сторону становились все более призрачными. С 5 апреля 1881 г. исполняющим обязанности начальника Главного управления по делам печати был назначен сын Петра Андреевича Вяземского, возглавлявшего цензурное ведомство в 1856–

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 38 об.-39.

² Подсчитано по: *Патрушева Н. Г.* Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865 – 1905 гг. Система административных взысканий. С. 160-162.

1858 г. Историк литературы, палеограф Павел Петрович Вяземский в конце 1850-х гг. занимал должность помощника попечителя Петербургского учебного округа, затем возглавлял Казанский учебный округ. В 1862 г. перешел на службу в Министерство внутренних дел, а 27 июня 1873 г. был назначен председателем Комитета цензуры иностранной в Санкт-Петербурге. Таким образом, к моменту назначения на должность начальника Главного управления он обладал некоторым опытом цензурной работы¹.

В своих воспоминаниях цензор А. Е. Егоров отмечал, что должность председателя Комитета цензуры иностранной представляла собой «род синекуры» и не требовала больших трудов, поэтому замещалась она обычно лицами, имевшими связи в высших сферах. Князь П. П. Вяземский, жена которого, гофмейстерина, пользовалась особенным уважением Александра II, оказался на этой должности именно благодаря протекции².

Сложнее сказать о причинах назначения князя главным цензором страны. Его биографы были единодушны в том, что «самое назначение его на этот пост, в самом начале нынешнего царствования, было неожиданностью»³. Например, издатель газеты «Неделя» отмечал, что он «человек очень добрый, но не отличавшийся деловитостью и, кажется, мало подходивший к своему месту»⁴. Определенное видение произошедшего, высказал в своих записках, изданных в год назначения на эту должность П. П. Вяземского, П. Н. Петров, который утверждал, что «от просвещенного взгляда князя П. П. Вяземского на цель цензуры, печать наша может ожидать мероприятий благодетельных, при неуклонной справедливости»⁵. Однако вызывает сомнение то обстоя-

¹ Цензоры Российской империи. Конец XVIII – начало XX века. Библиографический справочник. СПб., 2013. С.132.

² Комитет цензуры иностранной в Петербурге, 1828–1917: док. и материалы / сост. Н. А. Гринченко, Н. Г. Патрушева; науч. ред. Д. И. Раскин. СПб., 2006. С. 203.

³ Шереметев С. Д. Князь Павел Петрович Вяземский. Воспоминание 1868–1888. СПб., 1888. С. 13.

⁴ Гайдебуров П. А. Из прошлого «Недели». (Несколько личных воспоминаний) // Книжки «Недели». 1893. № 3. С. 24.

⁵ Князь Павел Петрович Вяземский / П. Петров. СПб.: Тип. И. Габермана, 1881. С. 4-5.

тельство, что вскоре после смерти Александра II претендента на должность главного цензора страны рассматривали именно с этих позиций.

Не раскрывает смысла этого назначения в своих воспоминаниях, хорошо знавший князя И. А. Шляпкин. Он отмечал, что «события текущей жизни 80-х годов, как мне казалось, занимали князя мало и, конечно, не удовлетворяли его представлению о настоящей "русской" жизни, противоречили быломu России. Всего себя князь отдал своему излюбленному детищу Обществу Любителей Древней Письменности»¹. Автор воспоминаний также отмечал, что «о своей деятельности начальника по делам печати князь говорил с неудовольствием и редко»². Князь вообще мало интересовался современной ему литературой, жил прошлым, «где над всем и всеми царил Пушкин» и «явлениями окружавшей его жизни мало останавливали на себе его внимание, у него не было к ним ни малейшего чутья...»³

Впрочем, есть один пункт записок И. А. Шляпкина, который может содержать ответ на интересующий вопрос о причинах назначения П. П. Вяземского. Он отмечал, что «задачи Общества (*любителей древней письменности*. – В. Р.) князь понимал очень широко: главная цель его – служить историческим основам русского мировоззрения, будить заснувшее русское историческое самосознание»⁴. Вступившему на российский престол Александру III такая позиция была близка, устраивала она и окружение императора, в частности ближайшего советника, обер-прокурора Святейшего Синода Константина Петровича Победоносцева, который не сомневался в значительной роли периодической печати в общественно-политической жизни страны.

Биографы П. П. Вяземского сходились во мнении, что чертам его характера была присуща доброта, мягкость, большая терпимость, которые контрастировали с задачами, стоявшими в то время перед управлением цензу-

¹ Шляпкин И. Воспоминания. Сборник в память князя Павла Петровича Вяземского. СПб.: типография И. Н. Скороходова, 1902. С. 46.

² Там же.

³ Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). М.: Новости, 1991. С. 214

⁴ Шляпкин И. Воспоминания. С. 46.

рой, но зато позволяли при помощи регулярных подсказок и наставлений принимать вполне суровые меры в отношении печати. Примером давления обер-прокурора на начальника Главного управления по делам печати может служить письмо К. П. Победоносцева по поводу статьи в газете «Современные известия» от 10 мая 1882 г., в которой обер-прокурор назвал печать «злом непомерным» и упрекал П. П. Вяземского в том, что уже «газета вызывает к правительству с мольбою о строгости!»¹

Косвенным доказательством могут служить дневниковые записи К. П. Победоносцева, которые он вел на протяжении многих лет. Пометки содержат очень короткое описание важнейших событий. Так, на весь 1879 г. ушла всего одна страница, но даже там содержится запись, посвященная печати, во временном промежутке между 1 января и 10 февраля: «Распушенность печати. Возмутительные статьи Голоса (*подчеркнуто в тексте. – В. Р.*)»². Другая запись относится ко 2 апреля того же года: «Неистовство печати. Н. С. Абаза нач-к Гл. Управл.»³. Зато в другие годы записи о проблемах печати выглядят гораздо спокойнее. Например, в 1884 г.: «Апрель. Закрыты Отеч. Записки»⁴.

В своих письмах к министру внутренних дел и к начальнику Главного управления по делам печати К. П. Победоносцев был по-прежнему категоричен в оценках отечественной печати, но он, вероятно, считал, что может, в отличие от предыдущих лет, влиять на ход ее развития. Пребывание П. П. Вяземского на посту руководителя цензуры давало эту уверенность. Павел Петрович с готовностью выполнял поступающие предписания, предостережения газетам и журналам сыпались как из рога изобилия, запрещались как периодические издания, так и отдельные книги. С 5 апреля 1881 г. по начало 1883 г. на разные сроки 13 раз запрещалась розничная продажа периодиче-

¹ Письмо К. П. Победоносцева к П. П. Вяземскому (начальнику Главного управления по делам печати) о статье в газ. «Современные известия» и о желательности усиления цензурных строгостей к газетам // РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Ед. хр. 245.

² РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 12 об.

³ Там же. Л. 12 об.

⁴ Там же. Л. 15.

ских изданий, 14 раз выдавались предостережения, осуществлено 7 приостановок, один раз было запрещено помещение в издании частных объявлений¹. Так продолжалось до тяжелой болезни Вяземского, которая не предполагала быстрое выздоровление.

Его преемник на посту начальника Главного управления по делам печати Е. М. Феокистов вспоминал о полученной от министра внутренних дел Д. А. Толстого записке следующего содержания: «Князь Вяземский по болезни оставляет службу в Министерстве внутренних дел, и я спешу предложить Вам должность начальника Главного управления по делам печати, будучи убежден, что Вы вполне соответствовали бы этому назначению, и, полагая, что этот род занятий согласен с вашими вкусами и взглядами»². С 1 января 1883 г. по 8 февраля 1896 г. продолжался длительный период (тринадцать с половиной лет) господства над российской печатью Евгения Михайловича Феокистова – бывшего сотрудника журналов «Современник», а затем и «Отечественных записок», закрытых при нем в 1884 г.

Убийство Александра II резко изменило ситуацию, в которой находилась периодическая печать и уже 4 марта 1881 г. от имени М. Т. Лорис-Меликова были объявлены предостережения газетам «Страна» и «Голос» за призыв к созданию таких «органов общегосударственной жизни, перед которыми исполнители ответственны»³. Следует согласиться с мнением исследователя А. В. Луночкина, который утверждал, что эти действия министра внутренних дел не означали, что он прекратил сотрудничество с прессой и перешел в наступление на либеральные издания. В напряженной ситуации начала марта 1881 г. М. Т. Лорис-Меликову, вероятно, необходимо было

¹ Подсчитано по: *Патрушева Н. Г.* Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий. С. 161-172.

² *Феокистов Е. М.* За кулисами политики и литературы (1848–1896). С. 214.

³ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Ед. хр. 101. Л. 156.

«охладить страсти, бушевавшие на страницах газет, поэтому наказаниям подвергались издания без различия их политической направленности»¹.

Для «Страны» это было уже второе предостережение в 1881 г. Еще до покушения на Александра II газета получила первое предостережение, выданное ей министром внутренних дел 16 января с туманной формулировкой: «...по поводу помещенной в № 7 газеты "Страна" передовой статьи».

«Страна» Леонида Александровича Полонского, который до этого на протяжении двенадцати лет вел в журнале «Вестник Европы» «внутреннее обозрение», начала издаваться с января 1880 г. Газета полностью поддерживала начинания М. Т. Лорис-Меликова и высказывала убеждение, что он пойдет дальше своих устных заявлений, сделает больше для печати. После многочисленных предостережений газета была отдана под предварительную цензуру, и в январе 1883 г. прекратила свое существование.

Передовая статья в № 7 от 15 января 1881 г рассказывала о том, что далеко в Восточной Сибири, в Якутской области есть «призрак города» – Вилюйск и в нем «скрывается пример несправедливости, жертва реакции», лишенный почти всех условий человеческого существования, Н. Г. Чернышевский. Газета отмечала, что суд над ним был негласный, не похожий на последовавшие многочисленные политические процессы, улики «были слабы» и осужден писатель за свои статьи, да еще и «напечатанные с одобрения цензуры»².

Автор статьи напоминал, что «настало время умиротворения; время, когда сама власть признала, что она могла быть введена в заблуждение реакцией, преследовавшей свои особенные цели...»³. Он напоминал, что «теперь хотят излечить зло, в то время посеянное. Но надо лечить его в самых его корнях. И теперь еще не поздно – благо университеты все еще существуют в

¹ Луночкин А. В. От сотрудничества к конфронтации: газета «Голос» и цензура (1863–1883) // Цензура в России: история и современность. Сб. научных трудов. СПб., 2001. Вып. 1. С. 88.

² Страна. 1881. № 7. 15 января.

³ Там же.

России, и благо Чернышевский все еще жив <...> не поздно еще поправить дело, насколько возможно, умиротворить общество, начав сначала»¹.

Газета справедливо считала, что возвращение в общество этого сломленного жизнью старика, арестованного еще в 1862 г. и сосланного на каторгу в 1864 г., могло считаться безвредным с любой точки зрения, поэтому предлагала простить его или хотя бы облегчить его участь. «"Умиротворение" есть излечение зол, исправление тяжелых "прежних ошибок" – таково должно быть сознание современных политических людей. Милосердие есть лучший перл в царском венце – таково может быть сознание Царя, желавшего освободить Россию от давнишней, вековой неволи...»², – этими словами завершалась статья. М. Т. Лорис-Меликов, по-видимому, колебался, но, в итоге, через несколько дней «Стране» было дано первое предостережение³, которое, как уже отмечалось, стало последним перед покушением на Александра II 1 марта 1881 г.

После убийства императора правительство находилось в некоторой растерянности, зато печать, почувствовавшая некоторую свободу в течение предыдущего года, неожиданно смело объясняла события 1 марта 1881 г. не только ошибками правительственной политики, но даже общими условиями государственного строя России. Практически, со страниц газет звучали даже требования Конституции, содержащиеся в рассуждениях о необходимости освобождения императора от значительной доли ответственности в глазах населения.

К этим общим для части периодических изданий настроениям присоединилась и газета «Страна». В передовой статье, опубликованной 3 марта, говорилось о смерти Александра II в результате покушения. Газета выступила с резким осуждением людей, которые считали себя «не связанными никакими нравственными узами с русским обществом и народом», и не остано-

¹ Страна. 1881. № 7. 15 января.

² Там же.

³ Там же.

лись перед использованием самых возмутительных средств, убив царя. Автор статьи был убежден, что их дело «не избегнет самого беспощадного приговора как в родной стране, так и во всем образованном мире»¹.

Далее газета задалась вопросом «Что же делать теперь?» Один из путей, который напрашивался в этой ситуации, был уже многократно проверен: устранить систему «умиротворения» и «новых веяний», которые оказались бессильны предупредить катастрофу; объявить осадное положение; усилить надзор; ограничить всякие права; возобновить ссылки массами. Газета утверждала, что этот путь безнадежный, бесплодный, он связан массой обманувшихся третьестепенных расчетов: «неудачей князя Василия Долгорукова, неуспехом графа Петра Шувалова, бесполезным террором генерала Меженцева»².

Далее автор статьи отмечал, что есть такие моменты в жизни народов, когда «затруднительно перед страшным злодейством, перед возмущающей душу угрозой делать какие-либо уступки», а далее следовала фраза, которая была отмечена в министерском отчете о взыскании: «Чрезвычайные обстоятельства оправдывают искреннее слово, хотя бы оно и казалось выходящим из намеченных граней. Нет иного выхода, как уменьшить ответственность Главы государства, а тем самым – и опасность личности ему угрожающую от злодеев-фанатиков»³.

Следующий вопрос и ответ на него содержался в заключительной части статьи: «Почему же всякая ответственность за все, что делается на Руси, за ошибки экономические из-за разочарования нравственные <...> за всё неприглядное, одним словом, должно ложиться лично на одного Вождя русского народа»? Надо, чтобы основные черты внутренних политических мер внушались представителями русской земли, а потому и лежали на их ответственности. А личность русского царя пусть служит впредь только светлым, всем со-

¹ Страна 1881. № 27. 3 марта.

² Там же.

³ Там же.

чувственным символом нашего национального единства, могущества и дальнейшего преуспевания России»¹. В распоряжении министра внутренних дел причина взыскания была изложена кратко: «Принимая в соображение, что передовой статье № 27 газета "Страна", будто бы оправдывающие выход "из намеченных граней"»².

Получившая в тот же день предостережение газета «Голос», в передовой статье в № 63 задавался вопросом, связанным с новым царствованием: «Куда же идти нам?» На взгляд автора публикации, страна шла «путем реакции», из-за которой «нажили себе крамолу», правда, за последний год произошли изменения, «жить стало легче», «но ростки, насажденные долгим периодом господства людей, враждебно относившихся к освободительным началам, которые внесены были в наше законодательство покойным Государем, продолжали делать свое губительное дело»³.

Далее публицист «Голоса» сослался на статью в № 27 «Страны», за которую та получила предостережение, процитировав ее ключевые положения. Автор не только выразил свое полное согласие с приведенными выдержками, но и пошел в своих рассуждениях дальше, говоря о необходимости создания представительного учреждения: «Разделение ответственности за государственные меры между ближайшими советниками и исполнителями державной воли было бы только первым шагом к выходу на правильный, спокойный путь государственной жизни. Этот шаг непременно обуславливает дальнейший – установление тех органов общественно-государственной жизни, пред которыми исполнители ответственны»⁴.

Таким образом, по общему впечатлению, эти две газеты были наказаны в назидание другим, они высказывались не более смело, чем другие, но Министерство внутренних дел спешило установить общие принципы дозволенности высказываний в периодических изданиях. В подтверждение тому

¹ Страна 1881. № 27. 3 марта.

² Правительственный вестник. 1881. № 49. 5 марта.

³ Голос. 1881. № 63. 4 марта.

⁴ Там же.

Главное управление по делам печати в тот же день разослало по всем газетам и журналам, которые выходили без цензуры, специальный циркуляр следующего содержания: «Некоторые органы печати, ссылаясь на чрезвычайные обстоятельства, позволяю себе помещать статьи, в которых выражают вполне неуместные суждения о необходимости изменения нашего государственного строя, а также высказывают сомнения в недостатке истинного патриотизма в высших слоях общества, будто бы равнодушного к интересам народа. Принимая в соображение, что чрезвычайные обстоятельства именно обязывают печать к особой сдержанности в суждениях, дабы не усиливать смуты, Главное управление по делам печати, по поручению министра внутренних дел на основании статьи 56 цензурного Уст. предупреждает, что на будущее время помещение статей подобного содержания неминуемо повлечет за собой принятие меры взыскания, указанный в приведенной 56 ст., т. е. приостановление издания»¹.

Для всех эти действия были неожиданными, поскольку по-прежнему М. Т. Лорис-Меликов находился на посту министра внутренних дел, а начальником Главного управления по делам печати оставался Н. С. Абаза. С ними все связывали ослабление цензурного гнета, но именно они встали на путь активного давления на печать. Более того, предостережениями и циркулярными запретами, произошедшими 4 марта дело не закончилось. Уже 16 марта за нарушение распоряжения 4 марта газеты «Молва» и «С.-Петербургские ведомости» были приостановлены без предварительных предостережений на месяц. Через неделю последовала приостановка на восемь месяцев «Смоленского вестника», причем это наказание даже не получило официального объяснения, а затем и почти все последующие наказания также не мотивировались, т. е. упоминалось только «вредное направление».

Газета «Молва» призывала в своей передовой статье в № 72 к неуклонному следованию путем строгой законности, предоставлению обществу дос-

¹ Русская пресса и цензура. Материалы для характеристики положения русской прессы. С. 34-35.

таточно широкого права самоуправления, которое, по мнению автора статьи, будет способствовать укреплению солидарности между земствами и верховной властью. При этом газета настаивала на необходимости не только решения вопроса о внутреннем порядке, но и связанных с ним проблем хозяйственно-экономической жизни. Например, «необходимо создать устойчивую денежную единицу, поднять и развить торговлю и промышленность, соразмерить подати и повинности с доходами населения. <...> Нужно вывести из употребления лебеду и прочие суррогаты, отнимающие у хлеба даже право на название хлебом»¹. Примечательно, что большинство выдвинутых предложений было сделано со ссылкой на газету «Русский курьер», что, впрочем, не сняло ответственности самой «Молвы».

В конце передовой статьи автор публикации выдвинул свой рецепт необходимых мер для решения поставленных задач: «...необходимо расширение сферы самоуправления, так, чтобы само общество было охранителем общественного порядка и безопасности и несло в этом отношении полную ответственность перед Верховной властью и населением государства – чтобы общество имело полный простор почину и самостоятельности и, в силу этого, само отвечало бы за все те экономические невзгоды, которые, по тем или другим причинам, могут выпасть на его долю»². В этих словах Совет Главного управления по делам печати увидел очередную попытку нарушения циркуляра от 4 марта 1881 г. за № 947, запрещавшего высказывать неуместные суждения о необходимости изменения государственного строя. Газета также регулярно высказывалась о влиятельных консервативных силах, находившихся как в высших эшелонах власти, так и в среде редакторов периодических изданий.

В передовой статье следующего, 73 номера, «Молвы» подводились итоги деятельности Александра II, похороны которого проходили 15 марта 1881 г. Автор публикации отмечал, что «природа» убитого царя была «мяг-

¹ Молва. 1881. № 72. 14 марта.

² Там же.

кой и впечатлительной, воля его была колеблющаяся», а каждый шаг «на его трудном пути вызывал вокруг него упорную и ожесточенную борьбу противоположных интересов». «Вокруг него в одно и то же время и возносились к небу благословения освобожденных крестьян, и шипела злоба и ожесточение тех, кто считал себя этим освобождением умаленным и обделенным. Но благословения высказывались и умолкали, а злоба и ожесточение настойчиво и упорно продолжали шипеть и подпиливать значение и объем достославного царского подвига»¹ Автор статьи отмечал, что периодически возникавшие в период правления Александра II трудности, нерешенные задачи регулярно выступали в качестве предлога, чтобы «рассвирепевшей уже реакционной клике оскалить зубы...»²

Наконец в своем обзоре за неделю газета «Молва» отмечала, что «в истекшие семь дней признаки наступления нового реакционно-охранительного умоиступления в нашей публицистике превратились в несомненное явление»³. В первые дни после катастрофы 1 марта, по мнению газеты, ярко выраженные консервативные издания охранительного направления выжидали и следили за первыми шагами официальной власти. Толчком к активизации послужило предостережение, данное двум петербургским газетам – «Стране» и «Голосу». «Молва» отмечала, что хотя были указаны мотивы, за которые последовало наказание, факт того, что взыскание было наложено за те «мысли и советы», которые много раз высказывались «и в печати, и в земских, и дворянских собраниях в течение последних месяцев минувшего царствования» этого было достаточно, чтобы сдерживавшие себя консервативные силы, существовавшие в российской прессе, резко активизировались. Именно этим можно объяснить те статьи, заявления, письма, охранительные проекты и призывы к насилию, которыми была богата минувшая неделя, обозреваемая в газете.

¹ Молва. 1881. № 73. 15 марта.

² Там же.

³ За неделю // Молва. 1881. № 73. 15 марта.

«Уж один проект возвращения к «Московскому периоду» и уничтожению двухвековых трудов многих поколений, направленных к общению России со всем образованным человечеством, – радикальнее самых смелых разрушительных стремлений. Было бы непростительно, если бы этой "белой коммуне" удалось, хотя на некоторое время восторжествовать и снова начать свою разрушительную работу, предел которой начали было полагать последние месяцы прошлого царствования, во многом напоминавшие первые, нерешительные шаги к реформам после Крымского разгрома и многолетнего застоя!»¹.

Статья в «С-Петербургских ведомостях», послужившая основанием для приостановки на месяц, называлась «Впечатления и скорбные думы офицера по поводу рокового события 1 марта». В ней подробно описывается день смерти Александра II, ощущения московского офицера, прибывшего в столицу в командировку по служебным делам, постепенно узнававшего подробности события. Говорилось о том, как он не хотел верить в произошедшее, ненавидел убийц, в которых нет ничего святого, а в конечном итоге задается вопросами: «Отчего же ничего подобного немислимо в наземных царствах? Да потому, что там охрана государства и главы его устроена несколько иначе»².

Дальнейшие рассуждения и послужили основанием для цензурного преследования статьи. Автор ее от лица офицера-артиллериста принялся рассуждать о том, что «все эти Каракозовы, Соловьевы, Гартманы, Рысаковы и проч. – это ничтожество наёмщины...», но есть некое более существенное зло, к которому автор практически и обращался: «Скажите вы, стоящие у ступени трона, какие меры вы приняли для ограждения погибшего человеколюбивого императора Александра II? <...> Если вы действительно затрудне-

¹ За неделю // Молва. 1881. № 73. 15 марта.

² *Артиллерист*. Впечатления и скорбные думы офицера по поводу рокового события 1 марта // С.-Петербургские ведомости. 1881. № 72. 15 марта.

ны – знайте, что мы сумеем, если это нужно, пушками разбить лицемерие, продажность, крамолу...»¹.

Наконец, статья завершалась своеобразным призывом: «Государь! Обопрись на наши крепкие плечи, заслони свою священную особу нашими мощными грудями. Мы сумеем сберечь тебя. Нам не нужно материальное благосостояние, нам нужна только одна милость твоя, непоколебимая уверенность, что мы не пожалеем себя, мы принесем себя в жертву для твоего счастья и спокойствия»².

Главное управление по делам печати, представляя министру внутренних дел для подписи распоряжение о приостановке газеты на месяц, ручалось за ее достаточный патриотизм и благонамеренность. Однако высказанное в статье предложение опереться на крепкие плечи артиллериста и его товарищей, было принято цензорами за требование единения царя с народом и, следовательно, за «неуместное суждение о необходимости изменения нашего государственного строя».

Главное управление по делам печати 10 июля 1881 г., еще один раз подтвердило необходимость соблюдения предписание циркуляром от 4 марта «воздерживаться от всяких намеков на необходимость изменения нашего государственного строя, о Земском соборе, о центральных съездах представителей земства». Вероятно, периодическая печать, после приостановки «Молвы» и «С.-Петербургских ведомостей» и так усвоила для себя опасность рассуждений на эту тему, поскольку, по крайней мере, до конца года, если и позволяла себе рассуждения на подобную тему, то делала это очень осторожно, не подвергая себя наказаниям.

К концу марта 1881 г. трудные времена наступили не только для периодической печати, но и для цензурного ведомства. С 1881 г. в практике Главного управления по делам печати и Министерства внутренних дел появ-

¹ *Артиллерист*. Впечатления и скорбные думы офицера по поводу рокового события 1 марта // С.-Петербургские ведомости. 1881. № 72. 15 марта.

² Там же.

ляется большое количество общих и постоянных распоряжений, которые противоречили цензурному Уставу или, во всяком случае, были независимы от него и одновременно отменяли или подменяли закон о печати 6 апреля 1865 г. Появление этих предписаний было вызвано тревожными обстоятельствами того времени, но с течением времени их использование не только не было устранено из цензурной практики, но, наоборот, применялось все в больших и больших размерах.

Исследователи истории цензуры отмечали, что самый внимательный анализ циркуляров 1881 г. ничего не скажет о том, что в течение нескольких месяцев переменялось почти всё правительство. Насколько отличалось правительство по отношению к печати до 1 марта и после этой даты, настолько однородными были цензурные меры, принятые и Лорис-Меликовым, и Игнатьевым, и Абазой, и Вяземским.

По форме обращения циркуляры отличались разнообразием. В одних Главное управление по делам печати предупреждало редакции, что на будущее время помещение статей подобного содержания неминуемо повлечет за собой меры взыскания. В других она вежливо признает «желательным, чтобы наша пресса относилась с осторожностью» к таким-то вопросам. Были среди них и такие, которые по своей форме выглядели не как запрещение, а, скорее, даже разрешение: «...в настоящем существенно важном государственном вопросе г. министр считает необходимым предоставить печати всю ту долю свободы, какая необходима для всестороннего рассмотрения этого вопроса, и будет весьма сожалеть, если неуместные выходки некоторых органов печати заставят его прибегнуть к ограничению предоставленной свободы»¹, т. е. если печать отнесется к вопросу не так, как это было бы желательно министру.

Наконец, был еще один тип обращений, в которых Главное управление по делам печати «просило», иногда даже «покорнейше просило», а также «предписывало» строгим тоном «не сообщать никаких подробностей о про-

¹ Русская пресса и цензура. Материалы для характеристики положения русской прессы. С. 36-37.

цессе», «не перепечатывать корреспонденции» или прямо заявляло: «решено» или «признано настоятельно необходимым воспретить печатание» известий такого-то рода, или «оно не может быть впредь терпимо», «воспрещаются». «Воспрещаются всякие известия о выходе в отставку гр. Лорис-Меликова, Д. Милютина и А. Абазы как вместе, так и порознь»¹. Иногда считалось, что и «воспрещается» звучит не вполне убедительно, поэтому было определено следующим образом: «Безусловно, воспрещаются какие-либо сообщения и предположения о причинах самоубийства члена государственного совета, бывшего министра внутренних дел Л. Макова»².

В своем большинстве циркуляры не содержали объяснения причин, которые побудили Главное управление по делам печати издать то или иное распоряжение, но были случаи, когда давалось некоторое пояснение мотивов ограничений. Например, предписывалась «сдержанность в суждениях», чтобы не усиливать смуту, порожденную в обществе таким-то событием, или потому, что освещение каких-нибудь фактов в печати «вредно отзывается на следственных делах», или потому, что «обсуждение этого вопроса в печати, будучи основано на предположениях и догадках, не может принести пользу».

Одно из последних распоряжений Н. С. Абазы от 24 марта 1881 г. за № 396 полностью выходило за пределы той политики, которую он пытался проводить на протяжении последнего года. «Г. Начальник Главного Управления по делам печати признал необходимым обратить внимание Комитета вообще на необходимость в настоящее время особенно строгого отношения цензоров к исполнению возложенных на них обязанностей. Многие даже из тех недосмотров и цензурных промахов, которые до 1 марта были оставлены без последствий, при существующих условиях и настроении общества, могут повести к серьезной ответственности. В особенности ныне представляется необходимым, чтобы ни одна статья бесцензурных изданий, чем-либо выдающаяся и могущая обратить на себя внимание правительства и произвести бо-

¹ Самодержавие и печать в России / Под ред. С. А. Венгерова. С. 66.

² Там же.

лее или менее сильное впечатление на читателей, не проходила без доклада о ней г. Министру Внутренних Дел, хотя бы по ней, по мнению цензора, и не настояло необходимости принятия каких-либо мер взыскания. В этих видах Начальник Главного Управления по делам печати считает нужным подтвердить распоряжение о доставлении к нему подобных статей непременно в день их напечатания и по возможности как можно ранее»¹.

Как уже отмечалось, Н. С. Абаза 29 марта 1881 г. написал М. Т. Лорис-Меликову письмо с просьбой об отставке по состоянию здоровья с должности начальника Главного управления по делам печати. В нем он отмечал, что событие 1 марта «вынуждает» временно приостановить программу прежней политики относительно печати: «Правительство, не имея в своих руках никаких других средств для сдерживания печати в должных границах, кроме кары, обязано вести дело твердою рукою, имея в виду при первой возможности вновь возвратиться к прежней системе для правильного и успешного применения которой необходимо скорейшее утверждение пересмотренного закона о печати»². Александр III написал резолюцию на представленном ему письме Н. С. Абазы: «на увольнение Абазы согласен, но удивляюсь, что он выбирает для своей отставки именно то время, когда я объявляю о своем самодержавии»³. Похоже, новый император воспринял прошение об отставке как бегство от проблем, которые возникли перед главным цензурным ведомством страны.

Первое предостережение газете «Земство» было выдано за «Внутреннее обозрение» в № 17, посвященное бывшему министру внутренних дел Л. С. Макову. Статья была опубликована 25 марта, а наказание последовало спустя шесть дней. Автор публикации обвинял министра внутренних дел в бездеятельности, в бесперспективности принятых Л. С. Маковым чрезвычай-

¹ Докладная записка цензора С.-Петербургского Цензурного комитета ст. сов. Н. Соколова о циркулярных распоряжениях по Главному управлению по делам печати с 1-го сентября 1865 по 1 января 1900 года. СПб., 1900. С. 9.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 38-38 об.

³ Цит. по: *Кони А. Ф.* Граф М. Т. Лорис-Меликов // *Собрание сочинений: В 8 т. М.: Юридическая лит-ра, 1968. Т. 5. С. 199.*

ных мер: «Господствовавшая у нас ранее система, основанная на общественном и личном бесправии и административном произволе, притупила, – по мнению автора, – остроту чрезвычайных мер и сделала их оружием, по ветхости, негодным к употреблению. В сущности, в них не было ничего чрезвычайного, ничего такого, к чему бы общество не успело давно привыкнуть. Военные суды у нас и ранее нередко назначались по особым распоряжениям. Административное давление на общественные учреждения всегда было так сильно, что причинение местных гражданских управлений власти генерал-губернаторов не могло своей новизной поразить общество, которое от этого ничего не теряло. Административная ссылка, личное задержание, приостановка и запрещение газет и журналов у нас давно сделались самым обыденным явлением, к которому все привыкли»¹.

В статье подробно пересказывалось содержание брошюры, посвященной поездке Л. С. Макова в июне 1879 г. в Олонецкую губернию. В течение недели министр переезжал из одного населенного пункта в другой, везде встречая «желаемый порядок», убеждаясь, что «здесь поставлены на службу люди дела». Газета упрекала бывшего министра в том, что, благодаря напечатанной брошюре, в течение целой недели можно было наблюдать его деятельность и кроме мелочей ничего в ней найти было невозможно, «а в это самое время деятели революции в нескольких пунктах подготавливали взрыв царского поезда»².

Л. С. Макову «Земством» противопоставлялся деятельный М. Т. Лорис-Меликов, «тотчас обнаруживший политический талант и привлечший к себе симпатии общества». Общество успокоилось, и революционная деятельность на время утихла: «Но, увы, гр. Лорис-Меликов был той ласточкой, которая одна не делает весны. Вокруг него оставались старые деятели времен реакции, которые не внушали доверия обществу и способны были только противодействовать великому делу государственного замирения на почве либе-

¹ Внутреннее обозрение // Земство. 1881. № 17. 25 марта.

² Там же.

ральных реформ». Завершалась статья призывом, который традиционно вызывал раздражение цензурного ведомства. Ее автор утверждал необходимость призвать к активной самодеятельности общественные силы, соглашаясь с тем, что такой призыв может быть сделан только правительством «одновременно с удалением «из среды его самого приверженцев реакции».

Примечательно, что за тот же семнадцатый номер, только за две статьи под названием «Самарское чрезвычайное губернское земское собрание» и «Самара, 16 марта», в которой пересказывалось постановление губернского собрания, издатель газеты «Земство» губернский секретарь Василий Юрьевич Скалон был привлечен к суду из-за того, что напечатал статьи без разрешения самарского губернатора. Московский окружной суд заседал 30 мая 1881 г., признал издателя виновным и подвергнул штрафу в размере 25 рублей.

Наряду с «Земством» по общему определению министра внутренних дел за «недозволительное и несправедливое осуждение деятельности лиц, занимавших высшие государственные должности», было выдано второе предостережение газете «Голос». В статье, послужившей для этого поводом, речь шла о той же брошюре со ссылкой на «Земство», посвященной поездке Л. С. Макова. Редакция разделяла оценки бывшего министра внутренних дел, обвиняла его в формальном исполнении своих обязанностей: «Местным нуждам и положению края министр посвящал немного времени, но черпал сведения о них из в высшей степени авторитетной беседы за чаем с исправником, а земскую управу посетил только мимоходом, на пути из тюрьмы в пожарный сарай»¹.

Это были последние предостережения, полученные печатью при Н. С. Абазе – с 5 апреля 1881 г. начальником Главного управления по делам печати стал П. П. Вяземский. Отставка М. Т. Лорис-Меликова произошла месяц спустя – 4 мая 1881 г.² Для периодической печати эти перестановки

¹ Голос. 1881. № 90. 31 марта.

² В литературе называют разные числа, сообщение о его отставке было опубликовано в газете «Правительственный вестник». 1881. 5 мая. № 97.

обернулись небольшой паузой в приостановках. При новом начальнике Главного управления 10 апреля была запрещена розничная продажа номеров газеты «Страна», 1 мая определен запрет на печатание на один месяц частных объявлений в газете «Порядок», 23 мая (теперь уже при новом министре внутренних дел Николае Павловиче Игнатьеве) – запрещена розничная продажа номеров газеты «Русский курьер» на три месяца и тогда же на шесть месяцев был приостановлен московский журнал «Свет и тени».

Первое предостережение при новом начальнике Главного управления по делам печати и новом министре внутренних дел получила газета «Русский курьер» 5 июня 1881 г. за «Ежедневное обозрение» в № 149, заключавшее «возбуждение недоверия к мероприятиям правительства»¹. С конца 1880 г. издателем-редактором газеты стал московский купец 1-й гильдии, гласный Городской думы Николай Петрович Ланин. По словам В. А. Гиляровского, новый издатель являлся владельцем «известного завода шипучих вод и увечивший свое имя производством искусственного "ланинского" шампанского, которое подавалось подвыпившим гостям в ресторанах за настоящее и было в моде на всех свадьбах, именинах и пирушках средней руки»².

Фактическим редактором газеты был молодой приват-доцент по полицейскому праву Московского университета В. А. Гольцев, который «"за неблагонадежность и внедрение вредных идей молодежи" был лишен кафедры»³.

Статья в «Русском курьере», вызвавшая неудовольствие Главного управления по делам печати, была посвящена открытию заседания Особого совещания по вопросу о понижении выкупных платежей.

Автор статьи отмечал, что оказалось крайне ограниченным число вызванных экспертов – всего 12 человек. Из них четверо были из Москвы. Таким образом, всего на совещании было представлено 8 губерний. «Русский

¹ Русский курьер. 1881. № 155. 8 июня.

² Гиляровский В. А. Москва газетная: Друзья и встречи. Мн.: Наука и техника, 1989. С. 64.

³ Там же. С. 65.

курьер» утверждал, что такая практика приглашения экспертов уже широко применялась в различных комиссиях и совещаниях в 1870-е гг. По мнению газеты, именно поэтому работа таких комиссий не приводила к ожидаемым результатам "и от потраченного экспертами красноречия остались следы единственно в архивах министерств"¹.

Газета сомневалась, что и от нынешнего совещания стоило ожидать особого успеха. Серьезным препятствием, по мнению автора статьи, была также узость поставленных проблем. По его мнению, вопрос о снижении выкупных платежей был тесно связан с другими вопросами крестьянского быта: ограниченностью наделов, организацией переселения, развитием отхожих промыслов, улучшением крестьянского самоуправления и т. д. Газета также отмечала, что понижение выкупных платежей неминуемо приведет к увеличению расходов казны, которая свои потери будет компенсировать за счет тех же крестьян, "что будет равносильно уплате ими тех же выкупных платежей, но только под другим наименованием"². Публикации этой статьи в «Русском курьере» печать была обязана появлением специального распоряжение от 3 июня 1881 г. за № 2244 относительно Высочайше утвержденного Особого совещания по вопросу о понижении выкупных платежей.

К. П. Победоносцев 16 мая 1881 г. по поручению Александра III передал для публикации в российской печати Н. П. Игнатьеву статью из французского журнала «Le Constitutionnel», содержащую критику М. Т. Лорис-Меликова и его единомышленников. Министр внутренних дел обратился с предложением ее напечатать в «Голосу», но исполнявший обязанности редактора В. А. Бильбасов после трех дней раздумий отказался. А. В. Луночкин привел в своей работе выдержку из письма В. А. Бильбасова к П. П. Вяземскому, хранящемуся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ): «"Голос" так откровенно стоял за принципы и взгляды

¹ Ежедневное обозрение // Русский курьер. 1881. № 149. 2 июня.

² Там же.

"удалившихся", что резкие о них отзывы французской газеты ему совсем не к лицу»¹, – заявил в своем послании В. А. Бильбасов.

Верность принципам, которые перестали быть официально одобренными, не могла стать предметом уважения для цензурного ведомства и 25 июля 1881 г. «Голос» получил третье предостережение за ряд своих публикаций. В № 183 за 4 июля был помещен фельетон под названием «Судовые порядки в заграничных плаваниях», в котором, по мнению цензуры, были «высказаны неуместные суждения, оскорбительные для нашего флота». «Морская тема» регулярно появлялась на страницах издания. Еще 27 мая 1881 года в распоряжении цензурного комитета за № 2136 газете «Голос» было поставлено на вид помещение известия об аресте 25 мая 1881 г. нескольких лиц, состоявших на службе во флоте.

Автор статьи в № 183 затрагивал вопросы, связанные пребыванием российских военных судов за границей. При этом он предлагал Морскому министерству производить с большей тщательностью выбор офицеров, особенно командиров судов, назначаемых в заграничное плавание, чем это делалось до сих пор. В газете были приведены примеры непрофессионализма, несоблюдения морского устава, она утверждала, что регулярно встречались случаи избиения матросов. То, что еще сдерживается в русских портах, из боязни немедленных жалоб со стороны нижних чинов высшему начальству, открыто практикуется на некоторых судах заграничного плавания. Среди приведенных примеров, был случай с матросом Петровым, которого держали связанным веревками целый месяц, не давали ему горячей пищи.

В другом эпизоде, произошедшем в Триесте, матрос Михеев поступил в госпиталь из-за болезни уха, перешедшей потом в воспаление мозга, от которого он и умер, но до этого он пожаловался врачам на полученные на корвете побои. «Это подало повод одной триестской газете сделать иллюстра-

¹ Луночкин А. В. От сотрудничества к конфронтации: газета «Голос» и цензура (1863–1883) // Цензура в России: история и современность. Сб. научных трудов. СПб., 2001. Вып. 1. С. 88.

цию судовых порядков, весьма неверных и еще менее лестных для нашего национального самолюбия»¹. Автор фельетона приходит к выводу: «Нам известно, какие результаты бывают от назначения неспособных командиров – бегство с судна офицеров в Америку, где они в качестве простых рабочих добывают себе хлеб»². Эпизоды, приведенные в статье, по мнению ее автора, достаточно полно «характеризует действия или бездействия наших судовых командиров и их старших офицеров»³.

Статья имела неожиданное продолжение. В № 202 было сообщено о новом неприятном событии на корвете «Аскольд», находившемся в Средиземном море. Когда судно находилось в Неаполитанской бухте, с него бежал мичман Григорьев, который исполнял обязанности так называемого «ревизора», т. е. лица, «заведывавшего денежной и хозяйственной частью» При этом, при проверке «в деньгах оказался, будто бы, недочет в отчетных книгах – путаница»⁴.

Дополнительно к статьям, затрагивавшим интересы Морского министерства, была определена публикация, которая, по мнению Главного управления по делам печати, заслуживала цензурного взыскания. Передовая статья в № 198 газеты «Голос» была посвящена болгарским событиям.

В области внешней политики только один «болгарский» вопрос вызывал в 1881 г. особое отношение цензурных органов. В этом году в Болгарии произошел государственный переворот: князь Александр Баттенберг отменил конституцию и провозгласил себя самодержавным монархом. Это событие вызвало активную поддержку со стороны российской консервативной печати и в российском правительстве. Последнее нашло отражение в цензурном циркуляре 29 апреля 1881 г.: «Ввиду совершившегося в Болгарии переворота и необходимости поддержать князя Александра, потому что удаление его повлекло бы анархию, признано желательным, чтобы наша пресса относилась с

¹ Судовые порядки в заграничных плаваниях // Голос. 1881. № 183. 4 июля.

² Там же

³ Там же.

⁴ Голос. 1881. № 202. 28 июля.

осторожностью к настоящим событиям в Софии, тем более, что неосторожные суждения могли бы дурно повлиять на весь Балканский полуостров»¹. Последняя фраза вызывает особое недоумение. Сомнительно, что публикации в российской печати могли бы оказать такое действие на весь полуостров.

Между тем, не смотря на строгий запрет, газета «Голос» не просто без осторожности говорила о перевороте в Болгарии, в результате которого была «узаконена теперь диктатура князя Александра, за два года перед этим приносившего присягу на верное исполнение условий, на которых он был призван управлять новоосвобожденной Болгарией»², но и намекала на особую роль России в произошедших событиях.

Речь шла о генерале русской армии Казимире Густавовиче Эрноте, участвовавшем в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., а затем, уйдя в отставку, стал советником Александра Баттенберга и помог ему отменить действие Тырновской конституции 1879 г. После этого генерал был назначен военным министром Болгарии, исполнял затем обязанности премьер-министра и министра иностранных дел.

Публицист «Голоса» намекал на причастность России к происходившим событиям, отмечая загадочную роль в них одного из российских подданных: «Особое внимание, которое обращало русское общество на последние болгарские запутанности, и роль, которую играл в них генерал Эрнот, достаточно объясняют, почему теперь, когда почтенный генерал возвратился в Отечество и снова определен из отставки в нашу военную службу с зачислением в генеральный штаб, представляется совершенно уместным, если не обсудить – для этого нет данных – то, по крайней мере, осветить, по возможности, значение того особенного положения, которое, в силу обстоятельств,

¹ Русская пресса и цензура. Материалы для характеристики положения русской прессы. С. 45.

² Голос. 1881. № 198. 19 июля.

он занимал в Болгарии»¹. Газета также отмечала, что многие заграничные газеты были полны обвинений в адрес русских офицеров, способных якобы выполнять противозаконные поручения. «Мы полагаем, – заявлял автор статьи, – что ни честь русского офицера, ни достоинство русской армии не имеют ничего общего с болгарскими делами генерала Эрнота»².

Определение министра внутренних дел относительно этой публикации звучало следующим образом: «...выходящие из последних пределов приличия суждения о князе Болгарском, <...> подобные нарушения приличий относительно главы иностранного государства, состоящего в родственных и дружественных с Россией отношениях, вообще не могут быть терпимы...»³ Совет Главного управления высказался за запрещение розничной продажи, но Н. П. Игнатьев объявил 26 июля 1881 г. «Голосу» третье предостережение, избрав при этом максимальный срок приостановки – шесть месяцев⁴.

По поводу прекращения выхода в свет газеты «Русский курьер» отмечал в специально посвященной этому событию публикации: «"Голос" мог являться и действительно являлся добросовестным и верным летописцем русской жизни... истолкователем нужд народных, точным выразителем взглядов и желаний значительного большинства русского просвещенного общества»⁵. В конце июля от Главного управления по делам печати досталось и самому «Русскому курьеру», который в своих корреспонденциях в № 202 затронул вопросы, связанные ссыльными по политическими делам.

Политические процессы и дела о государственных преступлениях занимали особое место в цензурной практике как вопросы исключительной важности. Особыми ограничениями было обставлено освещение политиче-

¹ Голос. 1881. № 198. 19 июля.

² Там же.

³ *Патрушева Н. Г.* Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865 – 1905 гг. Система административных взысканий. Справочное издание. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 164.

⁴ См.: Журнал заседаний Совета Главного управления по делам печати за 1881 г. // РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 178-180.

⁵ По поводу приостановки издания газеты «Голос» // Русский курьер. 1881. № 207. 30 июля.

ских процессов. Специальные распоряжения министра внутренних дел запрещали помещать самостоятельные сведения о ходе судебных заседаний по политическим делам (24 марта 1881 г. за № 1216), освещение их без разрешения прокурора (26 марта 1881 г. за № 1234). Главное управление по делам печати 31 августа 1881 г. распоряжением за № 3380 напомнило о запрещении печатания самостоятельных стенографических отчетов по делам о государственных преступлениях.

Другой запрет касался сведений и известий об арестах по политическим делам. Распоряжение министра внутренних дел на этот счет появилось 12 марта 1881 г. за № 1084 и было еще раз подтверждено 15 мая 1881 г. за № 2007 с разрешением перепечатки таких сведений исключительно из «Правительственного вестника». Так, газете «Голос» было поставлено на вид распоряжением 27 мая 1881 г. за № 2136 за помещение известия об аресте 25 мая 1881 г. нескольких лиц, состоявших на службе во флоте¹.

Публикации в «Русском курьере» не совсем подходили под все эти запреты, но зато касались политической ссылки и целесообразности многочисленных, не имевших реальной политической подоплеки преследований. В корреспонденции от 21 июля 1881 г. газета сообщала, что «в начале этого года перемещен в Киев, живший в Одессе учитель Андреевский, сосланный в 1879 году г. Панютиным в Вятку, а недавно прибыл сюда же из Восточной Сибири из той же категории ссыльных некто г. Левандовский. Ходят слухи и о других ожидаемых возвращениях одесситов из Восточной Сибири в Киев. Уже одно это указывает, насколько панютинские "переселения" вызывались действительными разумными потребностями умиротворения»². С. Ф. Панютин заведовал гражданской частью при одесском генерал-губернаторе в 1878–1880 г. и активно занимался «ликвидацией революционного брожения»

¹ Докладная записка цензора С.-Петербургского Цензурного комитета ст. сов. Н. Соколова о циркулярных распоряжениях по Главному управлению по делам печати с 1-го сентября 1865 по 1 января 1900 года. С. 80.

² Киев, 21 июля (корреспонд. Русского Курьера) // Русский курьер. 1881. № 202. 25 июля.

и «успокоения» студенческих волнений в Новороссийском университете в Одессе.

Газета также рассказывала о том, что в 1879 г. Киев также испытал последствия борьбы с революционным движением, «но о возвращении киевских административно-ссылных из Мезени, Яранска и т. п. что-то не слышно», хотя по своим масштабам киевские «переселения» не доходили до панютинского, даже ссылались не все те, по поводу которых поступали «ходатайства» (т. е. доносы) к генерал-губернатору. «Если бы последний удовлетворял все "представления" и "ходатайства" о "переселениях", то пришлось бы испытать ссылку весьма и весьма многим: одному за то, что "бойко ведет торговлю"; другому за то, что "пишет в газеты"; третьему за то, что "когда-то, лет десять назад, был "не благонамерен"; четвертому за то, что "резко осуждает" местных "дельцов" и т. д. и т. д.»¹

Другая короткая корреспонденция из Восточной Сибири рассказывала о тяжелом положении политических ссылных: «В Средней Каре в последнее время из политических ссылных Марья Ковалевская сошла с ума, Родин отравился (жена его теперь едет в Россию), Семеновский застрелился. Чарушину (по процессу 193) срок каторги окончился, и он отправлен на поселение в Якутскую область»².

Министр внутренних дел в представлении к наказанию отмечал 1 августа 1881 г., что «корреспонденции о политических ссылных излагаются такие подробности, которые явно обнаруживают стремление действовать раздражительно на общественное мнение»³.

В № 206 корреспондент «Русского курьера» рассказывал о еврейском погроме в Нежине. Его итогом, по сведениям газеты, стало разрушение около 300 домов и лавок, массовое истребление имущества. Корреспондента пора-

¹ Киев, 21 июля (корреспонд. Русского Курьера) // Русский курьер. 1881. № 202. 25 июля.

² Из Восточной Сибири // Русский курьер. 1881. № 202. 25 июля.

³ Патрушева Н. Г. Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865 – 1905 гг. Система административных взысканий. С. 164.

зило то, что в погроме принимали участие даже женщины и дети. При разгоне толпы прибывшими гусарами и местной командой была открыта стрельба, в результате которой было 9 человек убитыми и около 20 раненых. «Русский курьер» также отмечал наличие слухов в народе о том, что «приказано было сделать первый выстрел на воздух, но находившиеся в рядах войск якобы солдаты-евреи, сделали выстрелы в толпу. Не мешало бы разъяснить это обстоятельство»¹.

По поводу этой статьи «в корреспонденции из Нежина в номере 206 распоряжения местных властей преднамеренно объясняются весьма невыгодных стороны, и что, вообще, газета Русский курьер, несмотря на объявленное 4 марта второе предостережение и запрещение розничной продажи ее номеров, последовавшее 25 мая, постоянно дозволяется себе резкие и неприличные отзывы о разных сторонах нашего общественного быта неправоительственного строя»². Заключение совета от 28 июля предусматривало объявить газете «Русский курьер» 3 предостережение в лице издателя-редактора Московского первой гильдии купца Николая Ланина, с приостановлением издания на 4 месяца. Следующий, № 211 газеты, вышел только 2 декабря 1881 г.

В 1881 г. история с газетой «Голос», которая должна была выйти в свет после приостановки только 26 января 1882 г., получила неожиданное продолжение. В 1880 г. профессор В. И. Модестов, получил разрешение на издание собственной газеты, когда «в правительственных сферах была признана необходимость поставить печать в более правильные юридические условия и даровать ей ту долю независимости, без которой невозможно требовать от нее полной ответственности ни перед обществом, ни перед правительством»³, – говорилось в заявлении от редакции в первом номере от 1 августа 1881 г.

¹ Нежин (корреспонд. Русского Курьера) // Русский курьер. 1881. № 206. 29 июля.

² Цит. по: *Патрушева Н. Г.* Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865 – 1905 гг. Система административных взысканий. Справочное издание. С. 164-165.

³ От редакции // Новая газета. 1881. № 1. 1 августа.

Содержание этого заявления, состав редакции, даже внешнее оформление, не отличавшееся от «Голоса», не оставляли сомнения цензоров о причинах появления этого «двойника». Совет Главного управления по делам печати допускал даже закрытие газеты, но П. П. Вяземский предложил министру внутренних дел Н. П. Игнатьеву всё же воздержаться от крайних мер, чтобы «не дать повода к новым толкам о давлении со стороны администрации»¹. Однако и без действий со стороны цензурного ведомства это событие оставить было нельзя, поэтому уже передовая статья в № 3 и фельетон в № 5 явились поводом к первому предостережению и к запрету розничной продажи.

Поводом к первому предостережению были суждения «Новой газеты» о причинах недавней приостановки московской газеты «Русский курьер». О них было сказано в «Правительственном вестнике», а недавно возникшее издание В. И. Модестова иронизировало по поводу мотивации этих действий министра внутренних дел. Как уже отмечалось, причиной стало изложение «таких подробностей, которые явно обнаруживают стремление действовать раздражительно на общественное мнение», что «распоряжения местных властей преднамеренно объясняются весьма невыгодных стороны» и что «Русский курьер» «постоянно дозволяется себе резкие и неприличные отзывы о разных сторонах нашего общественного быта неправительственного строя». Дальше следовал комментарий публициста «Новой газеты». Он иронизировал: «Министр, следовательно, воспользовался правом, которое предоставлено ему по закону. По всей вероятности, у него были данные, фактически указывавшие, что газета "Русский курьер" "действовала раздражительно на общественное мнение", что свои суждения о распоряжениях местных властей эта газета "преднамеренно" окрашивала с весьма невыгодной стороны. Без

¹ Луночкин А. В. От сотрудничества к конфронтации: газета «Голос» и цензура (1863–1883) // Цензура в России: история и современность. Сб. научных трудов. СПб., 2001. Вып. 1. С. 89.

таких фактических данных, очевидно, не последовало бы такой тяжелой для газеты и ее издателя кары»¹

Фельетон «Свобода печати» был опубликован за подписью В. Модестова и рассказывал о законе, принятом во Французской республике. Автор заявлял, что «мы не можем не приветствовать торжественного законодательного акта, освобождающего человеческую мысль от пут, ее связывающих, мешающих ей появляться во всей полноте и искренности»². В. И. Модестов утверждал, что исторический опыт показывает прямую связь между свободой человеческого слова и «с общим строем жизни у народа», что «этой свободы никогда не было в государствах, построенных, так сказать, на полицейских началах, в странах, где административная опека охватывает всю гражданскую жизнь, где люди не только не могут говорить того, что думают, но и верить так, как внушает им их совесть, внутреннее чувство»³.

Автор утверждал также, что Россия находится еще только на пути освобождению своей религиозной и гражданской совести от внешних стеснений. Более того, он определял, что страна находилась только лишь «на первой стадии этого пути, переполненного накопившимися исторически заставами»⁴.

Итогом было то, что 7 августа «Новой газете» было вынесено первое предостережение, отмеченное примечательной резолюцией Александра III на докладе министра: «Об одном сожалею, что нет большего наказания по закону»⁵. Министр внутренних дел в своем распоряжении отмечал, что суждения редакции о правах и обязанностях печати находятся в явном противоречии с действующими постановлениями о печати и потому не могут быть терпимы, что редактор уже в первом номере заявлял о солидарности с газетой «Голос», приостановленной за предосудительное направление, что внешний вид «Но-

¹ Новая газета. 1881. № 3. 3 августа.

² В. Модестов. Свобода печати // Новая газета. 1881. № 5. 5 августа.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ О первом предостережении газете «Новая газета» и воспрещении розничной продажи номеров этого издания // РГИА. Ф. 776. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 55.

вой газеты» направлен на усиление в обществе уверенности, что она в действительности не что иное как продолжение «Голоса»¹.

Поскольку стало очевидным то, что Главное управление по делам печати на этом не остановится, редакция предпочла прекратить издание газеты. В последнем, восьмом номере, последовало обращение к читателям: «С глубоким сожалением мы принуждены заявить нашим читателям, что "Новая газета" выходить в свет более не будет. Лица, подписавшиеся на «Новую газету», приглашаются получить свои деньги обратно из временной конторы редакции»².

Последнее предостережение, второе по счету, в этом году получила газета «Земство». Первое наказание последовало за недозволительное и несправедливое осуждение деятельности лиц, занимающих важные государственные должности, второе – за то, что «несмотря на неоднократные предупреждения, продолжает относиться с неподозрительной резкостью к действиям и распоряжениям правительства и тем возбуждает к нему недоверие»³.

Анализируя практику административно-цензурных наказаний второго полугодия 1881 г., газета «Земство» отмечала, что в своем большинстве причины действий властей остаются неизвестны, а главное, являются предметом активного обсуждения среди населения, а зачастую даже вызывает «сильную сенсацию». Так, неожиданно для всех был приостановлен на четыре месяца «Одесский листок». «Об этом говорили и говорят везде: на бульварах, в садах, в гостиных, конторах и т. п. У всех срывается вопрос «за что?»»⁴ «Московский телеграф» по этому поводу ссылался на достоверный источник, который утверждал, что и генерал-губернатор не знал о причинах наказания газеты. Зато градоначальник явно испытывал неприязнь к «Одесскому листку» и советовал его редактору «переменить направление». Автор публикации в газете «Земст-

¹ Цит. по: *Патрушева Н. Г.* Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865 – 1905 гг. Система административных взысканий. С. 165.

² *В. Модестов.* От редакции // Новая газета. 1881. № 8. 9 августа.

³ Земство. 1881. № 46. 14 октября.

⁴ *С. Пр.* Внутреннее обозрение // Земство. 1881. № 32. 9 июля.

во» резюмировал: «Не правда ли, как живо и характерно схвачены в приведенной выписке и возбужденное настроение общества, и бессистемность репрессивных мер, и рознь среди агентов правительственной власти»¹.

В реальной цензурной практике, сложившейся после 1 марта 1881 г., происходили колебания как в сторону излишней строгости, так и в сторону некоторых послаблений в адрес печати. Однако первые месяцы после произошедшей трагедии знаменовались резким усилением цензурных строгостей. По мнению Главного управления по делам печати, отраженном в его отчете, печать «не умела пользоваться предоставленной ей свободой и не оправдала надежд, возлагавшихся на нее правительством, идя в большинстве случаев в разрез с его мероприятиями, <...> что и вызвало необходимость ограничения этой свободы и иного, более строгого отношения к ней со стороны правительства»².

События, связанные со смертью Александра II, настолько резко изменили ситуацию с контролем над печатью, что даже сами цензоры не всегда могли угадать «требования минуты». Так, с закрытием пресловутого «Одесского листка» был уволен опытейший цензор Егоров, из-за пропуска в печать выходявшего под предварительной цензурой журнала «Свет и тени», в котором на самом деле практически ничего не было «подцензурного», был уволен цензор Никотин.

По словам В. А. Гиляровского, в журнале Н. А. Пушкарева «Свет и тени». «Он пропустил карикатуру, не разгадавши ее смысла... Во всю страницу журнала «Свет и тени» летом 1881 года появился рисунок: стоят прямо воткнутые в две чернильницы по сторонам стола два гусиных пера, а через них была перекинута в виде вьющейся линии надпись: «Наше оружие для разрешения современных вопросов». Перья и надпись изображали, если всмотреться, два столба с перекладиной. Перекладина-надпись была сделана почерком с росчерками, и один из росчерков, как раз посередине перьев, похо-

¹ С. Пр. Внутреннее обозрение // Земство. 1881. № 32. 9 июля.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 1441. Л. 1-37.

дил на висящую петлю. Публика сразу узнала виселицу, и номер журнала был у всех в руках. Хватились испуганные власти, стали отбирать журнал, закрыли розницу издания и уволили цензора»¹.

Рост числа в 1881 г. регулярно рассылаемых распоряжений создавал определенные трудности для самого цензурного ведомства. К 1 января 1882 г. в составе Главного управления по делам печати находилось 16 лиц, занимавших штатные должности. Кроме того, к Главному управлению для постоянных занятий прикомандировано было 10 чиновников из причисленных к Министерству внутренних дел. Таким образом, к 1 января 1882 года при Главном управлении числилось 26 лиц², чего было явно недостаточно для контроля за увеличивавшейся периодической печатью, книжными изданиями.

В журнале «Русская мысль» в августе 1881 г. была опубликована статья «Положение печати», в которой речь шла об устойчивых слухах относительно возможного пересмотра многочисленных циркуляров Главного управления по делам печати, которыми в последнее время «по рукам и ногам связаны редакции»³. Однако, по мнению «Новой газеты», которая в своем последнем номере решила как бы «хлопнуть дверью» напоследок, отмена большинства запретительных циркуляров не кардинально не изменит положения печати.

Все-таки меньшинство таких циркуляров останется, «останется и Главное управление по делам печати, останется и начальник управления, останется и право этого начальника издавать запретительные циркуляры. А коль скоро администрации принадлежит право издавать циркуляры, запрещающие обсуждение в печати известного рода вопросов, тогда для печати почти безразлично, должна ли она молчать в силу тысячи или десятка циркуляров, ибо ей все равно приходится молчать»⁴.

Автор публикации в газете отмечал, что было бы не вполне справедливо приписывать исключительно начальнику Главного управления по делам

¹ Гиляровский В. А. Москва газетная: Друзья и встречи. С. 127.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Ед. хр. 1441. Л. 1.

³ Положение печати // Русская мысль. 1881. № 8. С. 61.

⁴ В ожидании // Новая газета. 1881. № 8. 9 августа.

печати и министру внутренних дел все невзгоды. Он напоминал, что граф М. Т. Лорис-Меликов относился к печати как нельзя более благосклонно и при нем она пользовалась некоторое время фактически известной долей свободы. Однако в бытность его министром внутренних дел даны были два предостережения «Голосу» и приостановлено издание либеральной газеты «Молва». Эти обстоятельства показывают, что личное благосклонное расположение, которое может иметь к печати тот или другой министр внутренних дел, в сущности ничего не значит и положение ее не улучшает.

«Роковая сила заключается в законе, который отдает печать в распоряжение администрации, вооружает ее целым арсеналом карательных мер. Должен же наступить конец такому невыносимому положению печати, безвыгодному и для самой карающей власти. Вот чего мы ожидаем»¹, – заключает автор статьи.

Однако ожидание затянулось до 1905 г. Граф Н. П. Игнатьев пост министра внутренних дел уже 30 мая 1882 г., т. е. спустя год после своего назначения. Назначенный на его место граф Д. А. Толстой, ссылаясь «на исключительные обстоятельства времени», поспешил внести в Комитет министров цензурные временные правила. Закон изменился в сторону очередных ограничений, причем для его подготовки не было создано специальной комиссии, не проводились специальные совещания и не привлекались эксперты.

Все важнейшие направления российской государственной жизни, значительная часть законодательной и административной деятельности правительства, система назначений и поведение значительного количества частных лиц становится недоступным для обсуждения в печати. Поскольку достичь такого результата одними предписаниями было совершенно невозможно, средствами принуждения в очередной раз становятся административные наказания, имевшие в новых условиях свои специфические черты.

¹ В ожидании // Новая газета. 1881. № 8. 9 августа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русско-турецкая война, а затем наступивший после нее кризисный 1879 год заложили контуры новых отношений между российским правительством и периодической печатью, совмещавшие традиционное административное вмешательство, материальные средства давления и поиск возможностей сотрудничества, что ярко проявилось во встречах министра внутренних дел с редакторами газет и журналов. Оценивая степень политического влияния периодической печати, проявившуюся в годы только что завершившейся войны, правительство вынуждено было идти на уступки, постепенно расширять законные права прессы.

Важнейшим элементом Временных правил о цензуре и печати от 6 апреля 1865 г. являлось введение ответственности периодических изданий перед законом при сохранении административных государственных полномочий. В ходе исследования было выяснено, что неопределенность в итогах судебных разбирательств в вопросах, связанных с печатью, не давала правительству твердых гарантий в противодействии публикации в прессе подрывных идей, точнее того, что под ними официально понималось. Мнимая беззащитность Министерства внутренних дел и подчиненного ему Главного управления по делам печати перед печатным словом заставляла их искать новые способы борьбы с ним.

С введением системы административных предостережений, прежняя практика конфиденциальных отношений между издателем и цензором не уходит совсем из взаимодействий власти и печати, но приобрели новые черты. Даже избегая развернутых обоснований своих решений по поводу наказаний средств печати, цензурное ведомство вынуждено было расширять сферу публичности своих отношений с прессой. Практика гласного наказания редакторов, публицистов и писателей должна была разъяснять общественности позицию государства по тем или иным как глобальным, так и текущим вопросам.

Вольно или невольно официальная власть вступала в своеобразное соревнование с печатью, а судьей в этом состязании выступала читающая публика.

Вместе с тем, исследование показало, что в этот период правительство пыталось приноровиться к усложнявшимся условиям, но без существенной перестройки системы управления цензурой. Результатом явилось то, что в исследуемый период, отмеченный серьезным кризисом государственной системы, регулярно происходило возрастание роли административных методов воздействия на печать. Не стало исключением и время «политической оттепели» (1880 – начала 1881 г.), когда уменьшилось число цензурных предостережений, но выросло количество циркуляров и устных внушений со стороны министра внутренних дел и начальника Главного управления по делам печати.

Разработанные в научной литературе теоретические положения и проведенное исследование показали, что положение периодических изданий на рубеже 1870-х – 1880-х гг. определялось тремя основными факторами: официальным законодательством о печати, негласными наставлениями редакторов и издателей, а также правительственными циркулярами и цензурными взысканиями в виде предостережений. Вспомогательную роль в административно-цензурной системе выполняли ограничения розничной торговли и запрет на печатание частных объявлений.

При помощи циркуляров Главное управление по делам печати пыталось устранить из обсуждения прессы наиболее болезненные для власти вопросы внутренней и внешней политики. На 1878 г. приходилось 9 циркуляров, в 1879 – 11, в 1880 – 14, в 1881 – 23. Из самого большого количества циркуляров в 1881 г. на время управления Министерством внутренних дел М. Т. Лорис-Меликовым пришлось 7, а сменившего его графа Н. П. Игнатьева – 16.

Соответственно, в 1878 г. было выдано 15 предостережений, в 1879 г. – 16, в 1880 – 5 и в 1881 г. – 10. Предостережения, за малым исключением, выдавались тем изданиям, которые пренебрегали наставлениями цензурных органов. Эта форма наказания являлась ключевым нововведением закона 6 апреля 1865 г. Тогда речь шла именно о перемене старого порядка, поскольку

первоначальная попытка просто собрать воедино и дополнить ранее существовавшие цензурные законы, которые уже показали себя не вполне эффективными, натолкнулась на правомерные сомнения в том, что такая реформа принесет необходимый результат.

Главной целью исследования являлось рассмотрение содержания предостережений за «вредное направление» периодической печати в качестве отражения государственной цензурной политики 1878 – 1881 гг., уточнение места такого рода взысканий в системе административного воздействия на журналы и газеты, обоснование методов использования такого рода воздействия на прессу для проведения в жизнь политики правительства.

Рассмотренная в работе практика предостережений исследуемого периода показала, что они уже перестали выступать в качестве гарантированного способа сдерживания печати. Одной из важнейших причин неэффективности законодательства 1865 г. для периода конца 1870-х гг. являлось то, что оно в большей степени было направлено против «толстых» журналов, в меньшей – против оперативно передававших информацию газет.

В ходе исследования было выяснено, что поводом к наказанию могла выступать совокупность статей, но иногда и отдельно взятое предложение или общий тон публикаций, раздражавший цензора. Периодическая печать зачастую предоставляла самим читателям додумывать недосказанные ею мысли, угадывать смысл и сводить воедино разбросанные по разным местам отрывочные нападки на устаревающее на глазах монархическое правление, на современное им распределение собственности и проблемы религии и нравственности.

Вместе с тем редакции газет заявляли в это время о готовности подчиняться порядку, связанному с выдачей предостережений, поскольку он являлся относительно гласной мерой, демонстрировавшей заинтересованному обществу истинное положение печати, в отличие от конфиденциальных внушений и скрытых угроз.

Были выявлены мотивы, служившие основанием для сдерживания цензурных строгостей в этот период. В условиях разразившегося системного кризиса правительство ориентировалось на консолидацию всех консервативных сил вокруг самодержавной формы правления. Однако оно опасалось усиления общественного недовольства в случае прямого закрытия изданий и направляло все свои усилия на содержание печати в удобных для власти рамках.

При этом одной из центральных задач выступала борьба против народного террора, дестабилизировавшего общественный порядок. На основе материалов статей, получивших цензурные предостережения, можно заключить, что в своем большинстве либеральные и консервативные журналы и газеты поддержали мероприятия правительства, направленные за стабилизацию внутривнутриполитической обстановки в стране, но при этом многие из них взамен такой поддержки надеялись получить определенные послабления в освещении различных сфер общественной жизни, проникая в сферы, которые прежде были для них недоступны.

Показанные в исследовании примеры такой взаимозависимости через материалы периодической печати, получившей в это время предостережения за «вредное направление», доказывают, что в период с конца 1878 г. и до конца 1881 г. со стороны властных структур проявились как тенденции к отказу от этих уступок, так и к поиску возможного политического компромисса.

Рассмотрение актуальных проблем в периодической печати было почти всегда сопряжено с критикой тех или иных сторон действительности. Однако большинство рассматриваемых вопросов при этом практически не предусматривало возможность такого подхода. Полнотой этого права обладало лишь правительство и, соответственно, правительственная печать, но пользовались они им крайне осторожно.

Не только консервативные, но и субсидируемые самим государством издания не могли претендовать на эти права. Так, 29 мая 1879 г., члены Совета Главного управления по делам печати отметили статью в № 21 газеты «Отголоски», содержащейся на правительственные средства. Речь в ней шла об

отношении Финляндии к пребыванию в составе Российской империи, и цензоры отмечали «вызывающий тон», «натянутость фактов», приводимых для защиты выдвинутых в газетной статье аргументов. Опасение нежелательной полемики в печати вызвали карательные действия со стороны органа цензуры.

Политический кризис конца 1870-х гг. в очередной раз вызвал попытки использования тайных правительственных субсидий для поддержки частной прессы, которая должна была активно защищать на своих страницах государственные интересы. Специально были созданы еженедельные «Отголоски» (1879–1881 гг.) и ежедневный «Берег» (1880 г.). Однако в очередной раз эта попытка провалилась.

Государственные структуры прибегали к критике через правительственную печать главным образом тогда, когда чувствовали какую-либо угрозу своим устоям, позволяя в этих случаях и другим органам прессы пользоваться критическим оружием в этом направлении. Так, в столичной печати можно было встретить негативные материалы по адресу внутренней и внешней политики отдельных иностранных государств, но только тех, с которыми Россия на тот момент находилась не в лучших отношениях. Больше всех доставалось политике Англии, подробное освещение находили на страницах печати кризисные процессы в Турции.

Однако чаще встречались попытки ограничить обсуждение в отечественной прессе событий в тех или иных странах. Так, в 1879 и 1881 гг. особого внимания цензурных органов удостоился «болгарский вопрос», нашедший отражение в специальном циркуляре министра внутренних дел от 20 февраля 1879 г. за № 841. Формально речь шла о выборах болгарского князя, но на самом деле Главное управление по делам печати волновало то обстоятельство, что открытие в Тырнове болгарского Народного собрания, вызовет надежды на создание «конституционного режима» в самой России. Газета «Русская правда» заявила о таких мечтах буквально накануне, 11 февраля, после чего и последовал соответствующий циркуляр. Из-за своей трактовки «болгарского вопроса» пострадала и газета «Голос», получившая предостережение 1 апреля 1879 г.

В 1881 г. обсуждение болгарских проблем вновь оказалось в центре внимания Главного управления по делам печати. На этот раз речь шла о государственном перевороте, приведшем к отмене конституции. Последовал новый циркуляр от 29 апреля 1881 г., а газета «Голос» в июле этого года вновь получила предостережение за намеки относительно особой роли России в произошедших событиях.

В виде устных указаний и тех же письменных циркуляров было запрещено допускать «враждебный тон» в статьях о Германии и Австрии. Такое распоряжение было направлено в редакции периодических изданий в ноябре 1879 г., повторено 18 января 1880 г., а после назначения М. Т. Лорис-Меликова в качестве главы Верховной распорядительной комиссии, возобновлено 13 февраля 1880 г. Соответственно и наказания за нарушение этого предписания было получено в октябре 1879 г., «С-Петербургскими ведомостями», «Русским курьером» в начале марта 1880 г.

Широкое распространение в печати имели рассуждения о том, почему Европа и европейцы в различных вопросах государственной жизни нелестно оценивают Россию и россиян. При этом допускались обвинения в адрес Европы, но ограничивались попыткой анализа причин, породивших это явление. Например, в передовой статье «Биржевой газеты» в № 12 за 1879 г. «Россия и Европа в чумном вопросе» автор утверждал, что российская действительность на каждом шагу убеждает в том, что нужно еще много сделать, «чтобы Запад мог признать в нас Европу, а не Азию». Эти рассуждения строились на фоне критики состояния санитарных и медицинских условий, существовавших в стране. Министр внутренних дел обвинил газету в голословных обвинениях, и она получила предостережение.

Еще большее неудовольствие вызвала статья «Русской правды», в которой автор пытался доказать, что достойное место «в сонме европейских держав» Россия может завоевать не благодаря усилиям дипломатов и династическим связям, а только через изменения внутри самой страны.

Газета «Русский мир» видела причины сложных отношений с Европой в «нашей затхлой политической репутации», с нашими «старинными, чуждыми уже Европе недугами». Газета также утверждала, что «мы, очевидно, жестоко ошибались, когда видели в славянском движении и в самоотверженном порыве добровольцев признаки общественного пробуждения и серьезного поворота к лучшему».

В целом же российская печать в условиях кризиса конца 1870-х гг. уделяла чрезмерное внимание вопросам внешнеполитическим в ущерб обсуждению неприятных и чреватых цензурными взысканиями внутриполитических проблем. Вероятно, это вполне устраивало Министерство внутренних дел и подчиненный ему цензурный аппарат, поскольку в 1879 и 1881 гг. одним из мотивов наказания выступали активные призывы к органам печати отодвинуть на задний план внешнеполитические проблемы и заняться внутренними вопросами.

Печальная судьба газеты «Русская правда» в основном была связана с ее попытками регулярно проводить на своих страницах идею о необходимости решительных внутренних политических изменений в стране. Авторы статей в этом издании выступали с критикой «газетных шовинистов», пытавшихся в условиях усталости общества от напряжения, связанного с военными событиями, искусственно разжигать националистические настроения.

Приметой рассматриваемого периода в цензурной практике стало превращение сведений о революционных выступлениях и связанных с ними политических процессах из чрезвычайных, вызывавших Высочайшие повеления от имени царя, уже вполне в обыденные, с воздействием на печать, освещавшую эти события, при помощи Главного управления по делам печати по распоряжению министра внутренних дел, на основании статьи 140 цензурного устава. Действительно, революционные выступления становились приметой времени, но отказ от громогласных воззваний и Высочайших повелений был связан в первую очередь с попытками умолчать действительные факты о революционном движении в стране, не демонстрировать беспомощность властей перед этим во многом неожиданным явлением. «Отечествен-

ные записки» отмечали рост числа людей, которые подвергаются административному и судебному преследованию, но при этом, по утверждению автора статьи в журнале, в обществе существовали смутные представления о том, кто такие эти «внутренние враги».

Анализ статей, получивших цензурные взыскания, показывает, что Главное управление по делам печати пресекало любые попытки со стороны периодической печати разобраться в причинах роста революционного движения, особенно если это касалось обоснования этого феномена условиями внутреннего развития страны, объяснения «сумятицы нашего настоящего положения» необходимостью новых реформ («Неделя»).

Не допускались рассуждения о том, что в России нет социализма в западноевропейском смысле, что революционные волнения являются попыткой со стороны молодежи «помочь несчастному народу в его современном бедственном положении» («Отечественные записки», «Голос»). Решительные меры предпринимались и к тем изданиям, которые призывали к осторожности в применении карательных мер («Русская правда»), положительно оценивали оправдательный приговор Веры Засулич, с которого якобы должно начаться оздоровление всего российского общественного организма («Голос»). В этой связи циркулярно и устно не рекомендовалось публиковать статьи и художественные произведения, содержавшие рассказ о смутном времени, о крестьянских выступлениях и других потрясениях, произошедших в истории России. Более того, сочувствие к социальным переворотам прошедшего времени, например, Великой Французской революции, трактовалось как «маскируемая ненависть к существующему у нас государственному и общественному порядку» («Слово»).

Анализ вынесенных в это время периодическим изданиям предостережений показывает, что основные цензурные проблемы были связаны с соблюдением интересов государственных структур, боровшихся с ростом революционных настроений в стране. Министр внутренних дел, в чьем подчинении находилось Главное управление по делам печати, регулярно согласовывал свои дейст-

вия с III Отделением, с созданным 6 августа 1880 г. Департаментом полиции, Министерством иностранных дел. Допущение любой информации, содержащей упоминания о персоне императора и членов императорской семьи, координировалась с министром императорского Двора, запрещались любые сравнения царствования Александра II с предшествующими правлениями.

В этот период заметно усилилось вмешательство министра внутренних дел в выносимые определения Совета Главного управления по делам печати, его распоряжения приобретали всё более настойчивый характер, демонстрируя тревожное состояние властей. В этих условиях личные пристрастия министра в отношении печати, проявлявшиеся как в положительную, так и в отрицательную сторону. В этом плане примечательна история петербургской газеты «Русская правда», вынужденная закрыться из-за семи предостережений и двух приостановок, произошедших с октября 1878 г. по 16 марта 1880 г.

На основе полученных результатов можно сделать вывод, что предостережения печати оказывали определенное воздействие на читателей газет и журналов, вырабатывая у них особое отношение к публикуемым на страницах изданий материалам. Обязанность сообщать на своих страницах о выданных наказаниях подсказывала читателям, что о многих вещах пресса открыто говорить не может, что надо отыскивать в напечатанном иной скрытый смысл, не доверяя сказанному напрямую. Искать между строк – становилось устойчивой привычкой все большего и большего количества потребителей печатной продукции. Читатель в споре между цензурными органами, так своеобразно защищавшими интересы государства и прессой, страдавшей от административного произвола, чаще всего оказывался на стороне последней. Такая ситуация была наиболее характерна для конца 1878 г. и в полной мере проявилась в кризисном 1879 г., отмеченным ростом цензурных взысканий. Падение количества наказаний в 1880 г. было связано отчасти с временной простановкой в деятельности карательной административной машины.

Однако смысл публицистического текста не сводится к простому подстрекательству читателей к каким-то действиям. В нем на первом месте ав-

торский взгляд на те, или иные события, или на жизнь в целом, которым он хочет поделиться с читателем. Практика цензурных взысканий показывает, что в оценке цензурой тех или иных публицистических статей чаще речь шла о пресловутых междустрочных авторских контекстах, настроениях, чем о желании подтолкнуть потребителя газетно-журнальной продукции к каким-то шагам или поступкам.

Таким образом, история цензурных предостережений, выданных периодическим изданиям в 1879 – 1881 гг. была полна проблем, накопленных в практике российской цензуры с момента принятия закона 6 апреля 1865 г. К ним можно отнести избирательное использование законодательства к органам печати, находящимся на хорошем или плохом счету у представителей цензурных органов. Запрещенное для одних свободно размещалось на страницах других изданий, а закрытое для обсуждения вчера, становилось доступным сегодня или запрещенным завтра.

Изученный период в истории взаимодействия государства и периодической печати через органы цензуры сама пресса определяла как один из самых «оригинальных, не имеющих аналогов в прошлом», отмечая непропорциональность двух общественных течений: отрицательного, критического и положительного, творческого. В ходе исследования было выявлено, что от своеобразия этого этапа применительно к проблеме государственной политики, характеризовавшейся сохранением цензуры в отношении периодической печати и в то же время невозможности сделать ее всеобъемлющей, во многом зависел ход общественного развития страны во второй половине XIX в. Основные результаты, полученные в ходе изучения основных проблем изучаемого периода, а особенно методика исследования могут быть использованы при подготовке обобщающих работ по истории государственной политики в отношении печати в различные исторические периоды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. ИСТОЧНИКИ

1. Основные законодательные акты

1. *Варадинов, Н. В.* Сборник узаконений и распоряжений правительства по делам печати / Н. В. Варадинов. – СПб.; М., 1878. – 348 с.

2. Законы о печати: собрание действующих законодательных постановлений о печати, разъяснений по решениям кассационных департаментов Правительствующего сената и циркулярам министра внутренних дел. – СПб., 1875. – 266 с.

3. Именной Высочайший указ «О закреплении Верховной Распорядительной Комиссии, упразднении III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и об учреждении Министерства Почт и Телеграфов от 6 августа 1880 года // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2. Т. 55 (19 февраля 1880 – 28 февраля 1881). Ч. 1. № 61279.

4. О взыскании с периодических изданий, изъятых от предварительной цензуры, за оглашение вопросов, не подлежащих, в течение известного времени, опубликованию // ПСЗ. Собр. 2. Т. 48. (1873). Часть 1. № 52395. С. 859-860.

5. О временных генерал-губернаторах в городах Санкт-Петербурге, Харькове и Одессе, и о предоставлении как сим Генерал-Губернаторам, так и Генерал-Губернаторам в Москве, Киеве и Варшаве некоторых особых прав для охранения порядка и общественного спокойствия во вверенном им крае» от 5 апреля 1879 года // ПСЗ. Собр. 2. – Т. 54 (1879 – 18 февраля 1880). – Ч. 1. – № 59476.

6. О временных мерах относительно периодической печати // ПСЗ. Собр. 3. – Т. 2. – № 1072. – С. 391.

7. О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати // ПСЗ. Собр. 2. – Т. 40 (1865). – Часть 1. – № 41988. – С. 396.

8. О дополнении и изменении некоторых из действующих узаконений о печати // ПСЗ. Собр. 2. – Т. 47. (1872). – Часть 1. – № 50958. – С. 815-817.

9. О дополнении существующих узаконений о печатании судебных решений // ПСЗ. Собр. 2. – Т. 50. (1875). – Часть 1. – № 54353. – С. 114.

10. О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях // ПСЗ. Собр. 2. – Т. 40. (1865). – Часть 1. – № 41990. – С. 397-406.

11. О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях // ПСЗ. Собр. 2. – Т. 40 (1865). – Ч. 1. – № 41990. – С. 397-406.

12. О порядке печатания постановлений, отчетов о заседаниях, а также суждений, прений и речей, состоявшихся в земских, дворянских и городских общественных и сословных собраниях // ПСЗ. Собр. 2. – Т. 42. (1867). – Часть 1. – № 44691. – С. 898-899.

13. О предоставлении Губернаторам особых прав при замещении постоянных должностей по земским и городским учреждениям // ПСЗ. Собр. 2. – Т. 54 (1879 – 18 февраля 1880). – Ч. 2. – № 59947. С. 56.

14. О применении пункта 55 прил. к статье 4 Устава Цензурного Т. XIV Свода Зак. по Прод. 1876 года // ПСЗ. Собр. 2. – Т. 54. (1879 – 18 февраля 1880). – Часть 2. – № 59985. – С. 87.

15. О разъяснении статьи 12 главы III временных правил о цензуре и печати // ПСЗ. Собр. 2. – Т. 49. (1874). – Часть 1. – № 53398. – С. 667-668.

16. Об установлении наказания за оглашение в печати сведений, обнаруживаемых дознанием или предварительным следствием // ПСЗ. Собр. 2. – Т. 45. (1870). – Часть 1. – № 47966. – С. 125-126.

17. Постановление о публичном распространении слова, письма и печати. (Составлено согласно заключениям департамента законов). – Б. м., – б. г. – 33 с.

18. Сборник узаконений и распоряжений правительства по делам печати. – СПб.: типография Ретгера и Шнейдера, 1878. – 347 с.

19. Сборник циркуляров и распоряжений по делам печати, объявленных инспекторами типографий держателям заведений печати г. С.-Петербурга с 1882 по 1897 г. / сост. *И. П. Карамышев*. – СПб., 1897. – 62 с.

2. Материалы архивных фондов

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 776. Главное управление по делам печати, 1865–1917 гг.

Опись 1. Всеподданнейшие доклады министра внутренних дел по Главному управлению по делам печати. 1865–1917 гг.

Ед. хр. 14. Всеподданнейшие доклады министра внутренних дел по Главному управлению по делам печати за 1878 г.

Ед. хр. 15. Всеподданнейшие доклады министра внутренних дел по Главному управлению по делам печати за 1879 г.

Ед. хр. 16. Всеподданнейшие доклады министра внутренних дел по Главному управлению по делам печати за 1880 г.

Ед. хр. 17. Всеподданнейшие доклады министра внутренних дел по Главному управлению по делам печати за 1881 г.

Ед. хр. 19. Всеподданнейшие доклады министра внутренних дел по Главному управлению по делам печати за 1883 г.

Опись 2. Журналы заседаний Совета Главного управления по делам печати. 1865–1905 гг.

Ед хр. 1. Журналы заседаний Совета Главного управления по делам печати за 1865 г.

Ед хр. 20. Журналы заседаний Совета Главного управления по делам печати за 1880 г.

Ед хр. 21. Журналы заседаний Совета Главного управления по делам печати за 1881 г.

Опись 3. Главное управление по делам печати.

Ед. хр. 101. Характеристика направления газеты «Голос». 5 марта 1879 – 21 марта 1886 г.

Ед. хр. 440. Дело по изданию «Нового времени».

Опись 6. Главное управление по делам печати.

1-е отделение (периодическая печать Петербурга и Москвы). 1878–1880 гг.

Ед. хр. 243. Дело об издании в Петербурге газ. «Северный вестник».

Ед. хр. 245. Дело об издании в Петербурге журн. «Слово».

Ед. хр. 392. Дело о подтверждении редакторам газет запрещения помещать статьи о возможности изменения государственного строя.

Ед. хр. 398. Дело о запрещении редакторам периодических изданий помещать враждебные Германии и Австро-Венгрии статьи.

Ед. хр. 418. Дело об издании в Петербурге газеты «Берег».

Ед. хр. 470. Дело о запрещении редакторам периодических изданий помещать статьи, критикующие деятельность III отделения с.е.и.в. канцелярии.

Ед. хр. 478. Дело о подтверждении редакторам периодических изданий запрещения помещать враждебные Германии статьи.

Опись 20. Главное управление по делам печати. 1878–1913.

Ед. хр. 1441. Отчет Главного управления за 1882–1892 гг.

Ф. 777. Петроградский комитет по делам печати.

Опись 5. Петроградский комитет по делам печати. 1897–1904 гг.

Ед. хр. 205. Докладная записка цензора Н. Соколова о циркулярных распоряжениях по Главному управлению по делам печати с 1 сент. 1865 г. – 1 янв. 1900 г.

Ф. 796. Канцелярия Синода.

Опись 164. 1883 г.

Ед. хр. 2342. О подчинении газеты «Церковно-Общественный вестник» духовной цензуре.

Ф. 908. Оп. 1. Валуев, гр. Петр Александрович (1814–1890), министр внутренних дел, министр государственных имуществ, председатель Комитета министров, член Государственного совета.

Ед. хр. 104. О положении дел печати

Ед. хр. 168. Материалы по делам цензуры и печати. 1862–1882

Ф. 1574. Победоносцев Константин Петрович (1827–1907 гг.). Обер-прокурор Синода. Член Государственного совета.

Опись 1. 1841–1929 гг.

Ед. хр. 2б. Письма к К. П. Победоносцеву.

3. Материалы периодической печати

1. *Quidam*. Слесарь Гамэн. // Слово. – 1880. – Январь. – С. 7.

2. *А. Вв-ский*. Русская журналистика // Русская правда. – 1879. – № 131. – 14 сентября.

3. *Аверкиев Д.* Ложь или правда? // Новое время. – 1881. – № 1833. – 5 апреля.

4. *Александр Дьяков*. Как утопили «Берег». Письмо в редакцию // Новое время. – 1881. – № 1753. – 14 января.

5. *Арсеньев К.* Политический процесс 1869–1871 г. // Вестник Европы. – 1871. – Ноябрь. – С. 285.

6. *Арсеньев К.* Русская печать на рубеже третьего столетия своего существования // *Право.* – 1903. – № 2. – 5 января.

7. *Артиллерист.* Впечатления и скорбные думы офицера по поводу рокового события 1 марта // *С.-Петербургские ведомости.* – 1881. – № 72. – 15 марта.

8. *Беллюстин.* К вопросу о раскольниках // *Церковно-общественный вестник.* – 1879. – 11 апреля. – С. 1-3.

9. Бесплодный спор // *Биржевая газета.* – 1879. – № 8. – 10 января.

10. В ожидании // *Новая газета.* – 1881. – № 8. – 9 августа.

11. В чем выход // *Неделя.* – 1879. – № 1. – 7 января.

12. В. В-въ. Задачи западноевропейской цивилизации и современная Франция // *Слово.* – 1879. – Ноябрь. – С. 114.

13. *В. Модестов.* От редакции // *Новая газета.* – 1881. – № 8. – 9 августа.

14. *В. Модестов.* Свобода печати // *Новая газета.* – 1881. – № 5. – 5 августа.

15. *В. Р.* Errur si muove! // *Русская правда.* – 1879. – № 132. – 15 сентября.

16. Внутреннее обозрение // *Земство.* – 1881. – № 17. – 25 марта.

17. Внутреннее обозрение // *Отечественные записки.* – 1879. – № 1. – С. 119.

18. Во что обошёлся казне «Берег» // *Современные известия.* – 1881. – № 21. – 22 февраля.

19. *Гессен В. М.* О воспрещении розничной продажи // *Сын Отечества.* – 1904. – № 9. – 26 ноября.

20. *Гайдебуров П. А.* Из прошлого «Недели». (Несколько личных воспоминаний) // *Книжки «Недели».* – 1893. – № 3. – С. 24.

21. *Голос.* – 1865. – № 244. – 4 сентября.

22. *Голос.* – 1865. – № 279. – 9 октября.

23. *Голос.* – 1865. – № 300. – 30 октября.

24. *Голос.* – 1879. – № 320. – 20 декабря.

25. Голос. – 1881. – № 198. – 19 июля.
26. Голос. – 1881. – № 202. – 28 июля.
27. Голос. – 1881. – № 63. – 4 марта.
28. Голос. – 1881. – № 90. – 31 марта.
29. Ежедневная беседа // Биржевые ведомости. – 1879. – № 8. – 10 января.
30. Ежедневное обозрение // Русский курьер. – 1881. – № 149. – 2 июня.
31. *Жика В.* Сенатские выборы во Франции // Слово. – 1879. – Февраль. – С. 46.
32. За неделю // Молва. – 1880. – № 82. – 23 марта.
33. За неделю // Молва. – 1881. – № 73. – 15 марта.
34. Дневник. Прошлая неделя // Голос. – 1879. – № 319. – 18 ноября.
35. Земство. – 1881. – № 46. – 14 октября.
36. Из Восточной Сибири // Русский курьер. – 1881. – № 202. – 25 июля.
37. Из газет и журналов. (Русских и иностранных) // Молва. – 1880. – № 82. – 23 марта.
38. Из общественной хроники // Вестник Европы. – 1883. – Т. 4. – Кн. 8. – С. 900.
39. Источник будущих затруднений // Биржевая газета. – 1879. – № 9. – 11 января.
40. *Леон Кладель.* Генеральша с деревянной ногой // Слово. – 1880. – Январь. – С. 15.
41. Листок // Голос. – 1879. – № 91. – 1 апреля.
42. Литературные заметки // Отечественные записки. – 1880. – № 9. – С. 135.
43. *Максим Белинский.* На чистоту // Слово. – 1880. – Январь. – С. 145-159.
44. *Мартов.* Мимо // Слово. – 1880. – Январь. – С. 56.
45. Как утопили «Берег»? // Новое время. – 1881. – № 1753. – 14 января.

46. Киев, 21 июля (корреспонд. Русского Курьера) // Русский курьер. – 1881. – № 202. – 25 июля.
47. Меж газет и журналов // Русская правда. – 1879. – № 31. – 1 февраля.
48. Меж газет и журналов // Русская правда. – 1879. – № 37. – 7 февраля.
49. Меж газет и журналов // Русская правда. – 1879. – № 41. – 11 февраля.
50. Мимоходом. (Наброски, штрихи, заметки и пр.) // Молва. – 1880. – № 82. – 23 марта
51. Мир или война? // Гражданин. – 1878. – № 18. – 6 мая.
52. Молва. – 1881. – № 72. – 14 марта.
53. Молва. – 1881. – № 73. – 15 марта.
54. *Н. Д.* Trade-Unionsc // Слово. – 1879. – Февраль.
55. *Н. З.* Диалектика в ее применении к науке // Слово. – 1879. – Ноябрь.
56. На очереди // Русский мир. – 1879. – № 32. – 4 февраля.
57. Наши грады и веси // Голос. – 1879. – № 87. – 23 марта.
58. Нашим национал-либералам. (Письмо со стороны) // Слово. – 1879. – Февраль.
59. Нежин (корреспонд. Русского Курьера) // Русский курьер. – 1881. – № 206. – 29 июля.
60. Новая газета. – 1881. – № 3. – 3 августа.
61. Новое время. – 1879. – № 1021. – 1 января.
62. Новое время. – 1881. – № 1838. – 10 апреля.
63. Объяснение и заметки // Неделя. – 1876. – № 3-5. – С. 171-172.
64. От редакции // Новая газета. – 1881. – № 1. – 1 августа.
65. Отечественные записки. – 1879. – № 4.
66. *Откровенный писатель.* Воскресные сказки // Русская правда. – 1880. – № 8. – 9 марта.
67. О предметах вызывающих на размышления. Девять писем султана Мендаля Пиралиева в редакцию «Нового времени» // Новое время. – 1881. – № 1935. – 19 июля. – С. 3.

68. По поводу одного обеда // Новое время. – 1880. – № 1649. – 30 сентября.
69. По поводу приостановки издания газеты «Голос» // Русский курьер. – 1881. – № 207. – 30 июля.
70. Положение печати // Русская мысль. – 1881. – № 8. – С. 61.
71. Правительственный вестник. – 1880. – № 39. 15 февраля.
72. Правительственный вестник. – 1881. – № 49. 5 марта.
73. Право – 1904. – № 51. – 19 декабря.
74. Россия и Европа в чумном вопросе // Биржевая газета. – 1879. – № 12. – 14 января.
75. Русская журналистика // Русская правда. – 1879. – № 125. – 7 сентября.
76. Русская правда. – 1879. – № 136. – 19 сентября.
77. Русская правда. – 1879. – № 139. – 22 сентября.
78. Русская правда. – 1879. – № 14. – 15 января.
79. Русская правда. – 1879. – № 18. – 19 января.
80. Русская правда. – 1880. – № 1. – 1 марта.
81. Русская правда. – 1880. – № 16. – 16 марта.
82. Русский курьер. – 1880. – № 66. – 9 марта.
83. Русский курьер. – 1881. – № 155. – 8 июня.
84. Русский мир. – 1879. – № 32. – 4 февраля.
85. Русское общество в 1878 году // Новое время. – 1879. – № 1021. – 1 января.
86. С. Пр. Внутреннее обозрение // Земство. – 1881. – № 32. – 9 июля.
87. Северная почта. – 1865. – № 221.
88. Северная почта. – 1867. – № 7.
89. Санкт-Петербург. 31 марта 1879 г. // Голос. – 1879. – № 91. – 1 апреля.
90. Современное обозрение // Отечественные записки. – 1880. – № 10.
91. Современные известия. – 1880. – № 22. – 23 января.

92. С-Петербургские ведомости. – 1865. – № 229. – 4 сентября.
93. Среди газет и журналов // Новое время. – 1880. – № 1657. – 8 октября.
94. Страна – 1881. – № 27. – 3 марта.
95. Страна. – 1881. – № 7. – 15 января.
96. Страна. – 1881. – № 8. – 18 января.
97. Судебный вестник. – 1866. – № 55. – 6 октября.
98. Судебный вестник. – 1867. – № 141.
99. Судовые порядки в заграничных плаваниях // Голос. – 1881. – № 183. – 4 июля.
100. *Гирс Дмитрий*. Воскресные сказки. Открытое письмо к генерал-адъютанту А. Р. Дрентельну // Русская правда. – 1878. – № 8. – 8 октября.

4. Воспоминания. Дневники. Переписка

1. *Бельгард, А. В.* Воспоминания / А. В. Бельгард / вступ. статья, подгот. текста *Е. Н. Андреевой*; коммент. *Г. М. Пономаревой, Т. К. Шор, Н. Г. Патрушевой*. – М.: Новое лит. обозрение, 2009. – 688 с.
2. Всеподданнейший доклад министра внутренних дел графа М. Т. Лорис-Меликова Александру II 20 сентября 1880 г. // Былое. – 1917. – № 4(26). – С. 36.
3. *Гайдебуров, П. А.* Из прошлого «Недели». (Несколько личных воспоминаний) / П. А. Гайдебуров // Книжки «Недели». – 1893. – № 3. – С. 5-30.
4. *Гиляровский, В. А.* Москва газетная: Друзья и встречи / В. А. Гиляровский. – Мн.: Наука и техника, 1989. – 384 с.
5. *Головнин, А. В.* Записки для немногих / Отв. Сост. и науч. Ред. д. и. н. Б. Д. Гальперина. / А. В. Головнин. – СПб.: Издательство «Нестор-История»; СПбИИ РАН, 2004. – 576 с.
6. Дневник П. А. Валуева министра внутренних дел. В двух томах. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1961. – Т. II. – 1865–1876. – 588 с.
7. *Егоров, Анатолий (Каспаров)*. Страницы из прожитого (1881–1906 гг.). / Анатолий Егоров. – Одесса, 1913. – 318 с.

8. Исповедь графа Лорис-Меликова. Сообщил С. Шпицер // Каторга и ссылка. – 1925. – № 2 (15). – С. 119-124.

9. Князь Павел Петрович Вяземский / П. Петров. – СПб.: Тип. И. Габермана, 1881. – 16 с.

10. Кони, А. Ф. Граф М. Т. Лорис-Меликов / А. Ф. Кони // Собрание сочинений: В 8 т. – М.: Юридическая лит-ра, 1968. – Т. 5. – С. 184-216.

11. Кони, А. Ф. Из записок судебного деятеля / А. Ф. Кони // Собрание сочинений в восьми томах. – М.: Издательство «Юридическая литература», 1966. – Том 1. – 568 с.

12. М. Е. Салтыков в письмах к Гр. Зах. Елисееву // Заветы. – 1914. – № 4. – Апрель. – С. 22-48.

13. М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 1-5. – СПб, 1912. – Т. 2. – 561 с.

14. Никитенко, А. В. Записки и дневник: В 3 т. / А. В. Никитенко. – М.: «Захаров», 2005. – Т. 3. – 592 с.

15. Письма К. П. Победоносцева к Е. М. Феоктистову / Вступительная статья Б. Горева. Публикация и комментарии И. Айзенштока // Литературное наследство. – М.: Жур.-газ. объединение, 1935. – Т. 22/24. – С. 497-561.

16. Письмо К. П. Победоносцева к П. П. Вяземскому (начальнику Главного управления по делам печати) о статье в газ. «Современные известия» и о желательности усиления цензурных строгостей к газетам // РГИА. – Ф. 1574. – Оп. 2. – Д. 245.

17. Письмо Н. С. Абазы – М. Т. Лорис-Меликову // РГИА. – Ф. 776. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 35-36.

18. Письмо К. П. Победоносцева к П. П. Вяземскому (начальнику Главного управления по делам печати) о статье в газ. «Современные известия» и о желательности усиления цензурных строгостей к газетам // РГИА. – Ф. – 1574. – Оп. 2. – Д. 245.

19. *Русанов, Н. С.* На родине. 1859–1882 / Предисл.: Иван Теодорович. / Н. С. Русанов. – М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. – 351 с.

20. *Феоктистов, Е. М.* За кулисами политики и литературы 1848–1896. / Е. М. Феоктистов. – М.: Новости, 1991. – 460 с.

21. *Шереметев, С. Д.* Князь Павел Петрович Вяземский. Воспоминание 1868–1888. / С. Д. Шереметев. – СПб., 1888. – 16 с.

22. *Шляпкин, И.* Воспоминания // Сборник в память князя Павла Петровича Вяземского. / И. Шляпкин. – СПб.: типография И. Н. Скороходова, 1902. – С. 40-48.

II. ЛИТЕРАТУРА

1. Исследования

1. *Антонова, Т. В.* Цензура и общество в пореформенной России (1861–1882) / Т. В. Антонова. – М.: РИЦ «Альфа», 2003. 172 с.

2. *Арсеньев, К. К.* Законодательство о печати. Великие реформы 60-х гг. в их прошлом и настоящем / К. К. Арсеньев. – СПб., 1903. 264 с.

3. *Арсеньев, К.* Политический процесс 1869–1871 г. / К. Арсеньев // Вестник Европы. – 1871. – Ноябрь. – С. 283-320.

4. *Арсеньев К.* Русская печать на рубеже третьего столетия своего существования / К. Арсеньев // Право. – 1903. – № 2. – 5 января.

5. *Афанасьев, А. П.* Из истории цензурной политики самодержавия в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. / А. П. Афанасьев // Вопросы истории СССР. – М., 1972. – С. 203-223.

6. *Балуев Б. П.* Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика / Б. П. Балуев. – М., 1971. – 315 с.

7. *Бережной А. Ф.* Царская цензура и борьба большевиков за свободу печати (1895–1914) / А. Ф. Бережной. – Л., 1967. – 288 с.

8. *Блохин, В. Ф.* Из истории цензурного реформаторства: государство и легальная печать России в политическом контексте (1865–1905 годы) / В. Ф.

Блохин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 6. – С. 34-44.

9. *Блохин В. Ф.* Всевидящим ли было «цензурное око» государево? (система цензурного управления, цензура и проблема становления гражданского общества в России) / В. Ф. Блохин // Гражданогенез в России. Под общей редакцией В. Д. Мехедова, В. Ф. Блохина. – Брянск, 2009. – С. 81-107.

10. *Блохин, В. Ф.* О вреде «вредного направления» (начальный этап реализации новой государственной модели управления печатью в 60-е гг. XIX в. / В. Ф. Блохин // Вестник молодых учёных. Серия: Исторические науки. – 2007. – № 4. – С. 109-115.

11. *Блохин, В. Ф.* Становление и развитие губернской периодической печати в России (вторая треть XIX – начало XX в.: дисс. ... д-ра. ист. наук / В. Ф. Блохин. Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2010. 604 с.

12. *Блохин, В. Ф., Косарев, С. И.* Российская периодическая печать о внешней политике Англии конца 1870-х гг. / В. Ф. Блохин, С. И. Косарев // Вестник Брянского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 26-31.

13. *Блохин В. Ф.* Российская периодическая печать в период «политической оттепели» начала 1880-х гг. // Вестник Брянского государственного университета / В. Ф. Блохин. – 2010. – № 2. – С. 14-20.

14. *Блюм, А.* Русские писатели о цензорах и цензуре: от Радищева до наших дней, 1700–1990: опыт комментированной антологии / А. Блюм. – СПб., 2011. – 608 с.

15. *Богучарский, В.* Из прошлого русского общества // Очерки из истории русской журналистики XIX века / В. Богучарский. – СПб., 1904. – 406 с.

16. *Богучарский, В. Я.* Цензурные взыскания / В. Я. Богучарский // Энциклопедический словарь: изд. Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1903. – Т. 38. – С. 1-8.

17. В защиту слова: сб. – СПб., 1906. – 255 с.

18. Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. – М.: ОЛМА-ПРЕСС: Экслибрис, 2006. – 800 с.
19. *Воронич, К. И.* Представители печати в Комиссии / К. И. Воронич. – СПб., 1880. – 21 с.
20. *Градовский А.* О свободе русской печати. Посмертное изд. / Под ред. А. А. Шахматова / А. Градовский. – СПб., 1905. – 168 с.
21. *Градовский, Г. К.* К истории русской печати // Цензура в России в конце XIX – начале XX века. Сборник воспоминаний / Г. К. Градовский. Сост., вступ. ст., примеч. и указ. Н. Г. Патрушевой; Ред. М. А. Бенина / Г. К. Градовский. – СПб.: Рос. нац. б-ка., Дмитрий Буланин, 2003. – С. 103-124.
22. *Григорьев, С. И.* Придворная цензура и образ Верховной власти (1831–1917) / С. И. Григорьев. – СПб.: Алетейя, 2007. 480 с.
23. *Джаншиев, Г. А.* Цензурная реформа / Г. А. Джаншиев // Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. – СПб., 1907. – С. 337-382.
24. *Евгеньев-Максимов В.* Судьбы журнала «Слово» в связи с революционными выступлениями 70-х – 80-х гг. // Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы / В. Евгеньев-Максимов. – Л., 1930. – С. 256-303.
25. *Еленев, Ф. И.* О злоупотреблениях литературы и о действиях цензурного ведомства с конца пятидесятих годов по настоящее время. II. О необходимых изменениях в устройстве цензурного ведомства / Ф. Еленев. – СПб., 1896. – 90 с.
26. *Емельянов, Н.* Из истории русских официозов 1879–1880 гг. / Н. Емельянов // Вопросы журналистики. Вып. 2. – Л., 1960. – Кн. 2. – С. 72-80.
27. *Ерошкин, Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России: Учебник для вузов. 3-е изд. / Н. П. Ерошкин. – М., 1983. – 672 с.
28. *Есин, Б. И.* Материалы к истории газетного дела в России / Б. И. Есин // Вестник Московского университета. Серия Журналистика. – 1967. – № 4. – С. 84-86.

29. *Жирков, Г. В.* История цензуры в России XIX–XX вв. / Г. В. Жирков: учеб. пособие. – М.: Аспект пресс, 2001. – 368 с.
30. *Зайончковский, П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов / П. А. Зайончковский. – М., 1964. – С. 261-413.
31. *Зельдич, Ю. В.* Петр Александрович Валуев и его время: Историческое повествование / Ю. В. Зельдич. – М.: Аграф, 2006. – 576 с.
32. *Итенберг, Б. С., Твардовская, В. А.* Граф М. Т. Лорис-Меликов и его современники / Б. С. Итенберг, В. А. Твардовская. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 687 с.
33. Комитет цензуры иностранной в Петербурге, 1828–1917: док. и материалы / сост. *Н. А. Гринченко, Н. Г. Патрушева*; науч. ред. Д. И. Раскин. – СПб.: Изд-во РНБ, 2006. – 264 с.
34. *Коновалов, В. Н.* К характеристике общественно-литературной позиции журнала «Слова» (1878–1881) // Русская журналистика в литературном процессе второй половины XIX века. (Сборник научных трудов) / В. Н. Коновалов. – Пермь, 1980. – С. 30-31.
35. *Кузнецов, Ф. Ф.* Журнал «Русское слово» / Ф. Ф. Кузнецов. – М., 1965. – 398 с.
36. *Куксанова, Н. В.* Государство и русское общество в публицистике Р. А. Фадеева / Н. В. Куксанова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10. – Вып. 6. – С. 5-10.
37. *Кумачева С. В.* Цензура «бесцензурной» печати в пореформенной России / С. В. Кумачева. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2010. – Выпуск № 2. – С. 21-30.
38. *Лемке М. К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия / М. К. Лемке. – СПб., 1904. – 427 с.
39. *Лемке М. К.* Распоряжения Комитета министров об уничтожении произведений печати за 1872–1904 гг. // Вестник права. – 1905. – № 4. – С. 119-134.

40. Лемке, М. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов / М. Лемке. – СПб.: типография «Герольд», 1904. – 532 с.

41. Луночкин А. В. Национальный вопрос в газете «Голос» (1863–1883) / А. В. Луночкин // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Философия. – 1977. – Вып. 2. – С. 32-38.

42. Луночкин, А. В. От сотрудничества к конфронтации: газета «Голос» и цензура (1863–1883) / А. В. Луночкин // Цензура в России: история и современность. Сб. научных трудов. – СПб., 2001. – Вып. 1. – С. 77-94.

43. Мак-Куэйл Д. Массовая коммуникация и общественный интерес: к вопросу о социальной теории структуры и функционирования медиа // Назаров М. М. PR – Связь с общественностью. Хрестоматия / Д. Мак-Куэйл. – М., 2002. – С. 241-242.

44. Массон, М. «Ташкентский» великий князь. Из воспоминаний старого туркестанца / М. Массон // Звезда Востока. – 1991. – № 12. – С. 114-125.

45. Новомбергский Н. Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России. Лекции, читанные в Русской высшей школе общественных наук в Париже / Н. Новомбергский. – СПб., 1906. – 308 с.

46. Оржиховский И. В. Администрация и печать между двумя революционными ситуациями (1866–1878 гг.): лекции по спецкурсу / И. В. Оржиховский. – Горький, 1973. – 93 с.

47. Патрушева, Н. Г. Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865 – 1905 гг. Система административных взысканий. Справочное издание / Н. Г. Патрушева. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 412 с.

48. Патрушева, Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук / Н. Г. Патрушева. – СПб., 2014. Т. 1. 343 с.

49. Патрушева, Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века / Н. Г. Патрушева. – СПб.: Северная звезда, 2013. – 620 с.

50. *Писарев, Д. И.* Очерки из истории печати во Франции / Д. И. Писарев // Писарев Д. И. Полное собрание сочинений: В 6 т. / – СПб., 1894. – Т. 2. – 616 с.

51. *Розенберг Вл.* В мире случайностей / Вл. Розенберг // Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. – М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1905. – С. 118-158.

52. Речь М. М. (Стасюлевича) в Комиссии по пересмотру закона о печати, 1880 г. // М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1911. Т. 1. С. 545.

53. *Розенберг Вл.* В мире случайностей // Русская печать и цензура в прошлом и в настоящем. Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1905. С. 146.

54. *Розенберг Вл.* Пресса, цензура и общество // Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1905. С. 97.

55. *Рубакин Н. А.* Взыскующие града. Из наблюдений над русским читателем // «Искорки». Очерки и наброски публициста. С.-Петербург: Типография П. Ф. Вошинской, 1901. С. 152-153. (С. 150-185).

56. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. – М., 1905. – 251 с.

57. Русская пресса и цензура. Материалы для характеристики положения русской прессы. СПб.: типография «Россия», б. г. С. 30-31.

58. Самодержавие и печать в России / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: типография А. Э. Венике, 1906. 37 с.

59. *Силаев М. А.* Правительственный официоз газета «Берег» (1880 г.) // Труды Государственного исторического музея / М. А. Силаев. – М., 1976. – Вып. 46. – С. 214-237.

60. *Смирнов В. Б.* Русская журналистика на рубеже 70-х – 80-х годов (к 100-летию второй революционной ситуации) // Русская журналистика в литературном процессе второй половины XIX века. Сб. научных трудов. Пермь, 1980. С. 3-26

61. *Сонина Е. С.* Петербургская универсальная газета конца XIX века. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. 357 с.
62. Список периодических изданий, подвергшихся административным взысканиям в 1865–1904 гг. // Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1905. С. 193-226
63. *Твардовская В. А.* Идеолог самодержавия в период кризиса «верхов» на рубеже 70–80-х годов XIX в. // Исторические записки. М., 1973. Т. 91. С. 241. (с .217-266)
64. *Теплинский М. В.* «Отечественные записки» (1868 – 1884). История журнала. Литературная критика. Южно-Сахалинск: Дальневосточное книжное издательство, 1966.С. 109.
65. *Троицкий Н. А.* Историография второй революционной ситуации в России. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. 93 с.
66. *Трубников К. В.* Печать, как власть настоящего над будущим. СПб., 1899. С. 10.
67. *Хейфец М. И.* Вторая революционная ситуация (конец 70-х – начало 80-х годов XIX века). Кризис правительственной политики. М., 1963
68. Цензоры Российской империи. Конец XVIII – начало XX века. Библиографический справочник. СПб., 2013. С.132.
69. *Чернуха В. Г.* Главное управление по делам печати в 1865–1881 гг. // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века. Сб. науч. тр. / В. Г. Чернуха. – СПб., 1992. – Вып. 6. – С. 20-40.
70. *Чернуха В. Г.* Правительственная политика в отношении печати, 60–70-е годы XIX века / В. Г. Чернуха. – Л., 1988. – 208 с.
71. *Энгельгардт Н.* Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб.: Издание А. С. Суворина. 389 с.

2. Справочные издания, библиография

1. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. С приложением портрета и факсимиле / Составил Н. И. Веселовский (Издание Императорского Русского Археологического общества). – СПб., 1887. – С. 257.

2. Газеты дореволюционной России, 1703–1917: каталог / Рос. нац. б-ка; сост.: Т. В. Акопян, А. А. Кряжева, Н. П. Седова, И. А. Снегирева, С. А. Фурман; ред. Т. В. Акопян, М. А. Луковская. – СПб.: Рос. нац. б-ка, 2007. – 592 с.

3. Григорьев В. В. Жизнь и труды П. С. Савельева преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним. С приложением портрета П. С. Савельева и снимка с его почерка. – СПб., типография Императорской Академии наук, 1861. – С. 161.

4. Добровольский, Л. М. Библиографический обзор дореволюционной и советской литературы по истории русской цензуры / Л. М. Добровольский // Труды БАН СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. – М.; Л., 1961. – Т. 5. – С. 245-252.

5. Исторический обзор деятельности Комитета министров: к столетию Комитета министров (1802–1902) / Сост. С. М. Середонин. – СПб. : Канцелярия Ком. министров, 1902. – Т. 3. – Ч. 2. – С. 204.

6. Лисовский, Н. М. Библиография русской периодической печати, 1703–1900 гг.: (материалы для истории русской журналистики) / Н. М. Лисовский. – Пг., 1915. – 1067 с.

7. Мезьер, А. В. Словарь русских цензоров: материалы к библиографии по истории русской цензуры / А. В. Мезьер. – М.: ГПИБ, 2000. – 144 с.

8. Мсерианц, З. М. Законы о печати: настольная справочная книга для авторов, переводчиков, издателей и содержателей типографий и литографий, фототипий, металлографий, заведений, производящих и продающих принадлежности тиснения, книжных магазинов, лавок, киосков, бесплатных народных читален, библиотек и кабинетов для чтения, а также для торгующих произведениями печати в разнос, фотографчиков, содержателей театров,

драматических писателей и лиц судебного ведомства / З. М. Мсерианц. – 8-е изд., вновь доп. – М., 1899. – 43 с.

9. *Патрушева, Н. Г.* Изучение истории цензуры второй половины XIX – начала XX века в 1960–1990-е гг.: библиогр. обзор / Н. Г. Патрушева // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 30. – С. 425-438.

10. *Патрушева Н. Г.* Исследования по истории дореволюционной цензуры в России, опубликованные в 1999–2009 гг.: библиогр. обзор / Н. Г. Патрушева // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. – СПб., 2011. – Вып. 5. – С. 358-376.

11. Русская периодическая печать, 1702–1894: справочник / под ред. *А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепанова.* – М.: Госполитиздат, 1957–1959. – Т. 1-2.

12. Список публикаций документов по истории цензуры в России конца XVIII – начала XX века: материалы к указ. отечеств. лит. / сост. *Н. А. Гринченко и Н. Г. Патрушева* // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. – СПб., 2008. – Вып. 4. – С. 318-360.

13. Цензура в России (конец XVIII – начало XX века): авторефераты диссертаций, 1947–2004 гг. / сост. *Н. Г. Патрушева* // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. – СПб., 2006. – Вып. 3. – С. 288-295.